

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. А. АЛЕКШИН

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ

(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ
СРЕДНЕЙ АЗИИ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Монография посвящена проблеме реконструкции общественного строя раннеземледельческих общин Средней Азии и Ближнего Востока по материалам погребальных обрядов. В книге разработана методика социологических реконструкций по данным могильников, прослежен процесс социального и имущественного расслоения древнеземледельческих общин.

Книга рассчитана на археологов, историков, специалистов по древней археологии Средней Азии и Ближнего Востока.

Ответственный редактор В. М. МАССОН

Рецензенты К. Х. КУШНАРЕВА, И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Изучение социального строя доклассовых обществ является одной из основных задач современной этнографии и археологии. На этнографическом материале социальное расслоение таких архаических обществ выявлено достаточно убедительно [31].

Разработка аналогичной проблемы для эпохи первобытнообщинного строя затруднена из-за отсутствия письменных источников. В связи с этим решающий вес приобретают археологические. Социологический анализ данных, полученных при раскопках древних поселений и могильников, имеет свою специфику и требует специальных методических приемов обработки материала. Для извлечения необходимой информации целесообразно подвергнуть каждый источник в отдельности детальному анализу.

Настоящая работа посвящена реконструкции общественного строя ранних земледельцев Средней Азии и Ближнего Востока по данным погребальных обрядов. Подобная постановка проблемы не является новой для советской археологии. Ее разработка до сих пор шла в двух основных направлениях. Одно из них связано с интерпретацией двойных захоронений эпохи бронзы в связи с реконструкцией форм семьи и брака у первобытных племен евразийских степей [7; 29, с. 55—63; 30, с. 211—229; 38, с. 119—129; 76, с. 89—123; 81, с. 23—26; 82; 83; 84].

Второе направление представлено работами по социальной дифференциации первобытных обществ тогда, когда она отражалась в погребальных обрядах. Первые шаги в этой области были предприняты еще в предвоенные годы [32; 62, с. 54—55, 59—60; 63, с. 327—330]. В после-

военный период вопросы социальной структуры древних обществ ставятся в работах А. А. Иессена [28] и Б. Б. Пиотровского [60, с. 44—47]. Наибольший интерес к этой проблематике возникает в 60—70-х гг. Появляется ряд публикаций, посвященных социальной стратификации древних обществ восточной [16; 74; 178] и северной Европы [80], Кавказа [36], Средней Азии [1, с. 17—21; 3; 8, с. 134—139; 9, с. 135—144; 34; 46, с. 85—86; 49; 50; 72].

В 1971 г. в Ленинграде было проведено Всесоюзное совещание, посвященное проблемам реконструкции общественного строя древних племен по данным погребальных обрядов [75]. На совещании обсуждалась методика социологических исследований, а также критерии, по которым производится оценка степени богатства погребений. Совещание дало новый импульс исследованиям в этом направлении [51, с. 149—176].

Тем не менее для Средней Азии и Ближнего Востока социологические реконструкции, основанные на всестороннем анализе древних могильников, где серии массового материала способствуют достоверности полученных выводов, а также методика подобных реконструкций не были разработаны.

Именно это обстоятельство обусловило выбор автором темы диссертации [4]. Настоящая книга является ее дополненным и переработанным изданием.

При раскопках древнеземледельческих поселений Средней Азии и Ближнего Востока обнаружены большие серии погребений. Охватить весь этот материал невозможно, тем более в работе, небольшой по объему. В связи с этим приходится ограничиваться определенными территориальными и хронологическими рамками. Вместе с тем необходимо, чтобы все источники, включенные в работу, отражали основные закономерности социального развития древнеземледельческих племен. Поэтому следует рассматривать в первую очередь те регионы, в которых сложились раннеклассовые общества.

Большинство древних цивилизаций возникло в долинах великих рек, где благоприятные природные условия открывали перед населением большие возможности для развития высокопродуктивного ирригационного земледелия. Мы обратимся лишь к памятникам древнего Шумера, давшим наиболее представительные серии погребений в ближневосточной археологии.

В Малой Азии первые государства появились в центральной Анатолии, которая с глубокой древности славились месторождениями обсидиана и металлических руд. Развитие земледелия в сочетании с обменом и торговлей сырьем отразилось на процессе формирования здесь раннеклассового общества. Специфические особенности этого процесса в Анатолии представляют большой интерес.

В работе исследованы также могильники Ирана и Средней Азии, где не было крупных ирригационных сооружений, а скудость сырьевых баз не способствовала процветанию торговли. Эти обстоятельства обусловили ряд особенностей социального строя местных земледельческих общин.

Хронологические рамки работы охватывают период от сложения экономики производящего типа до появления раннеклассовых обществ в месопотамском и малоазийском регионах, от сложения экономики производящего типа до кризиса оседлоземледельческих культур, произошедшего в конце III—первой половине II тысячелетия до н. э. в иранском и среднеазиатском регионах.

Автор выражает искреннюю благодарность своему научному руководителю чл.-кор. АН ТССР В. М. Массону и сотруднику сектора неолита и бронзы ИА АН СССР доктору исторических наук В. И. Сариниди за возможность использовать в работе неопубликованные материалы по могильникам Алтын-Депе, Геоксюр, Улуг-Депе.

Автор признателен за советы, консультации и замечания, высказанные ответственным редактором книги В. М. Массоном, акад. Б. Б. Пиотровским и сотрудниками сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР докт. ист. наук М. П. Грязновым и А. М. Мандельштамом, докт. ист. наук И. Н. Хлопиным, младшим научным сотрудником В. С. Бочкаревым, а также научным сотрудником ЛОИВ АН СССР О. Д. Берлевым и научным сотрудником Государственного Эрмитажа А. А. Вайманом.

Автор бесконечно обязан помощи ныне покойного сотрудника турецкого кабинета ЛОИВ АН СССР А. Е. Мартынцева и сотрудника ЛОИВ АН СССР А. В. Витола в переводе на русский язык турецкой археологической литературы.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КАК АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Погребальный обряд относится к категории обрядов, при помощи которых общество санкционирует переход человека из одного качественного состояния в другое. В один ряд с ним следует поставить ритуалы и праздники, посвященные рождению ребенка, приобретению подростком статуса взрослого мужчины (обряды инициаций), свадебные пиры.

По представлениям древних людей, погребальные обряды подготавливали умершего к существованию в потустороннем мире и являлись способом перехода его в этот мир. Различные общины в древности представляли себе такой переход по-разному. Отсюда значительное разнообразие погребальных обрядов.

С одной стороны, погребальный обряд состоял из одобренных традицией ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них. Эти действия служили для погребения умерших членов общины, составлявших ее основное ядро и связанных общим родством. С другой стороны, он включал материальные элементы, характеризующие общественное положение умершего: погребальное сооружение, набор погребального инвентаря, сюда входит и поза умершего. Все это было необходимо для перевода в потусторонний мир человека определенного пола и возраста.

Совокупность ритуальных действий и материальных элементов представляет стандартный (традиционный) погребальный обряд любой археологической культуры.

В погребальном обряде как археологическом источнике потенциально заложена весьма разнообразная информа-

ция. А. Хойслер считает, что, исследуя погребальные обряды, можно установить половозрастную и социальную дифференциацию общества, а также осветить некоторые моменты, связанные с реконструкцией форм семьи и брака в первобытную эпоху [166, с. 83—94]. С нашей точки зрения, Хойслер несколько сужает объем информации, которую можно извлечь, изучая погребальные обряды.

Современная методика исследования столь специфического источника как погребальный комплекс требует предварительной реконструкции погребального обряда. Только после такой реконструкции захоронения можно использовать как источник для извлечения культурной, социологической и демографической информации.

Разумеется, археолог не может в полной мере реконструировать все детали погребального обряда; из его поля зрения выпадают, например, весьма разнообразные ритуальные действия до момента похорон. Однако в той мере, в какой это возможно, надлежит осуществлять полную реконструкцию погребального обряда. При этом особое внимание следует уделять способу захоронения (ингумация или кремация), типу захоронения (одиночное, двойное, коллективное), форме погребального сооружения, ритуальным действиям в момент похорон и после них, набору погребального инвентаря, позе умершего.

Расчленяя при реконструктивных построениях погребальный обряд, можно отметить в нем шесть информационных блоков. Каждый из них освещает определенную сторону жизни древних обществ.

Первый блок связан со спецификой данного археологического источника и отражает представления древних людей о путях и способах перехода умерших в потусторонний мир, о жизни в стране мертвых. Он дает возможность оценить мировоззрение людей через их отношение к смерти и умершим.

Второй блок позволяет сделать выводы об общественном положении различных половозрастных групп в древних обществах, поскольку в погребальных обрядах отражаются половозрастные градации умерших [3].

Третий — дает основания для характеристики степени социального расслоения древних обществ, так как установлено, что обрядность погребения зависит от социального ранга индивида и социальной структуры общества, а изменение социальной структуры общества порождает изменение форм погребального обряда [3].

Четвертый блок содержит информацию, позволяющую проследить эволюцию форм семьи и брака, а также установить наличие в общине, оставившей тот или иной могильник, чужаков, появление которых чаще всего объясняется брачными контактами с соседними общинами [6, с. 19—20].

Пятый — освещает проблемы культурогенеза. Изучая погребальные обряды, можно исследовать становление археологической культуры, ее развитие и смену иной или иными археологическими культурами [5].

Шестой блок информирует о некоторых палеодемографических сторонах жизни древних людей (продолжительность жизни, болезни, травмы, вызвавшие смерть и т. д.). Эти данные характеризуют условия жизни людей в отдаленные исторические эпохи.

Целью настоящей работы является анализ информации лишь по трем из шести вышеупомянутых блоков. В книге дана характеристика половозрастных групп (второй блок) и рассмотрена социальная дифференциация (третий блок) древнеземледельческих обществ Средней Азии и Ближнего Востока, кроме того, прослежена в ряде случаев эволюция форм семьи ранних земледельцев (четвертый блок).

Характеристика половозрастных групп (методика исследования). В погребальных обрядах, судя по данным этнографии, отражаются половозрастные различия умерших [113, с. 262—272; 120, с. 13—15]. То же самое прослеживается и при раскопках древних могильников [38, с. 118, 122, 125, 127—128; 232, с. 70—71; 249, с. 280—286].

Так как существуют закономерности распределения инвентаря в могилах, коррелирующие с полом и возрастом умершего, то желательно реконструировать половозрастную структуру коллектива, оставившего могильник. Решение этой задачи одними только антропологическими методами не всегда возможно из-за плохой сохранности костного материала. Некоторыми исследователями предложены комбинированные методы для воссоздания первоначальной картины. У. Фишер и В. Рюкдешель, установив на основе антропологических заключений закономерности распределения инвентаря в зависимости от возраста и пола умерших в одних могильниках, переносили их на другие той же археологической культуры, производя там половозрастные определения с помощью набора погребального инвентаря [152, с. 15; 241, с. 19—23].

Ошибочность такой методики показал Г. Галаи [155]. Метод Фишера—Рюкдешеля эффективен только в том

случае, когда исследователи ограничиваются изучением одного могильника [76, с. 49; 131, с. 150—169]. Очевидно, что на одном могильнике существуют возможности определения пола и возраста умерших помимо антропологических методов (распределение инвентаря, размеры могил), но было бы ошибкой переносить полученные наблюдения на другой могильник той же культуры.

Реконструировав половозрастную структуру популяции, захороненной на могильнике, следует в отдельности рассмотреть три большие группы захоронений: мужчин, женщин и детей. Каждую из них необходимо по возможности разбить на возрастные подгруппы. Для каждой половозрастной подгруппы следует определить характерный или стандартный погребальный обряд (ритуалы, форма погребального сооружения, набор инвентаря). Именно эти характеристики необходимо использовать для определения общественного положения той или иной половозрастной группы населения первобытной эпохи на протяжении значительных отрезков времени. Если для различных половозрастных групп характерен один и тот же стандартный погребальный обряд, то следует признать, что половозрастные различия не отражаются в погребальном обряде конкретного могильника.

Социальная дифференциация (методика исследования). Этот блок характеризует степень социального расслоения древних обществ, поскольку социальное положение умерших, судя по данным этнографии, как правило, отражается в погребальных обрядах [113, с. 268—272]. В советской археологической литературе подобная постановка вопроса никогда не оспаривалась. Тезис, согласно которому имущественные ценности, найденные в могилах, отражают социальное положение умерших, наиболее четко изложен в одной из последних работ В. М. Массона [51, с. 158—159]. В западной археологической литературе этой же точки зрения придерживаются Л. Бинфорд [120, с. 13—15] и С. Шинэн [249, с. 280—286].

Но существует иная точка зрения, сформулированная А. Кребером [186]. По Креберу, погребальные обряды как ритуальные действия нестабильны и не отражают социальной структуры общества.

Почти аналогичную позицию занимает П. Акко. Указывая на то, что, по данным этнографии, в ряде случаев отсутствует корреляция между погребальным обрядом и социальной структурой общества, он отрицает возможность

разработки надежной методики для воссоздания социальных процессов в первобытную эпоху, поскольку социальная значимость археологических погребальных комплексов, по его мнению, утрачена и не восстанавливается. Акко считает, что погребальный обряд дезинформирует археолога, занимающегося проблемами реконструкции социальной структуры древних племен [261, с. 266—272]. При этом упускается из виду такой очевидный факт, как процесс выделения родо-племенной верхушки в эпоху разложения родового строя, нашедший наиболее яркое выражение именно в погребальных обрядах.

Отчасти выводы Акко направлены против прямолинейных социологических реконструкций, которые периодически появляются в археологической литературе. Однако в целом скептицизм английского археолога не оправдан.

Археологи обычно в какой-то мере учитывали влияние социального фактора на обряд погребения. Одни из них сознательно, другие интуитивно считали, что разнообразие форм погребального обряда в первобытную эпоху отражает не только хронологические, локальные или этнические различия, но и определенные социальные моменты [130; 152, с. 243—245; 169, с. 114—119; 202, с. 207—209; 223, с. 113—114; 232, с. 73; 236, с. 40].

Столь осторожные высказывания о возможности социального расслоения в доклассовую эпоху появились, вероятно, под влиянием Г. Чайлда. В одной из своих работ он пришел к выводу, что в погребальном инвентаре нет признаков, позволяющих судить о степени богатства усопших [118, с. 16]. Исключением являются царские гробницы, выделяющиеся богатством погребального инвентаря и огромными размерами. По мнению Чайлда, эти гробницы характеризуют процесс становления царской власти в раннеклассовых обществах. Основная масса захоронений первобытной эпохи осталась для Чайлда аморфной и нерасчлененной. Видимо, многие ученые на Западе, следуя за Чайлдом, скептически относились к возможности реконструкции социального строя доклассовой эпохи по материалам могильников либо полностью отвергали существование социальной дифференции, поскольку она, как утверждал Чайлд, не отражается в погребальном инвентаре.

Результаты этнографических исследований опровергают эту точку зрения. Оказывается, что, как правило, погребальные обряды доклассовых обществ являются

ценным источником по реконструкции их социальной структуры [120, с. 13—28].

К сожалению, этнографические разработки по интересующей нас проблематике практически почти неприменимы в археологических работах, поскольку они не учитывают специфики археологического материала. Этнограф изучает живые социальные организмы, основывая свои суждения на личном наблюдении либо анализируя данные, полученные от информаторов. Таким образом, в поле зрения оказываются те явления, которые не находят выражения в материальной культуре населения. Применительно к погребальным обрядам можно сказать, что этнографы чаще всего описывают ритуальные действия, связанные с похоронами людей, принадлежавших к различным социальным прослойкам общества. При этом достаточно полно описывается характер погребальных ритуалов, менее полно форма погребального сооружения и почти ничего не сообщается о погребальном инвентаре. Совершенно иная картина в археологии, которая имеет дело с мертвыми социальными организмами, структура которых поддается расшифровке посредством изучения компонентов их материальной культуры. Наибольшую информацию археологи получают о наборе погребального инвентаря и форме погребального сооружения. Характер погребального ритуала, обрядовая сторона остаются в значительной мере неизвестными и реконструируются с большой трудностью. Это требует специфических, чисто археологических приемов исследования погребальных обрядов в социологическом аспекте. В целом вопрос о правомерности такого подхода к исследованию древних погребений сейчас решен позитивно.

Разработка методики социологической интерпретации погребальных комплексов привела к появлению ряда обобщающих работ по социальной структуре древних обществ Эгейского мира, Северной и Восточной Европы, Кавказа [15; 36; 178; 237, с. 39—57; 239, с. 362—403].

Для изучения социальной дифференциации первобытных обществ первенствующее значение имеет набор погребального инвентаря, погребальное сооружение, поза умершего. По возможности нужно учитывать место захоронения в структуре могильника и ритуальные действия, которыми сопровождалась похороны.

Социальными факторами следует объяснять многообразие погребальных обрядов, представленных на одном

могильнике, все захоронения которого относятся к сравнительно небольшому хронологическому периоду, если доказано, что могильник оставлен единым по культуре населением, в погребальных обрядах которого не отмечены достоверные следы инфильтрации чуждых этнических элементов и предварительно выявлены все различия в обряде, связанные с половозрастными характеристиками умерших.

Важнейшим признаком возможного социального расслоения древнего общества является наличие нескольких групп захоронений, характеризующихся наборами погребального инвентаря, в имущественном отношении далеко не равноценными.

Для социологических реконструкций необходимо привлечь все раскопанные захоронения могильника. Справедливость этого положения подтверждает неудачная попытка социологической интерпретации Гальштатского могильника, предложенная К. Кремером [187]. Опираясь всего 44 захоронениями взрослых и 52 захоронениями детей, Кремер реконструирует социальную структуру гальштатского общества, хотя в Гальштатском могильнике раскопано около 2000 захоронений. Выводы Кремера, не подкрепленные анализом всего фактического материала, подверг резкой и справедливой критике Хойслер [165, с. 3—25].

Для каждой половозрастной группы умерших надо установить стандартный набор погребального инвентаря, который является нормой для данной группы захоронений и сам по себе ни беден, ни богат. Если в погребениях могильника встречен только стандартный погребальный инвентарь, то социальная дифференциация общества либо не имеет места, либо не отражена в погребальном обряде. Необходимо указать, что внутри каждой половозрастной группы может оказаться несколько видов стандартного погребального инвентаря.

Наличие безынвентарных захоронений наряду с захоронениями со стандартным погребальным инвентарем не свидетельствует о социальной дифференциации древнего общества, как и наличие захоронений, инвентарь которых беднее стандартного набора инвентаря. Это могло быть обусловлено как плохой сохранностью вещей в могильниках, так и характером смерти, который определял бедность погребального инвентаря.

Не всякие богатые захоронения говорят о социальной дифференциации общества. Богатые детские захоронения

обусловлены особыми культовыми причинами и не имеют прямого отношения к социальному расслоению общества [164, с. 38—42]. Богатые захоронения женщин могут явиться следствием наличия в обществе половозрастных классов. Социальное расслоение общества прежде всего отражается в богатстве мужских захоронений. Поэтому о социальной дифференциации общества можно судить по мужским захоронениям, инвентарь которых богаче стандартного набора инвентаря. Наличие подобных богатых захоронений, форма погребального сооружения которых отличается от общепринятой, бесспорно свидетельствует о социальном расслоении данного общества.

Не всегда в захоронениях можно обнаружить стандартный набор инвентаря. Не исключено, что на ранних стадиях развития родового строя (палеолит) погребальный обряд обладал меньшей стандартизованностью, что связано, видимо, с большим влиянием идеологических воззрений на погребальный обряд и меньшим воздействием чисто социального фактора.

Критерии богатства погребального инвентаря являются переменной величиной, меняясь в зависимости от конкретных исторических ситуаций. Универсальные критерии для всех археологических эпох отсутствуют, но методы оценки богатства инвентаря могут и должны быть едиными. В первую очередь следует сравнивать по степени богатства захоронения с одинаковым стандартным набором инвентаря (например, с сосудами). Во вторую очередь — захоронения с различным стандартным набором (например, с оружием и с орудиями труда).

Существует несколько методов оценки богатства инвентаря. Первый из них учитывает число вещей, найденных в могиле: чем больше их в захоронении, тем оно богаче [32, с. 40—44, 157—158].

Второй метод оценивает степень богатства инвентаря по видам вещей в захоронении: чем больше их представлено в могиле, тем она богаче [239, с. 371].

Третий метод определяет частоту встречаемости вещей в наборах погребального инвентаря: чем реже встречается погребальный инвентарь, тем он богаче и ценнее [34].

При помощи первых двух методов можно сравнивать только качественно однородные наборы инвентаря, которые в основном характерны для эпохи камня (палеолит, мезолит, неолит). Они неприменимы для более поздних

археологических эпох, когда инвентарь захоронений становится значительно более разнообразным.

Все эти методы имеют один существенный недостаток. Они не рассматривают материала, из которого сделаны вещи. На практике это может привести к тому, что захоронение с большим количеством кремневых и костяных орудий будет считаться богаче захоронений с металлическими изделиями, число которых меньше, чем количество вещей в первом погребении; захоронение с золотым сосудом будет беднее захоронения с глиняным сосудом и бронзовой подвеской; деревянное блюдо, обнаруженное в единичном случае, будет дороже бронзовой посуды, которая встречается чаще.

Редкая частота встречаемости некоторых специфических изделий из недорогих материалов (навершие булавы, статуэтки, жезлы, печати) означает не их высокую стоимость, а характеризует особый статус умершего.

Следующие два метода оценки степени богатства инвентаря учитывают количество [224, с. 61—63] и вес [237, с. 45—47] металлических изделий в погребении. Таким образом, оценивается количество и качество только определенной части инвентаря. Впрочем, самый последний метод вряд ли применим в широких масштабах, так как общеизвестно, что в эпоху энеолита и бронзы женские захоронения за счет украшений содержат больше металла, чем мужские. Однако это не значит, что женские захоронения богаче мужских. Подобное явление есть отражение в погребальных обрядах половой дифференциации общества.

Для эпохи бронзы и железа следует использовать тот метод оценки степени богатства инвентаря, который определяет количество металлических изделий в захоронении [224, с. 61—63]. Причем надо рассматривать весь погребальный инвентарь [178, с. 217—218], а также обращать внимание на характер металлического сырья (медь, серебро, золото) и на определенные типы металлических изделий, которые более важны для сравнения: металлическое оружие, орудия труда, печати, посуда.

При этом захоронения с уникальными вещами из золота, серебра, электра, бронзы (парадное оружие, посуда, символы власти) окажутся богаче захоронений, где металлические изделия, хотя и в большом количестве, представлены в виде обычных, рядовых изделий. В свою очередь последние захоронения будут богаче могил, где

отсутствуют металлические изделия. При помощи этого метода можно сравнивать качественно разнородные наборы погребального инвентаря эпохи бронзы и железа. Сравнение захоронений по степени их богатства необходимо проводить в рамках синхронных хронологических горизонтов.

Выделенные бедные, стандартные и богатые захоронения являются источником социологических реконструкций. При исследовании социальной дифференциации древних обществ следует проводить функциональный анализ состава инвентаря захоронений. Благодаря такому анализу можно выделить захоронения воинов, ремесленников, торговцев, рядовых общинников, служителей культа, знати, вождей или царей при условии, что особенности их рода занятий отражались в погребальном инвентаре. Сложнее обстоит дело с захоронениями рабов, которые невозможно выделить, так как отсутствие инвентаря в могиле далеко не всегда говорит о неполноправном статусе умершего. Возможно, что рабов хоронили на специальных кладбищах.

При реконструкции социальной структуры древних обществ по данным погребального обряда необходимо пользоваться терминологией, разработанной этнографами, хотя там, где это возможно (раннеклассовые общества), следует использовать терминологию, взятую из письменных источников, которая точнее отражает реальную социальную иерархию первых государственных образований.

Эволюция форм семьи (методика исследования). Данный информационный блок позволяет проследить эволюцию форм семьи в первобытных обществах.

Для изучения истории семьи нужно подвергнуть особому анализу двойные, тройные и коллективные погребения. При этом особенно важно установить последовательность подхоронений или одновременность захоронений в таких могилах. Их эволюция во времени дает возможность проследить основные тенденции развития форм семьи в первобытную эпоху. С нашей точки зрения, счет родства внутри семьи (материнский или отцовский) не воссоздается по данным погребального обряда.

Материал, используемый в работе, представлен захоронениями неолита и бронзы Средней Азии, Ирана, Анатолии и Месопотамии. Антропологические определения имеются для могильников Кара-Депе, Геоксюр, Сапалли-

тепе, частично Алтын-Депе в Средней Азии; Али-Кош, Саба, Гисар в Иране; Алишар в Анатолии; Киш «А» в южной Месопотамии. Погребения этих могильников дали информацию по всем блокам, которые анализируются в настоящей работе.

Остальные могильники не имеют половозрастных определений умерших. Анализ этих могильников позволяет извлечь информацию только о социальном расслоении древнеземледельческих племен.

В методическом отношении исследование начинается с выделения захоронений по составу погребального инвентаря, при этом в одну группу могут попасть мужские и женские захоронения.

Материал излагается в соответствии с археологической периодизацией экономики производящего типа, разработанной В. М. Массоном [44, с. 154—165]: период архаической экономики производящего типа, период развитой экономики производящего типа, период ремесел, первый этап раннеклассовой формации. Эта схема уже использована В. И. Гуляевым [22] для Мезоамерики. В территориальном отношении захоронения рассматриваются по четырем большим регионам.

По среднеазиатскому региону учтено свыше 1000, по иранскому около 500, по малоазийскому около 700, по месопотамскому региону около 2500 захоронений.

ГЛАВА II

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ В РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

Период архаической экономики производящего типа

Среднеазиатский регион. На поселениях джейтунской культуры эпохи неолита (Джейтун, Песседжик-Депе, Чагыллы-Депе, Чопан-Депе) найдено четыре погребения взрослых, два погребения подростков и семь могил детей [10, с. 5—7; 11, с. 415; 12, с. 73—74; 47, с. 22].

Умершие лежат на боку, в скорченном положении. Взрослые ориентированы головой на север, ориентировка детских могил варьирует: запад, восток, юг, север. Есть случаи захоронения детей под полами жилищ (Чагыллы-Депе). В могилах подростков и детей вещей нет, за исключением захоронения в Чопан-Депе, где встречен глиняный сосуд. В этом захоронении зафиксированы также следы охры. Из четырех захоронений взрослых инвентарь имеется только в двух (Чопан-Депе и Чагыллы-Депе). В захоронении на Чопан-Депе обнаружено шило и следы охры. Захоронение в Чагыллы-Депе содержало глиняную конусовидную поделку.

В культурном слое поселения Монджуклы-Депе (Анау IA, ранний энеолит) раскопано пять захоронений взрослых, захоронение подростка и захоронение ребенка [13, с. 14, 18—19]. Погребальный инвентарь в могилах отсутствует. В могилах трех взрослых, подростка и ребенка обнаружены следы охры. Умершие похоронены в скорченном положении, взрослые ориентированы головой на север, дети и подростки на юг. Судя по приведенным данным,

нет существенных различий между обрядами погребения взрослых и детей. Но этот вывод, возможно, обусловлен неполнотой информации о захоронениях рассматриваемого периода.

Иранский регион. Али-Кош является одним из древнейших поселков оседлых земледельцев на территории Ирана. Умерших хоронили на поселениях в неглубоких ямах. Покойные лежали на спине либо на боку в скорченном положении. Ориентировка умерших северная или южная. Сохранились остатки циновки, в которые были завернуты трупы. В погребениях мужчин находились каменные или глиняные ядра пращи, браслеты из раковин, бусы из бирюзы.¹ В захоронениях женщин погребальный инвентарь отсутствует.² Вероятно, антропологически не определенные захоронения взрослых Али-Коша без инвентаря также принадлежат женщинам.³ В погребении ребенка 7—10 лет найдены бусина из раковины и полированный овальный камень.⁴ В могиле младенца⁵ вещей нет [171, с. 247—255].

Распределение инвентаря в могилах Али-Коша коррелирует с возрастом и полом умерших. Находки ядер пращи только в захоронениях мужчин, видимо, связаны с дифференциацией мужского и женского труда.

Малозападный регион. На юге Турции находится Чатал-Хёюк — один из наиболее интересных памятников рассматриваемого периода [202, с. 204—209]. Жители поселка хоронили умерших на поселениях. После смерти покойных заворачивали в шкуры или циновки, которые затем обвязывались кожаными ремнями. В Чатал-Хёюке доминировала традиция коллективных захоронений под полами домов и святилищ. Скелеты, судя по опубликованным фотографиям, лежат в анатомическом порядке, что позволяет скептически относиться к высказыванию Д. Мелларта о возможности вторичных погребений [202, с. 204]. Наряду с коллективными захоронениями существуют одиночные, но их количество незначительно. Все одиночные могилы расположены вне домов и святилищ.

Мужчины и женщины в захоронениях Чатал-Хёюка имели различные стандартные наборы погребального инвентаря. В женских захоронениях лежали иглы и орудия для плетения корзин, туалетные наборы, обсидиановые зеркала, ожерелья, браслеты, бусы и кольца из меди и свинца. В захоронениях женщин с детьми имелись ложки и черпаки из дерева. В мужских могилах бусы

и ожерелья редки, зато в изобилии представлено оружие и орудия производства: сверленные булавы, кинжалы, ножи, наконечники копий и стрел, костяные пряжки, вкладыши серпов. Дети похоронены только с украшениями, часто в плетеных корзинах без сосудов; взрослые — с деревянными и каменными сосудами, очевидно, с заупокойной пищей.

На другом поселении этого времени Джан Хасан обнаружено безынвентарное захоронение младенца [153, с. 46].

Различия в погребальном инвентаре мужских и женских захоронений, вероятно, обусловлены разделением труда между мужчинами и женщинами. Если женщины занимались домашним хозяйством (плетением корзин и шитьем одежды), основным делом мужчин были земледельческие работы. Недаром вкладыши серпов имеются только в могилах мужчин.

В целом для рассматриваемого периода характерны погребения, в которых половозрастные градации умерших проявляются в наборе погребального инвентаря (Али-Кош, Чатал-Хёюк), изредка в особой форме погребального сооружения — захоронения детей в корзинах (Чатал-Хёюк). Как показывают материалы Чатал-Хёюка, в детских могилах в отличие от захоронений взрослых нет сосудов. Поскольку в могилах взрослых сосуды сохранились, отсутствие их в детских погребениях — не простая случайность. Помещение сосудов с заупокойной пищей в могилы маленьких детей и младенцев (Джан Хасан) не предусматривалось нормами погребального обряда древних земледельцев юга Турции. Видимо, это положение справедливо также для иранского и среднеазиатского регионов, так как могилы младенцев в Али-Коше и в Джейтуне тоже безынвентарны. Погребения детей более старших возрастов иногда сопровождаются сосудами (Чопан-Депе) или украшениями (захоронение ребенка в Али-Коше).

В могилах мужчин найдено оружие: ядра пращи (Али-Кош), копьё и стрелы (Чатал-Хёюк). Сомнительно, чтобы это было доказательством большой роли охоты в хозяйстве земледельцев. Весь облик материальной культуры Чатал-Хёюка свидетельствует о развитой экономике производящего типа. Земледелие и придомное скотоводство давали все жизненно необходимые продукты питания в достаточном количестве для обеспечения прожиточного минимума [47, с. 116—118]. Действительно, трудно гово-

речь о большой роли охоты в хозяйстве населения, которое имело домашних овец и козу, а принадлежность крупного рогатого скота к диким видам не доказана [202, с. 223]. Основным источником мясной пищи в Али-Коше также являлись домашние животные.

С другой стороны, вряд ли можно видеть в могилах с оружием (Чатал-Хёюк) захоронения профессиональных воинов. Скорее всего, оружие в мужских погребениях свидетельствует о сохранении в погребальных обрядах ранних земледельцев (Али-Кош, Чатал-Хёюк) древних традиций тех времен, когда охота была одним из основных источников питания и каждый мужчина имел набор охотничьего оружия. Традиция сопровождать мужские захоронения оружием, видимо, продолжается в силу некоторой консервативности погребальных обрядов в эпоху архаической экономики производящего типа. О сохранении охотничьих традиций в жизни общины Чатал-Хёюка свидетельствуют также фрески святилищ, изображающие в ряде случаев охотничьи сцены, имеющие для жителей поселка теперь уже чисто культовое значение [47, с. 152—156]. Находки серпов в могилах мужчин указывают, что мужчина был прежде всего земледельцем.

В целом анализ погребальных обрядов рассматриваемого периода демонстрирует равное положение мужчин и женщин в обществе.

В ходе развития производящей экономики влияние экологических факторов приводило к появлению земледельческих общин различной степени материального благосостояния, что отражалось в погребальных обрядах.

В Средней Азии 22 % погребений взрослых имеют сопроводительный инвентарь. Примерно ту же цифру (20 %) дает иранский регион — Али-Кош и ряд других памятников Ирана, где найдены только погребения взрослых. Пока не опубликовано подробное описание могил Чатал-Хёюка, нельзя установить процент взрослых могил с инвентарем для малоазийского региона. Однако даже сейчас можно утверждать, что инвентарь могил Чатал-Хёюка по своему богатству превосходит инвентарь могил Али-Коша и Джейтунской культуры, что свидетельствует о более высоком уровне материального благосостояния древнейших земледельцев юга Малой Азии по сравнению со Средней Азией и Ираном. Чем выше материальное благосостояние общины, тем богаче инвентарь захороне-

ний, тем больше информации он может дать об общественном положении различных половозрастных групп населения.

Период развитой экономики производящего типа

Среднеазиатский регион. Могильник Кара-Депе в подгорной полосе Копет-Дага датируется концом IV—началом III тысячелетия до н. э. [40, с. 407—420]. По археологической периодизации Б. А. Куфтина, это время комплексов Намазга II—III. В могильнике раскопано 20 погребений мужчин, 18 погребений женщин, 22 могилы взрослых, пол и возраст которых не определен, и 37 погребений детей.

Погребальный обряд реконструируется следующим образом. Умерший был одет в украшенные бусами одежды. Его тело заворачивали в плетеную циновку и помещали в могилу в скорченном положении на правый бок, головой на юг. Затем в могилу ставили заупокойную пищу в глиняных, изредка в каменных сосудах. Сверху могилу обкладывали кирпичом. Таков был стандартный обряд погребения в кара-депинском некрополе. Поскольку подробный социологический анализ погребальных комплексов кара-депинского могильника уже опубликован [3, с. 5—14], приведем лишь основные выводы. Из семи погребений мужчин зрелого возраста глиняные сосуды найдены в трех случаях.⁶ Из 13 погребений мужчин возмужалого возраста глиняные сосуды были в двух.⁷ Таким образом, в погребениях мужчин зрелого возраста керамика представлена чаще. В погребениях женщин старческого возраста нет украшений в отличие от захоронений женщин других возрастных групп.⁸ Пряслица присутствуют только в женских погребениях.⁹ Погребальный инвентарь чаще встречается в могилах взрослых, чем в могилах детей. Погребения девочек чаще снабжены инвентарем, чем погребения мальчиков.

Находки пряслиц в захоронениях женщин свидетельствуют о дифференциации мужского и женского труда: качеством занимались только женщины. В распределении украшений по могилам нельзя уловить какую-либо закономерность. Их нет лишь в захоронениях женщин старческого возраста, что могло быть связано с возрастными ограничениями.

Захоронения могильника Кара-Депе показывают, что

общественный статус мужчин и женщин, судя по инвентарю, был одинаков. Различные наборы погребального инвентаря равномерно представлены в захоронениях почти всех половозрастных групп, поэтому говорить о доминирующей роли мужчин в обществе не приходится.

Погребальный инвентарь отсутствует в могилах младенцев. В ряде случаев бусы обнаружены в могилах детей старше одного года. В своем большинстве это захоронения девочек.¹⁰ Чем старше возраст девочек в захоронениях, тем больше количество бус в их могилах. Поэтому могилы девочек выглядят богаче могил мальчиков, которые, как правило, безынвентарны. Бусы появляются в могилах мальчиков 7—9 лет.¹¹ В могилах девочек этого же возраста в ряде случаев находим наборы погребального инвентаря взрослой женщины: глиняные сосуды, бусы и пряслица.¹² Очевидно, в 7—9 лет часть девочек переходила в группу взрослых женщин, что отразилось в погребальном обряде.

Выводы о том, что в детских могилах инвентарь встречается редко, подтверждаются при анализе захоронений времени Намазга I—раннее Намазга II (Намазга-Депе, Анау, Кара-Депе, Геоксюр). Известны 33 детские могилы этого времени [41, с. 11; 85, с. 13, 262, с. 485—491; 40, с. 407—420; 65, с. 144]. В 12 из них встречены бусы, в 21 могиле инвентаря не было. В детских погребениях эпохи энеолита, как правило, нет медных украшений и глиняных сосудов. Подобная бедность погребального инвентаря, очевидно, свидетельствует о том, что маленьких детей, во всяком случае до 7—9 лет, рассматривали как неполноправных членов общества.

Кроме одиночных захоронений в верхних слоях Кара-Депе вскрыты две камеры из сырцового кирпича с коллективными захоронениями [43, с. 4]. Одна из них, в которой обнаружено не более трех костяков, сильно разрушена, другая сохранилась лучше. В ней найдены останки 24 человек в сопровождении 20 сосудов (в том числе 3 каменных), медной лопаточки и каменной бусины.

В эпоху раннего Намазга III в Геоксюре хоронили в коллективных усыпальницах — толосах [64, с. 284—294; 68]. Они сосуществуют с одиночными захоронениями в ямах, но доминирует обряд погребения в толосах. В 30 толосах Геоксюра погребено 165 человек, из них 138 взрослых и 27 детей. Вне толосов раскопано 33 захоронения взрослых в 27 могилах и семь захоронений детей в шести могилах, т. е. вне толосов захоронено 40 человек. Коллективные

захоронения этого времени обнаружены также на Алтын-Депе [53, с. 12].

Для толосов характерен последовательный обряд погребения, когда кости умерших ранее сдвигались вглубь камеры, чтобы освободить место для нового трупа. Исключение делали только для черепов покойных, которые аккуратно расставляли вдоль стен толоса. Судя по положению костей человека, погребенного в камере последним, трупы в толосах были скорчены, лежали на правом или левом боку с подогнутыми ногами, как в одиночных могилах. Тела перед погребением завертывали в циновки. Инвентарь, найденный в толосах, беден: глиняные или каменные сосуды и украшения (бусы, медные лопаточки). Его распределение в гробницах дает искаженную, далекую от реальности картину. При очередном подхоронении перемещивались не только кости умерших ранее, но перемещался, ломался, а иногда, видимо, и выбрасывался сопровождающий инвентарь. Поэтому невозможно выделить наборы вещей, принадлежавшие отдельным лицам. Толосы иногда очищались от переполнявших их скелетов, причем останки умерших сваливались в вырытые для этого рядом с толосами специальные ямы. Иногда полезная площадь толоса увеличивалась иным способом. Внутри толоса, у одной из его стен, вырывалась яма, куда сваливались кости скелетов, а на освободившемся месте клали новые трупы. Эти обстоятельства отрицательно сказывались на сохранности инвентаря в коллективных усыпальницах. Несмотря на то что костный материал Геоксюра определен антропологически, о распределении инвентаря в захоронениях мужчин, женщин и детей ничего сказать нельзя.

В могилах взрослых, похороненных вне толосов, есть глиняные сосуды, иногда украшения (бусы). Эти захоронения антропологически не определены, поэтому вариации распределения инвентаря в погребениях мужчин и женщин также нельзя проследить.

В целом для рассматриваемого периода по среднеазиатскому региону учтено 67 одиночных захоронений взрослых (Намазга-Депе, Кара-Депе, Алтын-Депе, Анау), в 38 из которых имеется погребальный инвентарь, что составляет 57 % всех могил. Учтено также 66 детских могил (Кара-Депе, Анау, Геоксюр), в 32 из которых найден погребальный инвентарь, что составляет 48 % всех детских могил. В двух могилах подростков (Анау) инвентаря не оказалось.

Иранский регион. В центральном Иране на поселении Сиалк в слое I вскрыты безынвентарные захоронения детей и взрослых. Лишь в одной могиле взрослого лежал каменный топор-тесло [158, с. 10—11]. Захоронения младенцев без инвентаря обнаружены на поселениях Сех-Габи в западном Иране [141, с. 13—14] и Далма-тепе в иранском Азербайджане [140, с. 708]. На поселении тепе Сабз (юго-восточный Иран) могила младенца и два погребения мужчин не имели инвентаря. В захоронении женщины и могиле девушки представлены зернотерки и песты [171, с. 256—257].¹³ В погребальном обряде этого могильника, видимо, отражались различия, связанные с дифференциацией мужского и женского труда; на женских плечах лежала забота о приготовлении пищи.

В целом для рассматриваемого периода по иранскому региону из пяти захоронений взрослых (Сиалк, Сабз, Тали Иблис) в трех могилах обнаружен погребальный инвентарь. Погребения младенцев не сопровождалось погребальным инвентарем.

Малоазиатский регион. В Малой Азии захоронения рассматриваемого периода известны на юге и востоке Турции. В Мерсине (юг Турции) лишь в одной из четырех раскопанных детских могил имеется погребальный инвентарь — 3 миниатюрных сосуда. В захоронении мужчины, кроме глиняных сосудов, находились орудия труда: обсидиановый нож и костяное шило, в могиле женщины — глиняные сосуды и бусы [156, с. 53—54, 72, 76, 110—111]. На поселении Джан Хасан (юг Турции) найдены могила взрослого с инвентарем и могила новорожденного (слой 2) без инвентаря [103, с. 5; 153, с. 46]. В Амуке (юг Турции) выявлены захоронения детей и подростков. В слое В раскопаны две детские могилы, причем в одной из них лежал скелет ребенка 3 лет. В обеих могилах обнаружено по глиняному сосуду. В погребениях подростков встречены в одном случае сосуд и бусы, в другом — амулет. В слое Д прослежено безынвентарное захоронение маленького ребенка [129, с. 99, 135—136, 174].

В могильнике поселения Тильки-тепе (восточная Турция) в могилы взрослых помещены глиняные сосуды, украшения и орудия труда, в детских погребениях вещей не оказалось [173, с. 290; 225, с. 29]. Судя по этим данным, в Малой Азии младенцев хоронили без инвентаря. В захоронениях маленьких детей (1—6 лет) иногда встречается бедный (Амук — 1 сосуд) погребальный

инвентарь. В могиле подростка (Амук) находились такие же вещи (сосуды и украшения), как в погребении взрослой женщины. Вероятно, в этой могиле похоронена девушка. В захоронении мужчины (Мерсин) имеются орудия труда.

На юге Турции (Джан Хасан) продолжается традиция коллективных захоронений [153, с. 46].

В целом для рассматриваемого периода по малоазиатскому региону из 50 захоронений взрослых (Мерсин, Джан Хасан, Хаджилар, Тильки-тепе) в 18 погребениях был найден инвентарь, что составляет 35 % могил. Учтено также семь детских могил (Мерсин, Джан Хасан, Амук), в трех из которых оказался погребальный инвентарь. В двух захоронениях подростков (Амук) также найден инвентарь.

Месопотамский регион. В северной Месопотамии наиболее ранние погребения относятся к культуре Умм Дабагайя. Умершие захоронены в культурном слое поселений (Умм Дабагайя, Телуль-эт-Талатат), без инвентаря [154, с. 30; 176, с. 7; 177, с. 4]. На поселениях хассунской культуры (Хассуна, Ярым-тепе I) новорожденные погребены в сосудах, как правило, без инвентаря, в одной могиле взрослого (Хассуна) встречен глиняный сосуд и мотыга [54, с. 154; 193, с. 267—274]. Ряд могил открыт для самаррской культуры. В Телль Шемшара обнаружено безынвентарное погребение ребенка [217, с. 20]. Захоронение новорожденного на поселении Матарра не имело инвентаря, в могиле подростка зафиксировано 60 бусин. В одну из трех могил взрослых этого памятника положены сосуды и украшения [250, с. 23—24]. На поселении Телль-эс-Севван найдены детские погребения с инвентарем и без него [99, с. 5—6]. Взрослые захоронения этого памятника характеризуются наличием сосудов и украшений [149, с. 25—26, 28].

Два безынвентарных захоронения младенцев халафского времени имеются на поселении Арпачия [199, с. 42]. Здесь же раскопано захоронение ребенка более старшего возраста с сосудом и фрагментом кремневого ножа [199, с. 42]. Взрослые похоронены с сосудами и разнообразными орудиями труда [199, с. 42—43]. В Чагир-Базаре прослежены два безынвентарных захоронения новорожденных, погребение младенца с глиняной подвеской и захоронение младенца с сосудом. В могиле ребенка более старшего возраста стоял глиняный сосуд [197, с. 18, 58—

59]. Взрослые похоронены с глиняными сосудами, украшениями и орудиями труда [197, с. 58—59]. В слоях раннеубейдского времени на поселении Телуль-эт-Талатат открыты 12 безынвентарных захоронений младенцев, безынвентарное захоронение ребенка 6—7 лет и безынвентарное захоронение ребенка 2—3 лет. В трех могилах взрослых людей вещей тоже нет [154, с. 27—29].

В целом для рассматриваемого периода по месопотамскому региону учтено 52 погребения взрослых (Хассуна, Матарра, Умм Дабагайя, Ярым-тепе I, Телль-эс-Севван, Самарра, Арпачия, Чагир-Базар, Гавра, Телуль-эт-Талатат), в 42 из которых представлен инвентарь, что составляет 82 % всех могил. Учтено также 78 детских могил (Хассуна, Телль Шемшара, Матарра, Умм Дабагайя, Ярым-тепе I, Телуль-эт-Талатат, Телль-эс-Севван, Самарра, Арпачия, Чагир-Базар, Гавра), в восьми из которых есть погребальный инвентарь, что составляет 10 % всех детских могил. Погребальный инвентарь присутствует в 16 из 17 погребений подростков (Матарра, Телль-эс-Севван), причем инвентарь в могилах Телль-эс-Севвана не отличается от инвентаря взрослых погребений. Учтено также шесть могил юношей (Гавра). Наборы погребального инвентаря в их могилах аналогичны набору инвентаря взрослых захоронений.

В период развитой экономики производящего типа в могилах мужчин и женщин встречены весьма разнообразные наборы инвентаря. Их функциональный анализ свидетельствует о равном положении мужчин и женщин в общественной жизни коллективов.

Частота встречаемости погребального инвентаря в могилах мужчин и женщин примерно одинакова. В работе учтено 25 погребений мужчин (Кара-Депе, Сабз, Мерсин, Джан Хасан, Тали Иблис), в 13 из которых найден инвентарь, что составляет 52 % всех мужских могил. Погребальный инвентарь обнаружен также в 12 из 21 могилы женщин (Кара-Депе, Алтын-Депе, Сабз, Мерсин), что составляет 57 % всех женских погребений.

Различные наборы инвентаря в могилах мужчин и женщин в ряде случаев обусловлены разделением труда между ними (Сабз, Мерсин, Кара-Депе) или принадлежностью к возрастной группе, как это зафиксировано в отношении украшений для женских погребений могильника Кара-Депе.

Дети до года, очевидно, не считались полноправными

членами общества. Из 90 могил детей этого возраста инвентарь встречен лишь в трех, что составляет 3 % всех могил. Исключение составляет северомесопотамский памятник Телль-эс-Севван, где найдено 102 погребения младенцев с инвентарем.

Гораздо чаще инвентарь представлен в могилах детей от года до шести лет. Он встречен в 11 из 16 могил. Набор инвентаря в могилах детей этого возраста является весьма специфическим и отличается от «взрослых» погребальных наборов. Он состоит, как правило, из небольшого количества украшений или сосудов, в ряде случаев миниатюрных, специально изготовленных для детских могил. Видимо, данная возрастная группа занимала одно из последних мест в иерархии половозрастных классов раннеземледельческих обществ.

«Взрослый» погребальный инвентарь прослежен в могилах детей 7—10 лет, но далеко не во всех. Из десяти могил этой возрастной группы инвентарь представлен в восьми, «взрослый» погребальный инвентарь (посуда, украшения, пряслица) обнаружен только в трех погребениях девочек (Кара-Депе). Вероятно, в среднеазиатском регионе часть девочек 7—10 лет приобретала статус взрослых женщин. По другим регионам нет данных относительно возраста, начиная с которого детские погребения сопровождаются «взрослым» инвентарем. Известно, однако, что в могилах подростков (11—15 лет) найден такой инвентарь (сосуды, украшения, ядра пращи, статуэтки, каменные изделия). Из 21 погребения подростков инвентарь встречен в 18, причем в десяти (Амук, Телль-эс-Севван) — это «взрослые» наборы погребального инвентаря. Вероятно, часть подростков имела статус полноправных членов общины.

Во всех погребениях юношей (16—20 лет) зафиксированы «взрослые» наборы погребального инвентаря (Гавра, Сабз).

Далеко не каждый взрослый человек похоронен с погребальным инвентарем. Соотношение погребений с инвентарем и без него в значительной степени определяется уровнем благосостояния общества. В среднеазиатском регионе количество погребений с инвентарем достигает 57 % всех могил. Примерно такую же цифру дает иранский регион. В малоазийском регионе взрослых захоронений с инвентарем несколько меньше — 35 %. Видимо, эти цифры обусловлены примерно одинаковым уровнем благо-

состояния древнеземледельческих общин, расположенных вне зоны крупного ирригационного земледелия. В Месопотамии погребения с инвентарем достигают 82 %, что свидетельствует о высоком уровне материального благосостояния древнейших земледельцев Двуречья.

Период ремесел

Среднеазиатский регион. Могильники этого периода исследованы на юге Туркмении: Алтын-Депе, Улуг-Депе, Хапуз-Депе. На поселении Хапуз-Депе в слоях времени Намазга IV вскрыты коллективные камеры-усыпальницы и одиночные захоронения, но преобладал обычай погребения в камерах [66, с. 63—64; 70, с. 120]. Камеры с коллективными захоронениями раскопаны также на Улуг-Депе.

Для времени Намазга IV и V основная серия захоронений (около 700) происходит из Алтын-Депе. Взрослых хоронили преимущественно в погребальных камерах. В коллективных усыпальницах Алтын-Депе захоронено 252 взрослых и 21 ребенок. В камерах похоронены лица возмужалого, зрелого и старческого возрастов. Обряд погребения в них не изменился по сравнению с эпохой энеолита. Вследствие неоднократных подхоронений закономерности распределения инвентаря в могилах мужчин и женщин установить нельзя. 144 могилы взрослых находятся вне коллективных усыпальниц. Из 144 скелетов, найденных вне толосов, пол и возраст определен только в 26 случаях (11 мужчин, 15 женщин), что не позволило установить закономерности распределения инвентаря в мужских и женских могилах. Можно только определить, что в мужских и женских погребениях представлены глиняные сосуды и украшения (в основном бусы). Кроме того, в женских могилах обнаружены металлические и каменные печати, а также пряслица. Более рельефно выступают различия в составе погребального инвентаря между захоронениями взрослых и детей. Дети, как правило, захоронены вне погребальных камер. Всего найдены 264 такие детские могилы. Почти половину из них (142) составляют захоронения детей до года. В могилах детей этой возрастной группы погребальный инвентарь (глиняные сосуды) выявлен лишь в четырех случаях. 12 захоронений принадлежали детям 1—6 лет, инвентарь найден

в четырех из них. В одной из двух могил детей 7—10 лет представлены бусы и 4 сосуда. Из 14 погребений детей 11—15 лет инвентарь имеется в трех (сосуды или бусы).

94 могилы содержали останки детей, пол и возраст которых не определен. Погребальный инвентарь встречен лишь в пяти случаях. Очевидно, почти во всех этих могилах похоронены младенцы.

Таким образом, согласно погребальному обряду, младенцев, умерших до года, хоронили без инвентаря. В могилы детей 1—6 лет погребальный инвентарь иногда помещали. Но его состав отличается от инвентаря взрослых могил и включает только сосуды или только бусы. «Взрослый» погребальный инвентарь (бусы и посуда) появляется лишь в могилах детей 7—10 лет. Детские погребения показывают, как велика была смертность детей до года. После этого рубежа она резко падает.

Несколько детских захоронений раскопано на Намазга-Депе в слоях времени Намазга IV, три из них с маленькими «детскими» сосудиками [35, с. 278]. Вероятно, в этих могилах похоронены дети старше года, но младше 7 лет. Здесь же, в слоях времени Намазга V, Б. А. Литвинский нашел несколько детских захоронений, в основном младенцев. В могиле № 3 похоронен ребенок 8—10 лет, в могиле № 9 — ребенок 6—7 лет. Лишь в одном погребении был инвентарь, но не указано, в каком именно [37, с. 49—50]. На поселении Шор-Депе в слоях Намазга V найдено 12 безинвентарных захоронений младенцев [94, с. 42—48].

Материалы этих погребений не противоречат закономерностям распределения инвентаря в детских могилах, установленным по данным могильника Алтын-Депе.

Погребения древнейших земледельцев юга Узбекистана известны по раскопкам могильников Сапалли-тепе и Джаркутан [1, с. 3—21; 8, с. 42—70; 9, с. 38—46, 48—57, 135—144]. В Сапалли-тепе могилы расположены на территории поселения. В Джаркутане зафиксирован выделенный могильник вне поселения. На этих двух кладбищах умершие захоронены в катакомбных, реже подбойных могилах. Умершие лежали на правом или левом боку в скорченном положении. В могилы помещены сосуды с заупокойной пищей, украшения, предметы туалета, оружие, орудия труда. Погребальный обряд четко фиксирует половозрастную структуру общества.

Хотя в Сапалли-тепе раскопано 138 могил [9, с. 38], до сих пор выборочно опубликовано только около 50 погре-

бальных комплексов [8, с. 42—70; 9, с. 40, 135—144]. Именно эти подробно опубликованные погребения анализируются в настоящей работе. Погребения Джаркутана еще не опубликованы, имеется лишь самая общая характеристика погребального обряда этого могильника [1, с. 3—21; 9, с. 48—57].

Восемь мужских захоронений могильника Сапалли можно разделить на две возрастные подгруппы. В первой, насчитывающей четыре захоронения, — молодые мужчины 25—30 лет. В трех захоронениях нет бронзовых изделий, количество глиняных сосудов колеблется от 9 до 11.¹⁴ Одно захоронение выделяется своим инвентарем (бронзовые топор и шило, 12 сосудов).¹⁵ Ко второй группе относятся четыре захоронения мужчин 40—50 лет. Два из них содержат большее количество сосудов, чем захоронения молодых мужчин: соответственно 10 и 17.¹⁶ Два другие имеют 3 и 4 сосуда.¹⁷ Найдено 3 кенотафа, очевидно предназначенные для мужчин.¹⁸

13 женских захоронений делятся на четыре возрастные группы. Первую группу составляют захоронения молодых женщин (20—35 лет). В тех могилах, где нет бронзовых изделий, лежат большие наборы глиняных сосудов (19¹⁹ и 26²⁰). В тех захоронениях, где имеется большое количество бронзовых изделий, число глиняных сосудов меньше (12²¹ и 13²²).

Ко второй группе относится единственное захоронение женщины среднего возраста (35—40 лет). В нем выявлено 9 бронзовых предметов, 15 сосудов.²³

В третьей группе представлены захоронения пожилых женщин (40—50 лет). Почти во всех могилах этой группы нет изделий из бронзы. Количество сосудов в целом меньше, чем в захоронениях более молодых женщин (9—10 сосудов). В двух случаях оно совсем мало: 2 и 4.²⁴ Только одна могила выделяется богатством инвентаря (бронзовые графин и шило, амулет-подвеска, 21 сосуд).²⁵

К четвертой группе относится единственное захоронение женщины старше 60 лет, в котором найдено 16 глиняных сосудов и бронзовая шпилька. Это захоронение богаче захоронений пожилых женщин, но беднее некоторых могил молодых женщин.²⁶

Юноши и девушки похоронены в подбоях.²⁷ Количество глиняных сосудов в их могилах невелико. 1 сосуд обнаружен в могиле юноши, 6 — в могиле девушки.

Женщины лежали в могилах на левом боку, мужчины на правом. В могилы взрослых женщин помещали растительную и мясную пищу. В захоронениях взрослых мужчин лежала только мясная пища. В могилах юношей и девушек нет ни мясной, ни растительной пищи. Захоронения молодых женщин выглядят богаче захоронений мужчин, но это мнимое богатство, так как оно обусловлено наличием в женских захоронениях украшений и предметов туалета из бронзы, которые не полагалось помещать в захоронения мужчин. Интересно отметить, что, чем старше женщина, тем беднее инвентарь в ее могиле, в погребениях мужчин различных возрастов степень богатства инвентаря примерно одинакова. Распределение инвентаря в могилах мужчин и женщин свидетельствует о равенстве их общественных статусов.

Погребения детей резко отличаются от захоронений взрослых.²⁸ Маленькие дети похоронены в ямах (9), кувшинах (5), сырцовых цистах (2). В их могилах нет мясной и растительной пищи, обязательной для взрослых. В отличие от строго северной ориентировки умерших во взрослых могилах, ориентировка скелетов в могилах детей самая разнообразная.

Дети более старших возрастов похоронены в сосудах, подбоях, катакомбах без мясной и растительной пищи. Инвентарь в могилах детей появляется начиная с 7-летнего возраста, причем «взрослые» наборы погребального инвентаря (глиняные сосуды и украшения) зафиксированы только в могилах девочек, которые именно поэтому выглядят богаче захоронений мальчиков. Если в могиле мальчика 7—8 лет найден 1 глиняный сосуд, то в захоронениях девочек 11—13 лет находились соответственно 4 сосуда и 2 бронзовые серьги, 5 сосудов и бронзовая серьга.²⁹

В захоронениях юноши и девушки 17—20 лет отсутствует мясная и растительная пища, обязательная в могилах взрослых мужчин и женщин. По-видимому, их статус был неравноправным, что нашло выражение в отклонениях от тщательно разработанного погребального ритуала. Возможно, что это погребения людей, в силу каких-то причин не состоящих в браке к моменту смерти.

Те же особенности распределения инвентаря в могилах мужчин, женщин и детей характерны для раннего этапа могильника Джаркутан. В женских могилах отмечены глиняные сосуды, бронзовые украшения и орудия жен-

ского труда: иглы, шилья, спицы; в мужских — ножи и кельтообразные орудия, а также глиняные сосуды, оружие: кинжалы, кремневые наконечники стрел [1, с. 7; 9, с. 52—53].

В целом для рассматриваемого периода по среднеазиатскому региону (южная Туркмения) учтено 480 захоронений взрослых (Намазга-Депе, Алтын-Депе, Улуг-Депе, Хапуз-Депе, Анау, Янги-Кала, Елькен-Депе, Теккем-Депе, Тахирбай 3, Аучин-Депе), в 257 из которых найден погребальный инвентарь, что составляет 53 % всех взрослых могил. Учтено также 289 детских могил (Намазга-Депе, Алтын-Депе, Анау, Теккем-Депе, Шор-Депе), в 22 из которых имеется погребальный инвентарь, что составляет 8 % всех детских могил. Инвентарь обнаружен также в семи из 19 могил подростков (Алтын-Депе, Анау), и в двух из четырех погребений юношей (Алтын-Депе).

Для юга Узбекистана (могильник Сапалли) учтено 21 погребение взрослых (13 женщин, 8 мужчин). Все они похоронены с погребальным инвентарем, который также представлен в четырех из 22 могил детей, что составляет 18 % всех детских погребений. Погребальный инвентарь присутствует в двух из трех могил подростков и в двух могилах юношей.

Иранский регион. На поселении Сех Габи в западном Иране раскопано 8 захоронений младенцев в сосудах. В одном из них лежали медные бусы [141, с. 9—10]. В пятом слое Гияна обнаружено 3 безынвентарных захоронения младенцев в сосудах [139, с. 38]. В Фарсе на поселениях Тали Гап [148, с. 4] и Тали Мокходи [159, с. 46] в слоях середины IV тысячелетия до н. э. выявлены могилы новорожденных и маленьких детей без инвентаря.

Взрослый мужчина (Тали Мокходи) погребен с глиняным сосудом [160, с. 44]. В центральном Иране (Сиалк III) захоронения взрослых сопровождалась разнообразным инвентарем [158, с. 43—44]. В этом же слое отмечено 16 захоронений детей 3—8 лет, в некоторых из них найдено по сосуду. Иногда кроме сосудов в захоронениях имелись бусы. Можно предположить на основании среднеазиатских аналогий, что захоронения с посудой и бусами принадлежали девочкам старше 7 лет.

Сиалку III синхронен комплекс Гисар I в северном Иране [247, с. 62—87]. Могильник в Гисаре расположен на поселении. Тела умерших; видимо, заворачивали в циновку или материю, которую стягивали веревками, благо-

даря чему трупы приобретали скорченное положение. Скелеты мужчин ориентированы на юг, скелеты женщин на север. Следует отметить, что характеристика захоронений Гисара далеко не полна, так как из 1600 могил, раскопанных Э. Шмидтом, опубликовано около сотни, наиболее богатых и наиболее типичных, с его точки зрения.

В слое Гисар I мужчины всех возрастов похоронены с сосудами или с сосудами и украшениями.³⁰ Женщины похоронены с украшениями, количество и качество которых превосходит украшения мужчин.³¹ В могилах мужчин встречены ожерелья из бус различных пород камня, в двух случаях на запястьях были браслеты из бус.³² В двух могилах мужчин найдены медные булавки, которыми, очевидно, скалывались погребальные одежды или саван.³³ В женских захоронениях представлено большее число ожерелий, чем в мужских. Почти у каждой на запястьях были браслеты из бус, чаще встречаются в могилах женщин медные булавки и кольца.³⁴ Кроме того, в женских погребениях в ряде случаев обнаружены ножные браслеты, отсутствующие в мужских захоронениях.³⁵ Женские могилы за счет обилия украшений выглядят богаче мужских.

В мужских захоронениях часты пояса из бус вокруг бедер, которых нет в могилах женщин.³⁶ Мужчины 21—45 лет похоронены с бронзовыми кинжалами,³⁷ которых нет в могилах юношей и мужчин старше 45 лет.³⁸

Печати встречаются в женских и мужских захоронениях. В могиле юноши печати нет,³⁹ но в погребениях девушек они имеются: в одной могиле 5,⁴⁰ в другой 8 экз.⁴¹ В погребениях мужчин (21—45 лет) печати лежали в 5 случаях из 15;⁴² в захоронениях женщин того же возраста в семи могилах из девяти. В двух женских могилах найдено по 1 печати,⁴³ в двух других по 3 экз.,⁴⁴ еще в трех могилах отмечено соответственно 5,⁴⁵ 9,⁴⁶ 13⁴⁷ печатей. В мужских захоронениях лишь в одной могиле было встречено 2 печати.⁴⁸ В четырех могилах печати представлены по одному экземпляру.⁴⁹ (Речь идет о каменных печатях с геометрическим орнаментом). В захоронении мужчины 45—65 лет печати не было.⁵⁰ Из двух погребений женщин этого же возраста в одном найдены 2 печати.⁵¹ В захоронении женщины старческого возраста (более 65 лет) лежали 2 печати.⁵²

Погребальный инвентарь наиболее богат и разнообразен в могилах мужчин и женщин 21—45 лет. Могилы мужчин

и женщин 45—65 лет содержат более бедный погребальный инвентарь.⁵³ Только могила женщины старческого возраста (свыше 65 лет) отличается богатым инвентарем.⁵⁴

Судя по инвентарю, мужчины и женщины имели равное общественное положение. Они похоронены с сосудами и украшениями; с сосудами, украшениями и печатями. Мужские погребения с оружием (21—45 лет) свидетельствуют о военных конфликтах, о начавшемся процессе формирования воинской прослойки.

В комплексе Гисар I найдены две могилы детей [247, с. 71]. В одной похоронен ребенок 8—14 лет с чашей и ожерельем,⁵⁵ в другой — ребенок не старше 7 лет с глиняным сосудом.⁵⁶

В слое Гисар II в основном сохраняются прежние тенденции распределения инвентаря в могилах [247, с. 128—140], но захоронения с оружием для этого времени неизвестны, что можно объяснить выборочным характером публикации. Следует обратить внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, количество украшений в могилах женщин значительно уменьшается,⁵⁷ тогда как число украшений в могилах мужчин возрастает.⁵⁸ Во-вторых, уменьшается количество женских погребений с печатями. Из восьми захоронений женщин печати встречены лишь в двух.⁵⁹ Увеличивается количество мужских могил с печатями. Они обнаружены в шести из 14 могил мужчин,⁶⁰ причем в ряде случаев в погребениях пожилых мужчин (45—65 лет),⁶¹ т. е. в тех могилах, где их ранее не было. В период Гисар I печати представлены в 33 % захоронений мужчин и 77 % захоронений женщин. В период Гисар II печати обнаружены в 43 % мужских и 25 % женских захоронений. Погребения старых и молодых мужчин Гисара II примерно равны по богатству.⁶² То же самое можно сказать о могилах молодых и старых женщин,⁶³ однако в целом женские погребения становятся беднее.

В слое Гисар II найдено захоронение ребенка 8—14 лет с 4 сосудами, бусами и серебряной подвеской [247, с. 131].⁶⁴

В период Гисар III [247, с. 232—261] сохраняются некоторые ранее отмеченные особенности распределения инвентаря в могилах мужчин и женщин.⁶⁵ Например, оружие было только в захоронениях мужчин,⁶⁶ в женских могилах лежали большие бронзовые браслеты.⁶⁷ Продолжается процесс обеднения инвентаря женских захороне-

ний. Из их могил исчезают печати, которые обнаружены только в одном погребении девушки.⁶⁸ Погребения женщин практически лишены украшений,⁶⁹ в то время как они широко представлены в мужских захоронениях всех возрастов. В мужских могилах имеются даже типично женские украшения, как диадемы.⁷⁰ Печати встречены только в могилах мужчин.⁷¹ Захоронения женщин становятся намного беднее, чем в период Гисар I. Видимо, этот процесс связан с утверждением патриархальных отношений в обществе. Если ранее захоронения мужчин пожилого (45—65 лет) и старческого возрастов (свыше 65 лет) по инвентарю были беднее захоронений молодых женщин (21—45 лет), то в период Гисар III захоронения мужчин этих возрастных групп богаче захоронений молодых и пожилых женщин. Только молодые женщины (21—45 лет), видимо члены состоятельных семей, имеют богатый инвентарь в могилах. Чем старше возраст женщины, тем беднее инвентарь, тогда как погребения молодых и старых мужчин примерно равны по богатству. Ведущую роль в жизни общества играет группа мужчин 21—45-летнего возраста. Именно им принадлежат наиболее богатые захоронения с оружием; оружием и печатями.

В слое Гисар III имеется захоронение ребенка 1—7 лет с 3 сосудами [247, с. 242].⁷²

Комплекс Шах-тепе III соответствует комплексу Гисар II. Захоронения детей слоя Шах III почти не отличаются от захоронений взрослых. И те и другие найдены в культурном слое поселения в ямах. Умершие похоронены в скорченном положении. Погребальный инвентарь и ориентировка умерших в могилах взрослых и детей почти аналогичны. В пяти погребениях детей инвентаря нет [112, с. 128, 131, 138, 140].

В слое Шах II, соответствующем Гисару III, раскопаны как безынвентарные детские могилы, так и погребения детей с сосудами; сосудами и украшениями [112, с. 127, 129, 133, 137, 139, 142]. Захоронения детей отличаются от погребений взрослых лишь количеством сосудов. В детских могилах обнаружено не более 3 сосудов, в могилах взрослых их количество колеблется от 1 до 8.

В целом для рассматриваемого периода по иранскому региону учтено 218 могил взрослых людей (Тали Мокходи, Сиалк, Шах-тепе, Тали Иблис, Гиан, Джамшеди, Хураб, Дайти, Геой-тепе), в 168 из которых отмечен погребальный инвентарь, что составляет 77 % всех могил. Учтены

также 74 детские могилы (Сех Габи, Гиян, Тали Гап, Тали Мокходи, Сиалк, Шах-тепе), в 32 из которых есть инвентарь, что составляет 43 % всех детских могил. Инвентарь зафиксирован также в трех могилах подростков (Гисар) и восьми погребениях юношей (Гисар). Захоронения мужчин и женщин Гисара опущены при подсчетах вследствие выборочного характера публикации могил этого памятника.

М а л о а з и й с к и й р е г и о н. На поселении Гюзли-Кюле в слоях конца IV тысячелетия до н. э. встречены два захоронения новорожденных без инвентаря и три детские могилы, в которых имелись сосуды [161, с. 7—8]. В Амуке открыты погребение новорожденного с бусами и 16 костяными подвесками (фаза F), захоронения взрослых и младенца без инвентаря (фаза G) [129, с. 343]. Погребение ребенка в сосуде без инвентаря найдено на поселении Коручу-тепе в восточной Анатолии [213, с. 167]. Могила младенца без инвентаря встречена на поселении Полатлы [194, с. 27]. Два детских безынвентарных захоронения обнаружены на поселении Овайябандир в западной Анатолии [102, с. 159]. Безынвентарное погребение ребенка и новорожденного в сырцовой цисте выявлено в Ханай-тепе на западе Анатолии [244, с. 789]. В Трое зафиксированы шесть могил новорожденных без инвентаря и два захоронения 11—13-летних детей, возле одного из них лежали маленькие кусочки свинцовой проволоки [127, с. 94—95, 130, 329]. В могильнике Кушура открыто безынвентарное погребение новорожденного [189, с. 62]. Два безынвентарных детских захоронения отмечены на поселении Ахлатлибель [121, с. 42]. Могила ребенка 6—7 лет с 6 бронзовыми серьгами раскопана на поселении Дюндар-тепе в северной Анатолии [225, с. 19]. На поселении Тепечик имеется погребение младенца без инвентаря [150, с. 156]. На поселении Тиль Барсиб вскрыто захоронение ребенка с 3 сосудами и бусами [256, с. 109]. В ранних слоях Кархемиша найдены три детских захоронения, не содержащих инвентаря, и захоронение подростка с бусами и 4 сосудами [269, с. 216—217].

Половозрастные определения умерших установлены для могильника поселения Алишар в центральной Анатолии [222, с. 49—51, 137—150, 230]. В могильнике представлены три формы погребального сооружения: ямы, цисты и сосуды. Все погребения находились в культурном слое поселения. Тело умершего, очевидно, заворачивали

в саван, который крепили бронзовой булавкой. В мужских могилах кроме булавок от саванов лежали каменные и бронзовые украшения. Мужчин хоронили, как правило, в сосудах.⁷³ Несколько костяков, находящихся в сосудах, антропологически не определены.⁷⁴ Однако в этих могилах те же вещи, что и в достоверно мужских погребениях: бронзовые булавки, бусы или браслеты. Очевидно, в этих могилах тоже были похоронены мужчины.

Женщин хоронили в ямах, без инвентаря.⁷⁵ В четырех случаях мужчин также похоронили в ямах без инвентаря.⁷⁶

В цистах хоронили мужчин и женщин с инвентарем: в погребении женщины (циста) обнаружен глиняный сосуд,⁷⁷ в двух других цистах (мужчина и юноша) — каменные грузики.⁷⁸

В Алишаре найдено восемь захоронений новорожденных,⁷⁹ из них два с инвентарем,⁸⁰ и девять погребений маленьких детей.⁸¹ Дети в основном похоронены, как и мужчины, в сосудах (11 случаев из 17). В одной могиле маленького ребенка имелись бусина и просверленный зуб животного,⁸² в другой — бронзовая булавка и шило [222, с. 51, 137, 140, 142, 150].⁸³ Набор погребального инвентаря во второй могиле характерен для мужских погребений. Видимо, в этой могиле похоронен мальчик старше 7—9 лет.

Отсутствие вещей в могилах женщин свидетельствует об их низком общественном статусе.

В целом для рассматриваемого периода по малоазийскому региону учтено 135 могил взрослых людей (Аладжа-Хёюк, Ахлатлибель, Алишар, Бабакей, Бююк-Гюллечек, Гюзелова, Каравайясан, Коручу-тепе, Косумбели, Кум-тепе, Кушура, Кюль-тепе, Машат, Пулур, Полатлы, Кархемиш, Тиль Барсиб, Тилмен-Хёюк), в 90 из которых присутствует погребальный инвентарь, что составляет 66 % всех могил. Учтено также 57 детских могил (Гюзли-Кюле, Амук, Коручу-тепе, Полатлы, Овайябандир, Ханай-тепе, Троя, Кушура, Ахлатлибель, Дюндар-тепе, Тепечик, Тиль Барсиб, Кархемиш, Алишар, Машат), в 15 из которых имеется инвентарь, что составляет 26 % всех детских могил. Инвентарь обнаружен также в двух из трех могил подростков (Троя, Кархемиш) и в одной из трех могил юношей (Алишар).

М е с о п о т а м с к и й р е г и о н. В позднеубейдских или раннеурукских слоях поселения Телуль-эт-Талатат

в захоронении ребенка имеется глиняный сосуд, а в могилах взрослых (мужчин и женщин) — орудия труда [147, с. 3—9]. Погребения младенцев и детей с инвентарем и без него встречены в убейдских и урукских слоях Гавры [258, с. 98—125]. Захоронение младенца с глиняным сосудом раскопано в убейдских слоях Арпачия [199, с. 39]. Три безынварных погребения младенцев выявлены в убейдских слоях Ниневии [196, с. 163], два — также без инвентаря обнаружены в Нузи [253, с. 9]. В урукских слоях поселения Эрбил открыто 47 могил новорожденных без инвентаря [98, с. 71—73; 100, с. 4—7]. Обзор погребений показывает, что в северной Месопотамии младенцев хоронили как с инвентарем, так и без него. Захоронения взрослых (Гавра, Арпачия, Эрбил, Ур) сопоставляются разнообразным инвентарем.

В целом для рассматриваемого периода по месопотамскому региону учтено 117 могил взрослых людей (Гавра, Телуль-эт-Талатат, Арпачия, Эрбил, Урук, Ур), в 92 из которых присутствует погребальный инвентарь, что составляет 79 % всех могил. Учтено также 100 детских могил (Телуль-эт-Талатат, Гавра, Арпачия, Ниневия, Нузи, Эрбил), 33 из них с погребальным инвентарем, что составляет 33 % всех детских могил. Инвентарь имеется также в пяти могилах юношей (Гавра).

Для периода ремесел учтено 59 погребений мужчин и 45 погребений женщин (Алтын-Депе, Тахирбай 3, Теккем-Депе, Янги-Кала, Сапалли-тепе, Тали Мокходи, Сиалк, Алишар, Бююк-Гюлчек, Коручу-тепе, Амур, Полатлы, Урук, Эрбил).

Частота встречаемости погребального инвентаря в могилах мужчин и женщин примерно одинакова — в 37 захоронениях мужчин, что составляет 63 % всех мужских погребений, и в 30 могилах женщин, что составляет 66 % всех женских захоронений.

Различные наборы инвентаря в могилах мужчин и женщин часто обусловлены разделением труда между ними. Пряслица, спицы, иглы представлены только в женских погребениях (Алтын-Депе, Сапалли-тепе, Аучин-Депе, Джаркутан, Гисар). Таким образом, ткачество, вязание, шитье были традиционно женскими занятиями. Оружие и некоторые категории орудий труда, в частности ножи, помещены только в мужские погребения (Джаркутан, Гисар).

Ранняя стадия периода ремесел характеризуется

неравномерным распределением украшений в могилах мужчин и женщин. В женских захоронениях их намного больше, поэтому погребения женщин выглядят богаче погребений мужчин (Гисар I, Сапалли-тепе). Очевидно, для этой стадии еще можно говорить о равноправном положении мужчин и женщин в обществе.

Поздняя стадия периода ремесел характеризуется постепенным обеднением женских могил и увеличением богатства погребального инвентаря в захоронениях мужчин (Гисар II—III, Алишар). Захоронения пожилых женщин беднее погребений молодых. Захоронения мужчин почти всех возрастов примерно равны по богатству (Гисар III), превосходя в этом отношении погребения женщин. Этот процесс, видимо, отражает постепенную утрату женщинами равного с мужчинами социального статуса, что являлось следствием формирования патриархальных отношений в древнеземледельческих общинах.

В детских погребениях, как и в предшествующий период, инвентарь встречается гораздо реже. Для периода ремесел учтено 254 могилы младенцев, в 11 из которых найден погребальный инвентарь, что составляет 4 % всех могил этой возрастной категории. Исключение составляет лишь северомесопотамский памятник теппе Гавра, где встречено 49 погребений младенцев с погребальным инвентарем.

В 34 могилах детей 1—6 лет инвентарь обнаружен только в семи случаях. Наборы инвентаря в могилах младенцев и в могилах детей 1—6 лет включают небольшое количество украшений или посуды. Иногда, как и в предшествующий период, в их могилы помещены миниатюрные сосудики. «Взрослые» наборы погребального инвентаря не представлены.

Младенцы и маленькие дети, судя по этим данным, не являлись полноправными членами общины.

«Взрослый» погребальный инвентарь зафиксирован в могилах детей 7—10 лет, но не во всех. Из шести могил этой возрастной группы инвентарь имеется в четырех, причем «взрослый» погребальный инвентарь (сосуды, бусы и др.) только в двух из них (Алтын-Депе, Гисар III). К сожалению, половая принадлежность умерших не определена. Следует только отметить, что в единственном достоверном погребении мальчика (Сапалли-тепе) представлен «детский» набор погребального инвентаря.

Из 28 могил подростков (11—15 лет) погребальный инвентарь обнаружен в 14 случаях. В пяти из них присутствует «взрослый» инвентарь (Сапалли-тепе, Гисар I—II, Кархемиш). В двух случаях установлено, что это могилы девочек (Сапалли-тепе). Очевидно, переход в группу взрослых происходил в 7—10 лет, но он касался не всех детей, а только части из них. Большое число детей 11—15 лет, как это показывают материалы захоронений, еще не имели полноправного статуса.

В погребениях юношей (16—20 лет) погребальный инвентарь отмечен в 18 случаях из 22. «Взрослый» погребальный инвентарь — в 16 случаях (Алтын-Депе, Сапалли-тепе, Гисар, Гавра). Таким образом, юноши являлись полноправными членами общины.

В период ремесел не все захоронения взрослых сопровождаются погребальным инвентарем. Так, в Средней Азии 53 % всех взрослых (юг Туркмении) похоронены с погребальным инвентарем, по иранскому региону эта цифра возрастает до 77, по малоазийскому региону до 67, по месопотамскому региону до 79 %. Итак, наивысший уровень материального благосостояния земледельческих общин, как и ранее, зафиксирован для месопотамского региона.

Первый этап раннеклассовой формации

Малоазийский регион. Могильник торговой колонии города Каниш в центральной Анатолии датируется началом II тысячелетия до н. э. Могилы взрослых людей содержат разнообразный инвентарь. В погребениях младенцев и маленьких детей инвентарь встречается гораздо реже [226, с. 160, 162, 164; 227, с. 149—150].

В целом для рассматриваемого периода по малоазийскому региону учтено 34 могилы взрослых людей (карум Каниша), в 24 из которых найден погребальный инвентарь, что составляет 70 % всех взрослых погребений. Учтено также семь детских могил (карум Каниша), три из них с инвентарем, что составляет 42 % всех детских погребений. В двух могилах подростков (карум Каниша) инвентаря нет.

Месопотамский регион. Антропологические определения имеются для некрополя «А» в Кише [215, с. 89—126]. Используя закономерности распределения

инвентаря в мужских и женских погребениях (сосуды из скорлупы яйца страуса, бронзовые изделия, именуемые цимбалами, бритвы, медальоны, туалетные футляры, орудия труда встречены только в мужских могилах), удалось увеличить количество половозрастных определений могильника.⁸⁴ Оказалось, что захоронения с оружием;⁸⁵ орудиями труда;⁸⁶ оружием и печатями⁸⁷ принадлежали только мужчинам. Включение трех могил с печатями и оружием в число женских погребений является, с нашей точки зрения, ошибкой, допущенной при антропологических определениях. Погребения с посудой; посудой и украшениями; посудой и печатями принадлежали как мужчинам, так и женщинам.

Судя по погребениям могильника «А» Киша в III раннединастическом периоде почти все богатые могилы содержали останки мужчин. Вероятно, это является следствием социального и имущественного неравенства мужчин и женщин.

Безынвентарные могилы младенцев и детей встречены в слоях Гавры и Телуль-эт-Талатата, соответствующих джемдетнарсскому периоду юга Двуречья. Вместе с тем в Гавре довольно часты находки могил детей с погребальным инвентарем [258, с. 98—125; 154, с. 30]. В Хафадже в слоях джемдетнарсского периода найдены безынвентарные погребения новорожденного и ребенка 2—3 лет. Двое других маленьких детей и подросток 12—14 лет похоронены с сосудами. В еще одном захоронении подростка инвентаря нет.

В раннединастических слоях Хафадже обнаружены три безынвентарных детских захоронения и семь детских могил с сосудами; сосудами и украшениями [143, с. 59—60, 70, 73—74, 80—81, 104, 108—109, 123, 125, 127—128].

В слоях раннединастического времени Чагир-Базара на севере Месопотамии обнаружены захоронение младенца с инвентарем и четыре детских погребения с сосудами [197, с. 56—57]. Захоронение ребенка с бусами выявлено в слоях раннединастического периода в Фара [167, с. 18].

В царском могильнике Ура зафиксированы могила младенца и три погребения детей с сосудами [267, с. 154, 156, 160, 422, 432]. В Кише открыто 16 детских могил с погребальным инвентарем [215].

В целом для рассматриваемого периода по месопотамскому региону учтено 1444 могилы взрослых людей (Гавра,

Чагир-Базар, Джемдет-Наср, Хафадже, Фара, Ур, Киш, Эль-Убейд), в 1336 из которых имеется инвентарь, что составляет 92 % всех взрослых погребений. Учтены также 94 детские могилы (Гавра, Хафадже, Ур, Фара, Чагир-Базар, Телуль-эт-Талатат, Киш), 74 из них с инвентарем, что составляет 78 % всех детских могил. Инвентарь обнаружен в одной из двух могил подростков (Хафадже) и в двух из трех могил юношей (Хафадже).

Для начального этапа раннеклассовой формации учтено 59 погребений мужчин и 17 погребений женщин (карум Каниша, Киш).

Частота встречаемости погребального инвентаря в могилах мужчин и женщин примерно одинакова — в 56 захоронениях мужчин, что составляет 95 % всех мужских погребений, и в 17 могилах женщин, что составляет 100 % всех женских захоронений.

Погребения могильника «А» Киша свидетельствуют о том, что в раннеклассовом обществе социальное и имущественное неравенство мужчин и женщин достигает апогея. Доминирующая роль мужчин в экономической и социальной организации древнеземледельческих обществ, являющаяся следствием развития патриархальных отношений, проступает наиболее рельефно.

Возрастает частота встречаемости погребального инвентаря в могилах детей. Из семи погребений младенцев инвентарь встречен в четырех случаях, из трех погребений детей 1—6 лет — в двух. Погребальный инвентарь зафиксирован в могиле ребенка 7—9 лет. Инвентарь находился в одной из четырех могил подростков. Для данного периода известна 101 детская могила, в 77 обнаружен инвентарь.

Вместе с тем следует иметь в виду, что незначительное количество детских могил, выявленных при раскопках могильников Месопотамии и Анатолии данного периода (101 детская могила на 1478 взрослых погребений), свидетельствует о наличии особых детских кладбищ, которые пока еще не открыты. В связи с этим закономерности распределения инвентаря в могилах детей всех возрастов для данного периода установить нельзя.

Погребальный инвентарь также имеется в двух из трех могил юношей.

В рассматриваемый период количество взрослых погребений с инвентарем возрастает по сравнению с предшествующим периодом. По-прежнему больше всего погребений

взрослых с инвентарем в Месопотамии — 92 % всех могил. В центральной Анатолии только 70 % взрослых погребений содержат погребальный инвентарь.

Проведенный анализ погребений мужчин, женщин и детей позволяет сделать несколько выводов.

1. Погребальные обряды древних земледельцев фиксируют различия в производственной деятельности мужчин и женщин. Мужчины занимались сельскохозяйственными работами (серпы в погребениях Чатал-Хёюка). Шитье (иглы в могилах Чатал-Хёюка, Джаркутана), плетение корзин (соответствующие орудия в могилах Чатал-Хёюка), ткачество (пряслица в захоронениях Кара-Депе, Алтын-Депе, Гисара, Сапалли-тепе, веретено в погребении Гисара), вязание (спицы в могилах Джаркутана), приготовление пищи (песты и зернотерки в захоронениях тепе Сабз) были традиционно женскими занятиями.

В погребальном инвентаре отражаются пережитки архаических этапов ведения хозяйства, когда охота играла важную роль в обеспечении населения мясной пищей (ядра пращи в мужских погребениях Али-Коша, кремневые наконечники стрел и копий в могилах мужчин Чатал-Хёюка). В период ремесел в погребениях мужчин появляется оружие (Гисар, Сапалли-тепе, Джаркутан). Эта же особенность характерна для погребений мужчин в раннеклассовых обществах (могильник «А» Киша).

2. Погребальные обряды позволяют проследить развитие патриархальных отношений в древнеземледельческих обществах. Наборы погребального инвентаря в могилах, относящихся к двум первым периодам (архаическая экономика производящего типа, развитая экономика производящего типа) и начальной стадии периода ремесел (Али-Кош, Чатал-Хёюк, Кара-Депе, Гисар I), свидетельствуют о равноправном положении мужчин и женщин в обществе.

В дальнейшем наблюдается постепенное обеднение женских захоронений и увеличение богатства инвентаря в могилах мужчин (Гисар II). К концу периода ремесел это приобретает особо яркие формы (Гисар III, Алишар). С возникновением раннеклассового общества имущественное и социальное превосходство мужчин несомненно (могильник «А» Киша). Изменения в погребальных обрядах являются следствием развития патриархальных отношений у ранних земледельцев. Процесс становления этих отношений, стимулируемый интенсивным развитием эко-

номики производящего типа и расширением контактов между отдельными общинами и странами (обмен, торговля, военная экспансия), приводит в конечном счете к господству мужчин в экономической и социальной организации древнеземледельческих обществ. Не везде данный процесс проходил с одинаковой степенью интенсивности. Но, как показывают материалы могильников, постепенное имущественное и социальное возвышение мужчин и как следствие этого постепенная утрата женщинами равного с мужчинами социального престижа имели место во всех древнеземледельческих обществах.

Погребальные обряды также свидетельствуют о неравномерности темпов развития патриархальных отношений в древнеземледельческих обществах. Так, погребения мужчин и женщин могильника Сапалли-тепе (южный Узбекистан), датирующегося поздней стадией периода ремесел, обнаруживают закономерности распределения инвентаря, характерные для ранней стадии периода ремесел, когда мужчины и женщины еще имели одинаковый общественный статус.

3. В погребальных обрядах отражается иерархия половозрастных классов древнеземледельческих обществ.

Взрослые мужчины и женщины

а) Период архаической экономики производящего типа, период развитой экономики производящего типа, ранняя стадия периода ремесел.

Взрослые мужчины и женщины (старше 20 лет) являются полноправными членами общества. Стандартный набор погребального инвентаря отмечен в могилах мужчин и женщин 20—50 лет, являющихся самыми трудоспособными членами общин (Кара-Депе, Сапалли-тепе, Гисар I). Погребения женщин выглядят богаче мужских за счет большого количества украшений, помещенных в их могилы. Вероятно, эти половозрастные группы играли ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни коллективов.

Погребения пожилых мужчин и женщин (50—60 лет) содержат бедный погребальный инвентарь (Кара-Депе, Гисар I). Видимо, это обусловлено их меньшим участием в производственной деятельности общин.

Особым почетом и уважением в первобытных обществах пользовались люди преклонного возраста, что находило

отражение и в погребальных обрядах. Захоронения женщин старше 60 лет (Сапалли-тепе, Гисар I) характеризуются богатым погребальным инвентарем.

б) Поздняя стадия периода ремесел.

Богатые наборы погребального инвентаря обнаружены в могилах мужчин 20—50 лет. Погребения мужчин 50—60 лет выглядят несколько беднее, но все же богаче, чем раньше (Гисар II—III).

В женских могилах погребальный инвентарь гораздо беднее либо его вообще нет (Гисар II—III, Алишар). Самыми бедными являются могилы пожилых женщин (40—50 лет).

Ведущую роль в жизни общества играют мужчины 20—50 лет.

Юноши и девушки

Большинство могил юношей и девушек (16—20 лет) содержит погребальный инвентарь. Он найден в 27 случаях из 32, что составляет 84 % всех могил. В 23 случаях в погребениях имеются «взрослые» наборы инвентаря (Гавра, Алтын-Депе, Гисар, Сапалли-тепе). Они встречены как в могилах юношей, так и в могилах девушек. Очевидно, эти половозрастные группы имели статус взрослых и считались полноправными членами общин. Вместе с тем для ряда погребений юношей и девушек отмечены либо отклонения от тщательно разработанного погребального ритуала, характерного для взрослых захоронений (Сапалли-тепе), либо «детские» наборы погребального инвентаря, что свидетельствует о неполноправном статусе части членов данной возрастной группы. Вряд ли можно в полной мере установить причину этого явления, но не исключено, что это погребения людей, в силу каких-то причин не состоящих в браке к моменту смерти.

В целом общественное положение юношей и девушек остается неизменным в течение всех рассмотренных периодов.

Дети

Погребения детей до года практически лишены инвентаря. Из 353 могил детей до года инвентарь встречен лишь в 18 случаях, что составляет 5 % всех могил. Часто младенцев хоронили отдельно не только от взрослых,

но и от детей других возрастов. Такие младенческие могильники зафиксированы на Алтын-Депе, в Гавре и Тель-эс-Севване. Очевидно, жизнь их оборвалась ранее срока, по достижении которого община обязана была провить хотя бы минимум заботы об умершем ребенке.

Следующую возрастную группу составляют дети 1—6 лет. В работе учтено 53 могилы детей этого возраста, в 20 из них обнаружен инвентарь, что составляет 37 % всех могил. Погребальный инвентарь, как правило, состоит из небольшого числа украшений или глиняных сосудов, нередко миниатюрных, специально изготовленных для детских погребений. Судя по наборам погребального инвентаря, эта возрастная группа также имела неполноправный статус. Погребения Алтын-Депе показывают, что погребальный инвентарь появляется в могилах маленьких детей не младше 2—3 лет. Не исключено, что «детский» погребальный инвентарь появляется в погребениях только тех маленьких детей, которых к моменту их смерти уже не кормили грудью.

Гораздо чаще «детский» погребальный инвентарь представлен в могилах детей 7—10 лет. В работе учтено 18 таких могил, в 14 из которых встречен погребальный инвентарь, что составляет 77 % могил. В пяти могилах (27 % от общего числа погребений этой возрастной группы) найден «взрослый» погребальный инвентарь, который зафиксирован только в могилах девочек (три могилы в Кара-Депе). В двух других случаях (Алтын-Депе, Гисар) пол умерших не установлен. В могилах мальчиков этого возраста (Кара-Депе, Сапалли-тепе) представлены «детские» наборы погребального инвентаря.

Приведенные факты показывают, что по достижении 7—10-летнего возраста, если не все, то часть девочек переходит в группу взрослых женщин. Очевидно, уже в 7—10 лет девочки достигали брачного возраста, определенного семейно-брачными нормами древнеземледельческих общин, что свидетельствует о ранних женских браках.

В могилах подростков (11—15 лет) погребальный инвентарь представлен в 33 из 53 погребений, что составляет 62 % могил. В 15 могилах (28 % от общего числа погребений указанной возрастной группы) найден «взрослый» погребальный инвентарь. Большинство скелетов, обнаруженных в могилах, не имеет антропологических определений (Тель-эс-Севван, Амуқ, Кархемиш, Гисар).

Там, где такие определения возможны, установлено, что «взрослый» погребальный инвентарь помещен только в могилы девочек (Сапалли-тепе). В процентном отношении количество погребений со «взрослым» инвентарем не увеличилось по сравнению с предшествующей возрастной группой. Это свидетельствует о том, что мальчики в данном возрасте не приобретают статуса взрослого мужчины. Взрослыми по-прежнему считаются лишь девочки, которые получили этот статус ранее, в возрасте 7—10 лет.

Частота встречаемости «взрослого» погребального инвентаря весьма существенно увеличивается в могилах юношей и девушек, достигая 71 %. В могилах юношей (16—20 лет) появляются «мужские» наборы инвентаря (Гисар). Количественное увеличение погребений со «взрослым» погребальным инвентарем в возрастной группе юношей по сравнению с группой подростков можно объяснить только тем, что возраст 15—16 лет считался границей, разделяющей мальчиков и взрослых мужчин.

Возраст 15—16 лет как рубеж, отделяющий взрослого от ребенка, характерен не только для древнеземледельческих обществ. Ранний Тулхарский могильник (Таджикистан), относящийся к кругу памятников степной бронзы Средней Азии, по мнению А. М. Мандельштама, дает материалы, подтверждающие тот факт, что переход детей в категорию взрослых проходил в пределах 14—16 лет [38, с. 121—122]. Этнографические данные по Восточной и Западной Европе свидетельствуют о том же [164, с. 29—30].

Установленная иерархия возрастных групп детей остается неизменной в течение трех первых рассмотренных периодов. Для эпохи раннеклассовых обществ соответствующие данные, как уже указывалось выше, отсутствуют.

4. На ранних стадиях развития экономики производящего типа лишь незначительное количество взрослых похоронено с погребальным инвентарем (22 % в Средней Азии, 20 % в Иране — период архаической экономики производящего типа). Постепенно их количество увеличивается (57 % в Средней Азии, 57 в Иране, 35 в Малой Азии, 82 % в Месопотамии — период развитой экономики производящего типа). В период ремесел погребения взрослых с инвентарем или остаются почти на прежнем уровне (53 % в Средней Азии, 80 % в Месопотамии)

или весьма значительно увеличиваются (67 % в Малой Азии, 77 % в Иране). В эпоху раннеклассовых обществ погребения взрослых с инвентарем увеличиваются в Малой Азии до 70 %, в Месопотамии до 92 %.

Количество погребений с инвентарем в первую очередь определяется уровнем материального благосостояния общества, т. е. тем количеством прибавочного продукта, который расходовали при похоронах. Приведенные цифры показывают, что наибольшее количество погребений с инвентарем зафиксировано для древнеземледельческих общин Месопотамии. Общины древних земледельцев Средней Азии, Ирана и Малой Азии имеют примерно одинаковое количество погребений с инвентарем в период развитой экономики производящего типа. В период ремесел количество погребений с инвентарем в общинах Ирана и Малой Азии существенно увеличивается, тогда как в Средней Азии наблюдается его незначительное уменьшение. Таким образом, в период, когда складывались предпосылки для формирования раннеклассовых обществ, древнеземледельческие общины Средней Азии (юг Туркмении) имели самый низкий на Древнем Востоке уровень материального благосостояния, что существенно затормозило процесс образования раннеклассового общества в этом регионе.

Количество детских погребений с инвентарем весьма варьирует, но никогда не превышает 50 % их общего числа. Только в Месопотамии (первый этап раннеклассовой формации) детские погребения с инвентарем достигают 78 %. Этот прирост объясняется весьма незначительным в сравнении с высокой детской смертностью количеством богатых детских погребений, обнаруженных при раскопках могильников, содержащих захоронения взрослых. Отдельные захоронения детей с инвентарем, богатство которого зачастую превосходит богатство инвентаря в погребениях взрослых, встречены также в других рассматриваемых регионах. Эти погребения требуют специального анализа и рассмотрены в следующей главе.

Примечания к главе II

¹ № 8, 10, 25. Погребения без антропологических определений № 9, 18, 26 и погребение без номера отнесены к мужским на основании находок в них инвентаря, аналогичного инвентарю достоверно мужских захоронений.

² № 33, 34, 34а, 35.

³ № 27, 30—32.

⁴ № 28.

⁵ № 29.

⁶ № 18, 59, 88.

⁷ № 85, 90.

⁸ № 20, 38, 70, 98.

⁹ № 15, 58, 94.

¹⁰ № 9, 25, 27, 34, 41, 54, 56, 63.

¹¹ № 71.

¹² № 9, 63.

¹³ Все погребения тепе Сабз перекрыты каменными плитами.

¹⁴ № 4, 12, 13.

¹⁵ № 22.

¹⁶ № 3, 39.

¹⁷ № 20, 38.

¹⁸ № 7, 40, 44.

¹⁹ № 2.

²⁰ № 23.

²¹ № 18.

²² № 41.

²³ № 6.

²⁴ № 29, 42.

²⁵ № 14.

²⁶ № 1.

²⁷ № 33 (юноша), № 16 (девушка).

²⁸ № 5, 9—11, 15, 19, 25, 26, 30—32, 34, 36, 37, 45, 46.

²⁹ № 15, 29, 43.

³⁰ CY95, x-28; DH34, x-14; DH46, x-23; DY96, x-23.

³¹ CG95, x-24; CG95, x-27; DG69, x-26; DH13, x-18; DH35, x-12; DH36, x-12; DH36, x-15; DH36, x-16; DH43, x-8; DH44, x-10; DH46, x-21; EH13, x-37.

³² CG95, x-26; DG36, x-22; DG69, x-24; DH34, x-19; DH34, x-25; DH35, x-24; DH36, x-17; DH45, x-10; DH46, x-13; DY36, x-30; EH13, x-32; EH13, x-13.

³³ DH34, x-19; DH46, x-13.

³⁴ DH13, x-18; DH36, x-15; DH36, x-16; DH43, x-8; DH44, x-10; EH13, x-37.

³⁵ DH43, x-8; DH44, x-10.

³⁶ DG69, x-24; DH34, x-25; DH36, x-17; DH45, x-10; DY36, x-30; EH13, x-13, EH13, x-32.

³⁷ DH36, x-17; DY36, x-30; EH13, x-13; EH13, x-32.

³⁸ Для погребений Гисара в работе приняты следующие возрастные группы: infant I (0—7 лет); infant II (8—14 лет); juvenile (14—21 года); adult (21—45 лет); mature (45—65 лет); senile (более 65 лет).

³⁹ DG69, x-25.

⁴⁰ EH13, x-28.

⁴¹ DH45, x-7. Пол умершего в этой могиле определяется наличием в инвентаре большого количества печатей.

⁴² CG95, x-26; DG36, x-22; DH34, x-19; DH35, x-24; DH46, x-13.
⁴³ DG69, x-26; DH46, x-21.
⁴⁴ DH13, x-18; DH36, x-16.
⁴⁵ DH36, x-15.
⁴⁶ DH44, x-10.
⁴⁷ DH43, x-8.
⁴⁸ DH35, x-24.
⁴⁹ CG95, x-26; DG36, x-22; DH34, x-19; DH46, x-13.
⁵⁰ DH46, x-23.
⁵¹ DH35, x-12.
⁵² EH13, x-37.
⁵³ DH35, x-12; DH36, x-12; DH46, x-23.
⁵⁴ EH13, x-37.
⁵⁵ EH13, x-46.
⁵⁶ EH13, x-43.
⁵⁷ DF09, x-41; DF69, x-1; DF78, x-26; DG53, x-8; DH35, x-10; DH35, x-14; DH46, x-9; EH13, x-40.
⁵⁸ CF57, x-40; CG25, x-1; CG89, x-2; CY89, x-10; DF04, x-16; DF09, x-29; DF78, x-25; DG53, x-9; DG96, x-31; DG96, x-36; DH34, x-2; DH34, x-8; DH44, x-8; DH44, x-11.
⁵⁹ DG53, x-8; EH13, x-40.
⁶⁰ CG25, x-1; DG96, x-31; DG96, x-36; DH34, x-8; DH44, x-8; DH44, x-11.
⁶¹ DG96, x-31; DG96, x-36; DH44, x-8.
⁶² CF57, x-40; DG96, x-31; DG96, x-36; DH44, x-8.
⁶³ DF09, x-41; DG53, x-8.
⁶⁴ DH36, x-5. Кроме того, в слое II найдена могила девушки. DF88, x-18.
⁶⁵ 20 могил мужчин 21—45 лет (CF47, x-2; CF48, x-1; CF57, x-28; CF79, x-1; CG10, x-8; CG25, x-5; CH65, x-4; CH65, x-20; CH75, x-13; CH96, x-1; CH96, x-16; CH96, x-23; CY10, x-2; CY13, x-1; DF08, x-1; DF09, x-1; DF19, x-2; DG20, x-21; DG53, x-4; DY51, x-5); пять могил мужчин 45—65 лет (CF88, x-1; CF89, x-3; CG20, x-2; CG22, x-4; DF07, x-3a); могила мужчины старше 65 лет (CH97, x-1); две могилы юношей (CH64, x-1; CH86, x-2); пять могил женщин 21—45 лет (CF55, x-1; CG90, x-15; CH64, x-2; CH95, x-28; DF04, x-15); могила женщины 45—65 лет (CF89, x-10); могила женщины старше 65 лет (CF38, x-15); две могилы девушек (CG31, x-7; CH95, x-17).
⁶⁶ CF47, x-2; CF48, x-1; CF57, x-28; CH75, x-13; CH96, x-23; CY10, x-2; CY13, x-1; DF09, x-1; DF19, x-2.
⁶⁷ CF55, x-1; CH64, x-2.
⁶⁸ CG31, x-7.
⁶⁹ CF38, x-15; CF89, x-10; CG90, x-15; CH95, x-28; DF04, x-15.
⁷⁰ CF57, x-28; CG10, x-8.
⁷¹ DF08, x-1; DF09, x-1.
⁷² CH85, x-15.
⁷³ 13 могил (bx 8, bx 68, cx 11, cx 12, cx 16, cx 20, dx 48, ex 3, ex 8, 3200, 3202, 3206, 3209).
⁷⁴ 13 могил (bx 7, bx 10, bx 46, bx 69, dx 14—16, dx 27, dx 29, dx 45—47, ex 9).
⁷⁵ bx 17, ex 18, ex 19, 3207, 3212.
⁷⁶ bx 15, cx 6, dx 10, 3212. Для шести человек, похороненных в ямах без инвентаря (bx 11, bx 12, dx 11, dx 28, ex 4, ex 16), нет антропологических определений.
⁷⁷ cx 18.

⁷⁸ dx 26, 3224.
⁷⁹ bx 6, bx 9, cx 18a, cx 19, ex 10, ex 12, ex 13, ex 19.
⁸⁰ ex 12, ex 19.
⁸¹ bx 13, bx 14, dx 49, ex 11, ex 14, ex 15, 3206a, 3208, 3211a.
⁸² № 3211a.
⁸³ № 3208.
⁸⁴ 54 захоронения мужчин (№ 2, 4, 5, 8, 11, 14, 16 (двойное), 20, 28, 33, 34 (двойное), 40, 44, 47, 48, 55—57, 65—69, 71, 74, 75, 77—82, 87, 88, 92, 93, 104, 105, 107, 113, 116, 117, 120—122, 127, 128, 131, 134—136, 141, 143, 146); 17 захоронений женщин (№ 9, 12, 13, 15, 16 (двойное), 19, 21, 23—25, 27, 30, 32, 34 (двойное), 39, 126, 144); 13 захоронений детей (№ 10, 18, 48, 59, 96, 147—153, 164).
⁸⁵ № 11, 14, 20, 28, 33, 47, 88, 105, 136.
⁸⁶ № 5, 7, 66, 71, 98, 122.
⁸⁷ № 2, 4, 8, 16, 34, 40, 57, 69, 74, 79, 80, 92, 93, 104, 107, 128, 131, 135.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ
ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

Период архаической экономики производящего типа

Среднеазиатский регион. Четыре погребения взрослых людей эпохи неолита (джейтунская культура) обнаружены на поселениях Чопан-Депе [12, с. 73—74] и Чагыллы-Депе [10, с. 5—7]. Рядовой погребальный инвентарь (глиняные поделки, шило) найден в одном из них на Чопан-Депе и в одном — на Чагыллы-Депе. В пяти бедных могилах времени Анау IA (Монджуклы-Депе) инвентаря нет [13, с. 14, 18—19].

Иранский регион. В Иранском Курдистане на поселении Ганш-Даре, в слое Д, датирующемся концом VIII—началом VII тысячелетия до н. э. раскопано 26 бедных безынвентарных погребений. В одном случае три костяка (взрослый, подросток, ребенок) лежали в сырцово-камере [251, с. 167].

Несколько захоронений конца VII тысячелетия до н. э. отмечено в тепе Гуран [216, с. 112]. Инвентарь имеется только в двух могилах. В одном случае это кремневое острие и несколько бусин, в другом — бусина. В Гуране встречена одна коллективная могила, где похоронено не менее четырех человек.

На поселении Али-Кош в юго-западном Иране (VII тысячелетие до н. э.) восемь одиночных погребений взрослых женщин фазы Али-Кош не имеют инвентаря.¹ В двух мужских могилах находились: в одной — каменное ядро пращи, в другой — каменное ядро пращи, ожерелье и

браслет из бусин.² Позднее, в первой половине VI тысячелетия до н. э. (фаза Мухамед Джафар) в могилах мужчин представлены украшения из бирюзовых и раковинных бус,³ а также ядра пращи.⁴ Всего семь мужских погребений со стандартным набором инвентаря (1—2 вида вещей). В Али-Коше также выявлены два коллективных погребения (фаза Бас-Мордех, фаза Али-Кош) с бусинами из раковины и бирюзы. В каждом из них лежало не менее трех костяков взрослых [171, с. 247—255].

Малоазиатский регион. Многие погребения Чатал-Хёюка бедны либо вообще не имеют погребального инвентаря. Obsидиановые зеркала у женщин и костяные пряжки поясов у мужчин найдены только в могилах под полами святилищ. В нескольких случаях зафиксированы могилы с богатым инвентарем. Богатой является могила женщины с ребенком, в которой имеются тесла, кремневые кинжалы, ложки, лопаточки, раковины мидии с красной краской (слой VIII). Мужские и женские погребения, в которых обнаружены следы голубой и зеленой краски, также являются богатыми (слои VII—VI). В двух могилах встречены амулеты-печатки с геометрическими узорами. Для Чатал-Хёюка характерны коллективные и одиночные захоронения, причем первые преобладают [202, с. 207—209].

Анализ погребений рассматриваемого периода показывает, что свидетельства имущественного неравенства населения (бедные и богатые могилы) имеются только для малоазиатского региона (Чатал-Хёюка). Неясно, однако, в какой мере это имущественное неравенство соответствует социальному, так как отсутствует полная публикация могильника. Дж. Мелларт считает, что женщины с obsидиановыми зеркалами и мужчины с костяными пряжками поясов, похороненные под полами святилищ, были жрицами и жрецами, пользовавшимися почетом и властью [202, с. 207—208]. Мнение Мелларта требует дополнительной аргументации, хотя сам факт находок определенных видов вещей в могилах под святилищами и отсутствие их в захоронениях вне святилищ заслуживает внимания. Вполне возможно, что это действительно говорит о том, что в общине Чатал-Хёюка были лица особого социального ранга, однако нет оснований считать их обязательно жрецами и жрицами.

Находки в некоторых могилах Чатал-Хёюка металлических изделий (бус, колец) вряд ли являются показа-

телем богатства, так как использование металла в эту эпоху носило ограниченный характер.

Имущественное неравенство населения, отразившееся в погребальном обряде Чатал-Хёюка, свидетельствует о наличии семей различного достатка, что являлось закономерным следствием неолитической революции, открывшей возможности получения регулярного прибавочного продукта.

В целом для всех регионов рассматриваемого периода характерны бедные безынварные погребения (семь в Средней Азии, 34 в Иране, по Малой Азии цифровые показатели отсутствуют). Количество погребений со стандартным набором инвентаря (могилы с украшениями; орудиями труда; оружием) весьма невелико. В Средней Азии представлено два таких погребения, в Иране — 11. Несколько богатых могил с оружием и орудиями труда известно только в Малой Азии (Чатал-Хёюк).

Период развитой экономики производящего типа

Среднеазиатский регион. В Средней Азии к этому периоду относятся археологические комплексы типа Намазга I—IV (раннее).

По два бедных безынварных погребения раскопано в Анау и на Намазга-Депе, два погребения, в которых обнаружено по 1 глиняному сосуду, находятся на Намазга-Депе, одно с кремневыми орудиями зафиксировано на Алтын-Депе. Все они относятся к периодам Намазга I—II [262, с. 485—491; 41, с. 11; 85, с. 13].

В период позднего Намазга II—раннего Намазга III на юге Туркмении (Кара-Депе, Геоксюр, Алтын-Депе) можно выделить три основные группы погребений (одиночные и коллективные): без инвентаря; с сосудами; с украшениями.

Захоронения периодов Намазга II—III свидетельствуют об имущественной дифференциации населения. Бедными являются безынварные могилы (25 одиночных погребений⁵ и пять толосов⁶). Гораздо чаще в захоронениях представлен стандартный набор (1—3 вида вещей в могиле) погребального инвентаря. На Кара-Депе найдено 15 погребений с 1—2 глиняными сосудами,⁷ четыре погребения с 1—2 глиняными сосудами, поделками из глин, кости, камня, бусами,⁸ семь погребений с бусами.⁹ Все 26 могил являются одиночными. Кроме того,

известно 15 толосов со стандартным инвентарем. Это 12 толосов с глиняными сосудами и бусами,¹⁰ толос с глиняными сосудами, бусами и кремневым наконечником стрелы,¹¹ толос с глиняными сосудами, бусами и женской статуэткой¹² из Геоксюра. Толос с глиняными сосудами и бусами обнаружен на Алтын-Депе.

Относительно богатыми выглядят погребения с медными украшениями, глиняными или каменными сосудами. На Кара-Депе раскопано три погребения с 1—2 глиняными сосудами, бусами и бронзовыми украшениями.¹³ четыре могилы с бронзовыми украшениями и бусами,¹⁴ могила с каменным сосудом, в которой, судя по находке в ней пряслица, была похоронена женщина,¹⁵ погребение с 8 глиняными сосудами и женской статуэткой.¹⁶ Все девять погребений одиночные. По одной богатой коллективной гробнице зафиксировано на Алдын-Депе и Кара-Депе и девять толосов в Геоксюре.¹⁷ Судя по составу погребального инвентаря, почти во всех могилах Геоксюра, Кара-Депе, Алтын-Депе похоронены простые общинники.

Вместе с тем в период раннего Намазга III появляются первые свидетельства социального расслоения населения. В Геоксюре и на Кара-Депе выявлены погребения с женскими статуэтками. В богатой могиле (№ 100) с женской статуэткой на Кара-Депе находилось редкое даже для эпохи бронзы количество глиняных сосудов. Находки женских статуэток в захоронениях юга Туркмении — свидетельство особого статуса умерших, в могилах которых они представлены. Вероятно, в этих могилах погребены люди, совершавшие магические обряды в общинных святилищах, наличие которых для времени Намазга III теперь является установленным фактом [87].

В целом по среднеазиатскому региону учтено 98 погребений (34 без инвентаря, 42 с украшениями, 18 с сосудами, два с женскими статуэтками, одно с орудиями труда, одно с кремневым наконечником стрелы). Доминируют безынварные погребения и могилы с украшениями. Бедные погребения не содержат погребального инвентаря. В 44 могилах со стандартным набором инвентаря (17 с сосудами, 24 с украшениями, одна с орудиями труда, одна с женской статуэткой, одна с кремневым наконечником стрелы) найдено от 1 до 3 видов вещей. 1 вид вещей отмечен в 24 могилах (17 с сосудами, шесть с украшениями, одна с орудиями труда). 2 вида вещей имеется в 16 захоронениях с украшениями. 3 вида вещей представлено в четы-

рех погребениях (два с украшениями, одно с женской статуэткой, одно с кремневым наконечником стрелы). Во всех погребениях со стандартным набором инвентаря нет изделий из меди. В 20 богатых погребениях (18 с украшениями, одно с каменным сосудом, одно с женской статуэткой) встречено от 1 до 3 видов вещей, включая украшения из меди, которые отсутствуют лишь в двух последних захоронениях. 1 вид вещей зафиксирован в могиле с украшениями. 2 вида вещей обнаружены в семи захоронениях (одно с каменным сосудом, одно с женской статуэткой, пять с украшениями). 3 вида вещей представлены в 12 могилах с украшениями.

Иранский регион. Захоронения Яник-тепе в Иранском Азербайджане (VI тысячелетие до н. э.) безынвентарны [132, с. 56]. На другом поселении Иранского Азербайджана — Хаджи-Фируз имеются коллективные погребения. В одной могиле лежало 19 скелетов. В двух других 28. Позднее в Хаджи-Фируз открыты еще два коллективных погребения. В одной могиле похоронено 13 человек (пять детей, восемь взрослых), в другой — три. В могилы помещены глиняные сосуды, пряслица, кремневые и каменные орудия труда, каменные печатки-амулеты с геометрическими узорами [140, с. 707; 146, с. 179].

В центральном Иране на поселении Сялк, в слое I раскопаны бедные захоронения взрослых без инвентаря. Только в одной могиле есть каменное тесло [158, с. 10—11]. Погребения взрослых слоя II безынвентарны [158, с. 27].

Могилы с сосудами известны на юго-востоке Ирана в Яхья-тепе. В погребениях представлено от 1 до 3 сосудов [191, с. 182]. В слое Иблис I поселения Тали Иблис найдено богатое захоронение мужчины в цисте. Рядом с умершим стоял каменный сосуд [134, с. 301].

На юго-западе Ирана в тепе Сабз выявлены погребения мужчин без инвентаря и погребения женщин с орудиями труда [171, с. 256—257].

Таким образом, погребения свидетельствуют об имущественном неравенстве древнеземледельческого населения Ирана (Хаджи-Фируз, возможно, Яхья-тепе). О социальном расслоении населения пока данных нет.

Малоазийский регион. Погребения взрослых культуры сирокликийского неолита раскопаны на поселениях Мерсин и Джан Хасан.

Погребения Мерсина фиксируют имущественное расслоение древнеземледельческого населения юга Турции:

в четырех могилах (слои XVIII—XIX, XXI) нет инвентаря (бедные могилы), в двух погребениях (слой XXIV) представлен стандартный набор инвентаря (2 глиняных сосуда и орудия труда; 2 глиняных сосуда и бусы). В одной могиле (слой XXV) обнаружен богатый погребальный инвентарь: 2 сосуда, 2 каменных браслета, 3 низки бус из раковин, изделие из обожженной глины в форме рога [156, с. 33].

В западной Анатолии близ города Бурудур расположено поселение Хаджилар, могильник которого находится вне поселения. Тем не менее 20 могил зафиксировано в культурном слое поселения. Стандартный инвентарь (глиняные сосуды и украшения) был найден только в шести могилах. Еще одну могилу с каменным сосудом и бусами можно считать богатой [203, с. 89—90].

В восточной Анатолии близ озера Ван расположено поселение халафского времени Тильки-тепе. Немецкие археологи раскопали здесь 17 могил [144, с. 580], сводка Т. Эзгюча упоминает 18 захоронений [225, с. 11, 29]. Могилы находятся на территории поселения. Вещи имеются лишь в шести могилах. В четырех могилах, которые считаются стандартными, умершие похоронены с глиняными сосудами, по одному в каждом захоронении. В погребении R, которое можно считать богатым, найден сосуд, каменные бусы, 2 обсидиановых ножа, 2 костяные проколки. В могиле Y, которая отнесена к числу стандартных погребений, встречен сосуд, обсидиановый нож, каменная пластина [173, с. 290]. Позднее Е. Рейли раскопал в Тильки-тепе еще шесть могил. Только в одной был инвентарь: 2 глиняных кружка у шеи покойного [238, с. 162—163]. Для Тильки-тепе учтено и 16 бедных безынвентарных погребений.

Кроме этих погребений, свидетельствующих об имущественном расслоении древнеземледельческого населения Малой Азии и являющихся, судя по наборам инвентаря, могилами рядовых общинников, на юге Турции открыта богатая могила с уникальным для этого времени набором инвентаря. Речь идет о могиле мужчины 45 лет в Джан Хасане, в которой имеется браслет и медное навершие булавы [103, с. 5].

Подобный набор инвентаря является богатым для рассматриваемого времени. Наличие в могиле навершия булавы — символа власти позволяет трактовать это захоронение как погребение старейшины.

В целом по малоазийскому региону учтено 50 могил (33 без инвентаря, девять с сосудами, четыре с украшениями, три с орудиями труда, одна с навершием булавы). Доминируют безынвентарные погребения и могилы с сосудами. Бедные погребения не содержат погребального инвентаря. В 13 могилах со стандартными наборами инвентаря (девять с сосудами, две с украшениями, две с орудиями труда) отмечено от 1 до 3 видов вещей. 1 вид вещей встречен в девяти могилах с сосудами. 2 вида вещей имеется в двух могилах с украшениями. 3 вида вещей представлено в двух могилах с орудиями труда. Во всех погребениях со стандартными наборами инвентаря нет изделий из металлов. В четырех богатых захоронениях (два с украшениями, одно с орудиями труда, одно с навершием булавы) выявлено от 2 до 4 видов вещей, включая в одном случае каменный сосуд, в другом — медное навершие булавы. По 2 вида вещей встречено в могиле с украшениями и в могиле с медным навершием булавы. По 4 вида вещей найдено в могиле с украшениями и в могиле с орудиями труда.

В Сиро-Киликии коллективная могила детей находилась на поселении Джан Хасан [153, с. 50].

Месопотамский регион. Погребения этого периода раскопаны в Северной Месопотамии и относятся к культурам Умм Дабагайя, хассунской, самаррской, халафской и раннеубейдской.

Погребения взрослых культуры Умм Дабагайя обнаружены на эпонимном поселении. В пяти случаях это были бедные безынвентарные могилы. В одном погребении возле черепа лежало украшение — морская раковина [176, с. 7; 177, с. 4].

Культура Умм Дабагайя сменяется хассунской культурой. Две могилы взрослых людей раскопаны на поселении Хассуна. Одно из них в слое Ic — бедное (без инвентаря), другое в слое Ia содержало стандартный набор инвентаря: глиняный сосуд и мотыгу [193, с. 267—274].

19 погребений взрослых расчищены также на памятниках самаррской культуры, которая синхронна хассунской: Матарра [250, с. 23—24], Самарра [170, с. 1—4], Телль-эс-Севван [149, с. 25—26, 28].

По составу инвентаря можно выделить шесть групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с орудиями труда; с навершиями булав; с вещами культового характера. По степени богатства инвентаря выде-

ляются три группы могил. В двух бедных захоронениях инвентарь не представлен.¹⁸ В четырех могилах со стандартными наборами инвентаря (от 2 до 3 видов вещей в могиле) представлены глиняные сосуды или глиняные сосуды и бусы.¹⁹ В одной могиле обнаружены навершие булавы, ядра пращи и глиняный сосуд.²⁰ 13 богатых могил (1—3 вида вещей в захоронении) характеризуются наличием каменных сосудов, бус, украшений, орудий труда, фигурок животных. На Телль-эс-Севване известны три могилы, в которых представлено по 2 каменных сосуда,²¹ пять могил с 1—3 каменными сосудами и украшениями,²² две могилы с 1—3 каменными сосудами и фигурками животных,²³ могила с 2 каменными сосудами и орудиями труда,²⁴ могила с 3 каменными сосудами и вещами культового характера.²⁵ В Самарре расчищена могила с 3 каменными, 2 глиняными сосудами и бусами.²⁶

11 погребений взрослых халафской культуры обнаружены в Арпачии [199, с. 42—43], Чагир-Базаре [197, с. 58—69], Ярым-тепе I [55, с. 452—453].

По составу инвентаря можно выделить пять групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с орудиями труда; с навершиями булав.

По степени богатства инвентаря выделяются три группы могил. В бедном погребении (Арпачия, № 59) инвентаря нет. В стандартных могилах представлен 1 вид вещей (глиняные сосуды или бусы). В эту группу попадают могилы с 1—3 сосудами (Арпачия, № 51, 53; Чагир-Базар, № 80, 83—86) и украшениями (Арпачия, № 55). В богатых могилах отмечено от 4 до 6 видов вещей (глиняные и каменные сосуды, поделки из кости, кремневые орудия труда, астрагалы). К этой группе относятся погребения с 1—3 глиняными сосудами и орудиями труда (Арпачия, № 54, 58), а также погребение из Ярым-тепе I, в котором обнаружены 3 глиняных и 2 каменных сосуда, навершие булавы, около 200 астрагалов. Особым богатством отличается могила в Арпачии (№ 58), где встречены 4 глиняных сосуда, костяные шило и лопаточка, кремневый нож; 2 кельта и амулет с геометрическим узором [199, с. 42—43].

14 погребений раннеубейдского времени (слои XIX—XVII) раскопано в Гавре [258]. По составу инвентаря можно выделить четыре группы могил: с сосудами; с украшениями; с орудиями труда; с печатями.

По степени богатства инвентаря погребения подразделяются на могилы со стандартными наборами инвентаря и на богатые захоронения. В 11 стандартных погребениях представлено от 1 до 3 видов вещей. В семи могилах найдены 1—3 глиняных сосуда,²⁷ в трех могилах лежали 1—3 глиняных сосуда, украшения, поделки из глины и дерева,²⁸ в одной могиле встречены бусы.²⁹ В трех богатых могилах обнаружено от 3 до 6 видов вещей. В двух могилах имелось от 1 до 3 глиняных и от 1 до 4 каменных сосудов, а также орудия труда и каменные поделки.³⁰ В одной могиле с 3 глиняными и 2 каменными сосудами найдена печать.³¹ Особым богатством характеризуется могила № 7-68, в которой, как считал А. Тоблер, похоронен ремесленник. В этом погребении кроме сосудов находились обсидиановые пластины, отбойники, наковаленки и другие каменные изделия.

Могилы взрослых иногда группируются возле зданий, в слое XVIII вокруг святилища, в слое XVII возле двух толосов [258, с. 105—106]. Расположение могил возле построек культового характера могло бы указывать на особое социальное положение умерших, однако этому противоречит отсутствие в могилах вещей, позволяющих считать похороненных в них людей служителями культа. Кроме того, не все могилы связаны с культовыми сооружениями. Характер публикации не позволяет установить, какие именно захоронения и с каким инвентарем группируются вокруг жилищ. Отсутствует описание инвентаря всех захоронений взрослых. Поэтому вопрос о социальном статусе лиц, похороненных возле святилища и толосов, остается открытым.

Как ни малы установленные количественные различия в наборах погребального инвентаря могил месопотамского региона рассмотренного периода, они свидетельствуют об имущественном расслоении местного древнеземледельческого населения уже в VI тысячелетии до н. э. В целом по месопотамскому региону зафиксированы 52 могилы (девять без инвентаря, 17 с сосудами, 16 с украшениями, шесть с орудиями труда, одна с вещами культового характера и женской статуэткой, две с навершиями булав, одна с печатями). Доминируют погребения с сосудами и украшениями. Бедные погребения не содержат инвентаря. В 24 могилах со стандартным набором инвентаря (14 с сосудами, восемь с украшениями, одна с орудиями труда, одна с навершием булавы) найдено

от 1 до 3 видов вещей. 1 вид вещей встречен в 17 могилах (14 с сосудами, три с украшениями). 2 вида вещей содержатся в четырех захоронениях (три с украшениями, одно с орудиями труда). 3 вида вещей представлены в трех погребениях (два с украшениями, одно с навершием булавы). В 19 богатых погребениях (три с сосудами, восемь с украшениями, пять с орудиями труда, одно с женской статуэткой и вещами культового характера, одно с навершием булавы, одно с печатью) обнаружено от 1 до 3 видов вещей, включая каменные сосуды, или 4—6 видов вещей без каменных сосудов. Изделия из металлов в богатых погребениях отсутствуют. 1 вид вещей выявлен в трех могилах с сосудами. 2 вида отмечены в шести захоронениях с украшениями. 3 вида — в пяти захоронениях (два с украшениями, одно с орудиями труда, одно с вещами культового характера и женской статуэткой, одно с печатью). 4 вида вещей зафиксированы в трех могилах (два с орудиями труда, одно с навершием булавы). 6 видов вещей имеются в двух могилах с орудиями труда.

Параллельно с процессом имущественного расслоения протекал и процесс социальной дифференциации. Об этом свидетельствуют погребальные наборы нескольких могил. Так, на поселении Телль-эс-Севван (самаррская культура) в погребении № 34 были открыты 3 каменных сосуда, статуэтка женщины и каменный предмет неизвестного назначения в виде полого цилиндра [149, с. 26]. Социальная значимость данного набора подчеркивается наличием вещей, которые не встречаются в других могилах. Судя по женской статуэтке (изображение божества), перед нами захоронение служителя культа.

В погребении В могильника Самарра (самаррская культура) кроме сосуда найдено ядро пращи и каменное навершие булавы [170, с. 1—4].

Особого внимания заслуживает могила халафской культуры, раскопанная в слоях Ярым-тепе I. Над ней обнаружен череп быка. Погребальный инвентарь включал 200 астрагалов газелей, 3 глиняных и 2 каменных сосуда. Тут же лежала каменная булава [55, с. 452—453]. Могила отличается формой погребального сооружения. Это узкая глубокая яма, не характерная для погребений халафского времени. Авторы раскопок считают, что это погребение охотника [55, с. 453]. Однако наличие в могиле каменной булавы, своеобразного символа власти, позволяет предположить, что перед нами захоронение старейшины или об-

щинного вождя. Погребение с каменной булавой из некрополя Самарры также, возможно, принадлежало лицу, занимавшему аналогичное место в социальной иерархии общины. Предполагаемые захоронения старейшин и служителя культа характеризуются прежде всего наличием особых категорий вещей, которые служили индикатором высокого социального ранга умершего.

Наконец, нужно упомянуть богатое захоронение 7-66 с печатью (ранний убейд), обнаруженное в Гавре [258, с. 105—106]. Это самая ранняя находка печати в погребениях Месопотамии.

Остальные захоронения рассматриваемого периода, судя по составу инвентаря (могилы с сосудами; украшениями; орудиями труда; безынвентарные погребения), принадлежали рядовым общинникам:

В заключение обзора погребений Месопотамии следует указать, что на поселениях хассунской (Хассуна), самаррской (Матарра, Телль-эс-Севван) и халафской культур (Гавра) зафиксировано несколько коллективных погребений.

Анализ погребений рассматриваемого периода показывает, что процесс имущественного расслоения населения характерен для всех древнеземледельческих регионов. Вместе с тем различия в степени богатства погребального инвентаря могил еще невелики: в бедных погребениях инвентаря нет, в стандартных и богатых могилах он представлен, как правило, 1—3 видами вещей. Только в семи могилах обнаружено от 4 до 6 видов вещей. Богатые могилы отличаются от стандартных наличием каменных сосудов или медных украшений. При отсутствии этих изделий богатые могилы характеризуются инвентарем, состоящим из 4—6 видов вещей, или большим количеством глиняных сосудов.

В Месопотамии преобладают стандартные (47 %) и богатые (36 %) погребения. 17 % могил не содержат погребального инвентаря. Это говорит о высоком уровне материального благосостояния древнеземледельческих общин данного региона, где благоприятные природные условия способствовали интенсивному развитию производительных сил.

В Средней Азии и Малой Азии доминируют бедные и стандартные могилы. В Средней Азии бедные погребения составляют 35 % могил, стандартные погребения — 45, богатые — 20. В Малой Азии 66 % могил являются бед-

ными, 26 — стандартными, 8 — богатыми. Эти факты свидетельствуют о незначительном количестве прибавочного продукта, получаемого древними земледельцами упомянутых регионов, о более низком по сравнению с Месопотамией уровне развития здесь земледельческой системы хозяйства.

В целом для всего периода учтено 206 могил: 78 без инвентаря, 45 с сосудами, 62 с украшениями, 13 с орудиями труда, три с навершиями булав, три с женскими статуэтками, одна с кремневым наконечником стрелы, одна с печатью. Доминируют погребения без инвентаря, с сосудами, украшениями. Как правило, это бедные или стандартные захоронения. Количество богатых могил относительно высоко (28 из 62) только для могил с украшениями. Погребения с орудиями труда встречаются гораздо реже (13). Примерно половина их (шесть) содержит богатый погребальный инвентарь.

78 бедных могил составляют 38 %, 84 могилы со стандартным набором инвентаря — 41 %, 44 богатые могилы — 21 %. Подобное соотношение бедных, стандартных и богатых погребений показывает, что процесс имущественного расслоения древнеземледельческих общин протекал весьма интенсивно.

Бедные погребения не содержат погребального инвентаря. 84 могилы со стандартными наборами инвентаря подразделяются следующим образом: 1 вид вещей найден в 51 погребении (40 с сосудами, девять с украшениями, два с орудиями труда), 2 вида вещей — в 24 погребениях (21 с украшениями, три с орудиями труда), 3 вида — в девяти погребениях (четыре с украшениями, два с орудиями труда, одно с кремневым наконечником стрелы, одно с навершием булав, одно с женской статуэткой). 44 богатые могилы распределяются следующим образом: 18 погребений, в которых обнаружены каменные сосуды (пять с сосудами, девять с украшениями, одно с орудиями труда, одно с женской статуэткой, одно с навершием булав, одно с печатью); семь погребений без каменных сосудов, в которых представлено либо большое количество глиняных сосудов либо от 4 до 6 видов вещей (одно с украшениями, пять с орудиями труда, одно с женской статуэткой); 19 погребений с изделиями из меди (18 с украшениями, одно с навершием булав). По количеству видов вещей богатые могилы распределяются следующим образом: 1 вид вещей встречен в пяти могилах (четыре

с сосудами, одна с украшениями), 2 вида вещей — в 15 могилах (одна с сосудами, 12 с украшениями, одна с женской статуэткой, одна с навершием булавы), 3 вида — в 17 могилах (14 с украшениями, одна с орудиями труда, одна с женской статуэткой, одна с печатью), 4 вида — в пяти могилах (одна с украшениями, три с орудиями труда, одна с навершием булавы), 6 видов — в двух могилах с орудиями труда.

Погребальные обряды рассматриваемого периода содержат информацию о социальной структуре древнеземледельческих обществ. Основную массу могил составляют захоронения рядовых общинников (погребения без инвентаря, с сосудами, украшениями, орудиями труда).

В семи случаях зафиксированы необычные для данного периода наборы погребального инвентаря. Речь идет о трех могилах с женскими статуэтками (Телль-эс-Севван, Кара-Депе, Геоксюр), трех могилах с навершиями булав (Джан Хасан, Ярым-тепе I, Самарра) и одной могиле с печатью (Гавра). Эти захоронения составляют 3.5 % всех могил. Две могилы (погребение с навершием булавы в Самарре и погребение с женской статуэткой в Геоксюре) относятся к могилам со стандартным инвентарем. В остальных пяти случаях погребения содержали богатый инвентарь. Упомянутые могилы отличаются от захоронений рядовых общинников не только богатством погребального инвентаря, но и наличием особых категорий вещей (женские статуэтки, навершия булав). Вероятно, в этих могилах похоронены служители культа и общинные вожди или старейшины. В могилах служителей культа были положены женские статуэтки, видимо изображающие божество плодородия. В погребениях вождей или старейшин представлены символы власти: каменные или медные навершия булав.

Наконец, следует отметить практически полное отсутствие в могилах рассматриваемого периода оружия и печатей.

Период ремесел

Среднеазиатский регион. Эпоха развитой бронзы (позднее Намазга IV—V) представлена в южной Туркмении захоронениями могильников Алтын-Депе, Улуг-Депе, Хапуз-Депе, Намазга-Депе, в которых обнаружены как коллективные, так и одиночные погребения.

По составу инвентаря можно выделить девять групп коллективных погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями; с печатями и оружием; с печатями и женскими статуэтками; с женскими статуэтками; с вещами культового характера.

По степени богатства инвентаря коллективные захоронения можно разбить на три группы, первую из которых составляют бедные гробницы без инвентаря.³²

Вторая группа коллективных погребений представлена гробницами со стандартным (от 1 до 3 видов вещей в могиле) набором инвентаря. Восемь гробниц с глиняными сосудами открыты на Алтын-Депе³³ и одна на Хапуз-Депе.³⁴ Три гробницы с глиняными сосудами и украшениями расчищены на Алтын-Депе³⁵ и одна на Улуг-Депе. Однако погребальный инвентарь этой группы гробниц различается количеством глиняных сосудов, найденных в них. В коллективных погребениях на каждого умершего обычно приходится 1—2 сосуда. Но в гробнице № 3 раскопа 4 (Алтын-Депе) лежало несколько костяков и 50 глиняных сосудов. В камере № 2 раскопа 4 (Алтын-Депе) находилось семь скелетов и 32 глиняных сосуда (почти по 5 сосудов на человека). Это более богатые погребения во второй группе коллективных могил.

К третьей группе можно отнести богатые гробницы (2—10 видов вещей в могиле). На Алтын-Депе выявлены две усыпальницы с кинжалами,³⁶ гробница с женскими статуэтками,³⁷ три гробницы с печатями и женскими статуэтками,³⁸ две — с печатями,³⁹ гробница с вещами культового характера.⁴⁰ Гробница с печатями и моделью копья раскопана на Улуг-Депе, но она полностью не опубликована. Кроме этих усыпальниц к богатым гробницам отнесены также коллективное захоронение с глиняными и каменными сосудами⁴¹ и две гробницы с глиняными и каменными сосудами и украшениями⁴² на Алтын-Депе, гробница на Улуг-Депе и гробница в Хапуз-Депе.⁴³ В богатых погребениях представлены глиняные и каменные сосуды, изделия из бронзы и драгоценных металлов, бусы из дорогих пород камня. Самыми богатыми являются гробница с моделью копья и печатями (Улуг-Депе), а также гробница с вещами культового характера. Для последней гробницы, раскопанной на Алтын-Депе, отмечен погребальный обряд, характеризующийся траурными церемониями, которые осуществлялись как на похоронах, так и спустя какое-то время после них. На этих

церемониях их участники постепенно переносили трупы, а впоследствии их полуразложившиеся останки из одного помещения усыпальницы в другое [50]. В гробнице найдены золотые бусы, золотые головки быка и волка, изделия культового характера.

В камере с моделью копья и печатями (Улуг-Депе) обнаружено четыре скелета в сопровождении 52 глиняных, 3 каменных сосудов и 2 печатей. Камера состоит из четырех небольших помещений, но обряд последовательного перемещения тел из одного помещения в другое не зафиксирован. Возле скелета мужчины 50—60 лет помещено 23 сосуда, рядом лежала бронзовая модель копья, на пальце умершего был бронзовый перстень. В этой же гробнице похоронена женщина 40—50 лет с каменным сосудом и бронзовой печатью.

Из 37 учтенных коллективных погребений девять являются бедными, в 13 отмечены стандартные наборы инвентаря, в 15 — богатые.

Наличие толосов без инвентаря и со стандартным инвентарем свидетельствует об имущественной дифференциации древнеземледельческого населения южной Туркмении в эпоху бронзы.

В толосах без инвентаря похоронены, вероятно, представители беднейшей части общин. Если погребальный инвентарь когда-нибудь и был представлен в этих коллективных погребениях, то в таком незначительном количестве, что он оказался полностью утраченным вследствие неоднократных последующих подхоронений.

В толосах с сосудами, сосудами и украшениями похоронены зажиточные общинники. Вариации степени богатства инвентаря среди погребений этой группы говорят о наличии семей различного уровня материального благосостояния.

Третья группа толосов (богатые погребения) свидетельствует не столько об имущественном, сколько о социальном расслоении древнего населения южной Туркмении. Почти в каждой из гробниц такого типа найдены один—два скелета с богатым инвентарем, который включал пояс из бус с подвешенными к ним печатями, женские статуэтты, украшения из бронзы и благородных металлов, бусы из полудрагоценных пород камня. Таким образом, для этой группы камер можно предположительно выделять погребения патриархов или старейшин, стоявших во главе большесемейных общин. Богатые толосы

содержат захоронения представителей высшего социального слоя общин юга Туркмении. Структура его будет рассмотрена несколько позже.

Обратимся к анализу одиночных захоронений, которые часто встречаются на поселениях эпохи бронзы подгорной полосы Копет-Дага.

На Алты-Депе к настоящему времени раскопаны 144 одиночные могилы. По составу инвентаря их можно разделить на восемь групп: безынвентарные; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями; с женскими статуэтками; с печатями и женскими статуэтками; с вещами культового характера.

По степени богатства инвентаря выделяются три группы могил: бедные (102 могилы без инвентаря и пять, в которых встречено по нескольку бусин); могилы со стандартным (от 1 до 2 видов вещей) инвентарем (22 могилы с 1—3 глиняными сосудами и четыре могилы, в которых кроме глиняных сосудов имелись бусы), к этой же группе относится погребение с женской статуэткой и глиняными сосудами,⁴⁴ а также могила с кинжалом;⁴⁵ богатые погребения (от 2 до 8 видов вещей). Известны четыре могилы с печатями, в которых обнаружены бусы из полудрагоценных пород камня,⁴⁶ глиняные или глиняные и каменные сосуды, украшения из серебра и бусы;⁴⁷ могила с бронзовым сосудом и кинжалом;⁴⁸ могила с бусами, украшениями из золота и бронзы, печатью и женскими статуэтками;⁴⁹ могила с 4 глиняными сосудами, бусами и вещами культового характера — колонка, посох.⁵⁰ К богатым также отнесены погребение с глиняными и каменными сосудами⁵¹ и погребение с глиняными и каменными сосудами, бусами, украшениями из серебра, зеркалом и изделиями из слоновой кости.⁵² Самые богатые — это могилы с печатью и женскими статуэтками; с печатями; с культовыми вещами; с украшениями.

Из 144 одиночных могил 107 являются бедными, 28 стандартными, 9 богатыми. Наборы погребального инвентаря в одиночных могилах свидетельствуют об имущественном и социальном расслоении населения.

Богатые погребения с печатями, оружием, культовыми вещами, очевидно, содержат останки представителей общинной верхушки, как уже отмечено для коллективных гробниц. Члены семей состоятельных горожан, вероятно, похоронены в могилах с сосудами; сосудами и украшениями.

Сложнее обстоит дело с определением социального ранга лиц, погребенных в могилах без инвентаря. Часть таких погребений содержит скелеты умерших, лежащих в так называемой позе спящего человека (слабая степень скорченности). Эта же поза характерна для людей, похороненных в одиночных могилах с погребальным инвентарем, и для покойников, погребенных последними в коллективных гробницах. Значительно чаще скелеты в одиночных погребениях без инвентаря имеют сильную степень скорченности, при которой руки плотно прижаты к груди, кисти к подбородку, ноги так же плотно прижаты к животу, а стопы к тазовым костям. Такая степень скорченности могла быть достигнута только тогда, когда умершего перед погребением связывали. Сильная степень скорченности скелетов этой группы могил отличает их от всех прочих погребений Алтына, как одиночных, так и коллективных. Специфическая поза умерших в данных погребениях, коррелирующая с отсутствием в них инвентаря, позволяет высказать предположение о неполноправном статусе лиц, похороненных в этих могилах (патриархальные рабы?). Умершие, похороненные в одиночных могилах без инвентаря в обычной для могильника Алтын-Депе позе спящего, скорее всего были бедными общинниками, имевшими полноправный статус, но в силу каких-то причин погребенными вне коллективных усыпальниц.

Рассмотрим богатые коллективные и одиночные погребения Алтын- и Улуг-Депе. Особого внимания среди них заслуживают погребения, в которых найдены своеобразные каменные предметы: цилиндрические колонки, верхняя площадка которых иногда прорезана неглубоким желобком, спускающимся вдоль боковых стенок каждой колонки вплоть до основания; тяжелые каменные жезлы или посохи различной длины; массивные предметы, напоминающие по форме гирию. В коллективном погребении (Алтын-Депе, раскоп 7) обнаружены все три предмета, в одиночном погребении № 362 (Алтын-Депе) представлены только колонка и посох. Можно сделать два предположения о функциональном назначении упомянутых вещей: либо это орудия какого-то производства, либо вещи, предназначенные для отправления культовых обрядов. Против первого предположения свидетельствует то, что данные изделия встречены только в богатых могилах, и то, что в погребениях рассматриваемого периода в южной Туркмении орудия труда вообще не представлены.

В пользу второго предположения говорит расположение гробницы раскопа 7 вблизи культового центра Алтын-Депе. Поэтому точка зрения Массона, что в гробнице похоронены лица, связанные с обслуживанием культового центра, т. е. жрецы местной общины [53, с. 73], представляется весьма вероятной.

Очевидно, посох (жезл), гирия и колонка представляют собой набор предметов, связанных с выполнением обрядов культового характера. Возможно, что колонка была своего рода алтарем, перед которым гирей, посохом или тем и другим вместе совершали определенные культовые действия. Примечательно, что в могилах с этими каменными предметами нет женских статуэток.

Находки женских статуэток в погребениях эпохи бронзы южной Туркмении очень редки, что само по себе говорит об особом статусе умерших, в могилах которых они находились. На поселении Алтын-Депе раскопано богатое погребение (№ 60), где умерший (его пол и возраст не установлены) похоронен с женскими статуэтками, печатью, изображающей фантастическое трехголовое существо, золотыми и бронзовыми украшениями, бусами из дорогих пород камня. Скорее всего перед нами также захоронение служителя культа. Различные наборы культовых предметов в могилах священнослужителей (колонки, жезлы, гири, женские статуэтки) свидетельствуют о существовании на Алтын-Депе двух групп служителей культа, связанных с поклонением разным божествам — мужскому (?) и женскому (?). Могила с посохом и колонкой содержала останки мужчины 40—45 лет. В могилах с аналогичными наборами инвентаря в Гисаре III также похоронены мужчины. Видимо, эта группа служителей культа включала только мужчин.

Погребения с женскими статуэтками, как правило, содержат богатый погребальный инвентарь. Но в одной могиле этого типа (№ 104) обнаружен стандартный инвентарь. Этот факт, вероятно, служит признаком социальной иерархии данной группы священнослужителей, являвшихся, судя по находкам в их могилах женских статуэток, жрецами богини плодородия. Упомянутая социальная иерархия служителей культа могла быть обусловлена наличием различных культовых центров.

Отправление обрядов, связанных с культом плодородия, очевидно, происходило в домашних или внутриквартирных святилищах, обнаруженных при раскопках Ал-

тын-Депе. Общегородской культовый центр, посвященный богине плодородия, еще не найден, но он должен был существовать подобно общегородскому храмовому комплексу, связанному с культом быка. Богатые погребения с женскими статуэтками, по-видимому, содержат останки священнослужителей, некогда обслуживавших предполагаемый общегородской храм богини плодородия. В стандартных захоронениях данного типа скорее всего похоронены люди, обслуживавшие домашние или внутриквартальные святилища.

Особым богатством погребального инвентаря отличается коллективное погребение на Улуг-Депе. В нем лежали бронзовая модель копья и две печати. Подобный набор погребального инвентаря не представлен более ни в одном погребении рассматриваемого периода. Видимо, в этой усыпальнице похоронен общинный вождь и члены его семьи. Погребения, в которых найдены бронзовые кинжалы, по сравнению с вышеописанной гробницей выглядят беднее.⁵³ Количество этих могил настолько мало, что говорить о сложении значительной воинской прослойки не приходится.

Проведенный анализ погребений эпохи бронзы юга Туркмении (периоды Намазга IV—V) подтверждает наличие в земледельческих общинах рассматриваемого периода трех групп населения. Одну из них составляют лица, имеющие неполноправный статус в общине, что, возможно, говорит о зарождении института патриархального рабства (одиночные погребения без инвентаря, для которых характерна сильная степень скорченности умерших).

Вторую группу населения составляют рядовые общинники. Вариации погребального инвентаря в их могилах, характеризующие имущественное расслоение данной группы, позволяют выделить погребения бедных общинников (одиночные или коллективные погребения без инвентаря, в которых умершие лежат в позе спящего человека) и зажиточных общинников (погребения с сосудами; сосудами и украшениями).

К третьей группе населения относится общинная знать, которая включает общинных вождей, жрецов различных рангов и, возможно, представителей весьма многочисленной воинской прослойки. Богатые погребения Алтын-Депе и Улуг-Депе с разнообразными наборами инвентаря свидетельствуют об иерархии социальных рангов формирующегося слоя общинной знати.

Если неполноправный статус умершего требовал особого способа размещения трупа в могиле, то высокий социальный ранг покойного обуславливал помещение в нее богатого инвентаря. Масштабы богатства инвентаря ограничены экономическим потенциалом общества. В южной Туркмении он был одним из самых низких на Древнем Востоке. Поэтому могилы общинной знати Алтын-Депе и Улуг-Депе отличаются не столько богатым инвентарем (хотя в определенных пределах это имеет место), сколько особой формой погребального сооружения и разработкой сложных траурных церемоний, сопровождающих похороны знатных лиц. Для погребения семьи вождя использована четырехкамерная усыпальница (Улуг-Депе). Для похорон жрецов (Алтын-Депе) характерны траурные церемонии, связанные с последовательным переносом умерших из одного помещения в другое. Интересно отметить, что истоки данного обряда, зафиксированного в период Намазга V, уходят в предшествующий период ранней бронзы — Намазга IV [21, с. 211].

В эпоху поздней бронзы (Намазга VI) на юге Туркмении наблюдаются существенные изменения в погребальном обряде. Вещи культового характера, женские статуэтки, оружие, бусы из полудрагоценных пород камня, булавки с зооморфными навершиями, изделия из золота и серебра исчезают из наборов погребального инвентаря. Печать найдена только в одной могиле (Аучин-Депе). Количество бронзовых украшений в погребениях увеличивается по сравнению с предшествующим периодом. Прекращается обычай захоронения умерших в коллективных могилах. Повсеместно зафиксированы одиночные погребения на поселениях. Янги-калинский могильник скорее всего также расположен на поселении, культурный слой которого впоследствии почти полностью был уничтожен дефляционными процессами.

Погребения указанного периода обнаружены на Намазга-Депе [39, с. 111; 93, с. 52], Ашхабаде [64, с. 296], Теккем-Депе [39, с. 111; 95, с. 530; 96], Анау [262, с. 492—494], Елькен-Депе [39, с. 111], Янги-Кала [20, с. 377—380], Тахирбае 3 [39, с. 14—16], Аучин-Депе [39, с. 18—19]. Отдельные разрушенные погребения этого времени недавно обнаружены в Мургабском оазисе [73].

По составу инвентаря можно выделить пять групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с печатью; с каменным изделием.

По степени богатства инвентаря выделяется три группы могил. Это шесть бедных безынвентарных погребений (одно в Янги-Кала,⁵⁴ два в Анау, три в Тахирбае). Сюда же входит бедное погребение с каменным изделием из Намазга-Депе. 15 могил со стандартным набором инвентаря (1—3 вида вещей в могиле). От 1 до 3 глиняных сосудов найдено в могиле на Елькен-Депе, в двух могилах в Янги-Кала,⁵⁵ в трех на Намазга-Депе. Не более 3 глиняных сосудов, бронзовые украшения, бусы представлены в двух могилах в Янги-Кала,⁵⁶ трех на Намазга-Депе, четырех на Теккем-Депе. В богатых могилах (3—6 видов вещей в погребении) выявлены от 2 до 14 глиняных сосудов и разнообразные бронзовые украшения (диадемы, браслеты, кольца, булавки, подвески). Раскопаны одна могила в Тахирбае, одна в Янги-Кала,⁵⁷ одна на Намазга-Депе. В одной могиле на Аучин-Депе лежала печать-амулет.

Наборы погребального инвентаря заставляют ограничиться выводом только об имущественном расслоении населения в период Намазга VI. Однако обеднение могил по сравнению с предшествующим периодом, исчезновение многих типов инвентаря свидетельствуют о регрессе древнеземледельческих общин юга Туркмении, который проявился не только в сфере экономики, но и в области общественных отношений.

Социальная структура земледельческих общин времени Намазга VI с большей определенностью реконструируется при анализе погребений могильника Сапалли-тепе, который можно датировать временем позднего Намазга V—раннего Намазга VI [5].

Женские погребения по составу инвентаря делятся в основном на две группы: могилы с сосудами и могилы с украшениями. В бедных могилах⁵⁸ найдены только сосуды, количество их не превышает 4. В погребениях со стандартными наборами инвентаря⁵⁹ количество сосудов увеличивается от 10 до 26, появляются бронзовые украшения.⁶⁰ В богатых могилах кроме глиняных сосудов представлено по 1 каменному и 1—2 бронзовых сосуда, а также разнообразные бронзовые украшения: браслеты, височные кольца, булавки, зеркала, лопаточки.⁶¹ В четырех богатых женских могилах обнаружены печати с геометрическими и зооморфными изображениями [9, с. 139].⁶²

Богатые женские могилы, в которых обнаружено от 3 до 8 видов вещей, характеризуются рядом отклонений

от стандартного погребального обряда (2—3 вида вещей в могиле). Эти отклонения, очевидно, подчеркивают особое социальное положение погребенных здесь женщин. В этих могилах найдено от 10 до 21 глиняного сосуда, бронзовые украшения, мраморные изделия и бусы. В могиле № 14 тело умершей лежало в хуме, помещенном в катакомбу.

Мужские погребения по составу инвентаря также делятся в основном на две группы: могилы с сосудами⁶³ и могилы с оружием.⁶⁴ Критерии богатства инвентаря те же, что и для женских захоронений. В богатой могиле мужчины (№ 22) находились бронзовый топор и бронзовое шило. В нескольких мужских погребениях⁶⁵ найдены специализированные орудия труда, позволяющие считать людей, похороненных в погребениях № 86 и 88, гончарами, в погребениях № 85 и 89, — плотниками. Эти мастера были похоронены не в катакомбных, а в ямных могилах. Тела умерших были помещены в деревянные гробы. В погребении № 105 похоронен пекарь [9, с. 40, 139].

Богатые мужские погребения отличаются рядом отклонений от стандартного погребального обряда. В их могилах выявлено более 9 глиняных сосудов, оружие и орудия труда. Заупокойная пища растительного происхождения встречена также только в этих могилах. Для богатых мужских погребений характерна специфическая форма погребального сооружения. Они похоронены в ямных могилах в деревянных гробах (№ 85, 89) или в хуме, размещенном в катакомбном погребении (№ 22).

В двух бедных могилах⁶⁶ похоронены пожилые женщины. Они погребены с небольшим количеством сосудов (соответственно 2 и 4), что не свойственно этой возрастной группе. В этих могилах нет мясной и растительной пищи, представленной в других женских могилах. Скелет № 29 не имеет традиционной северной ориентировки. В двух других бедных могилах⁶⁷ похоронены пожилые мужчины. Они погребены с небольшим количеством сосудов (соответственно 3 и 4), что не свойственно этой возрастной группе. В могилах нет мясной пищи, как в других мужских погребениях. Мужчины лежат на левом боку в женской позе. Скелет в могиле № 38 не имеет северной ориентировки. Все вышеперечисленные признаки говорят об отклонениях от стандартного погребального обряда. Вероятно, перед нами захоронения лиц, не имевших полноправного статуса общинника. Такими неполноправными членами

общества для данного этапа развития общественных отношений могли быть патриархальные рабы.

Анализ погребений раннего этапа поздней бронзы юга Средней Азии (раннее Намазга VI) показывает, что земледельческие общины, сменившие в этом районе высококоразвитую культуру времени Намазга V, находились на такой стадии общественного развития, когда имущественное расслоение населения еще не привело к существенным изменениям социальной структуры общества. Вместе с тем погребения бедных и богатых общинников, воинов и, возможно, патриархальных рабов, а также наличие в ряде могил печатей не позволяют считать аморфной социальную организацию рассматриваемых обществ и свидетельствуют о начавшемся процессе социального расслоения. Погребальный обряд фиксирует профессиональную ориентацию умерших (погребения ремесленников на Сапалли-тепе).

В целом по среднеазиатскому региону с учетом нескольких погребений, раскопанных на Намазга-Депе, в трех из которых не было инвентаря, а в пяти представлены глиняные сосуды [35, с. 278], зафиксировано 236 погребений (120 без инвентаря, 59 с сосудами, 35 с украшениями, пять с оружием, семь с печатями, два с женскими статуэтками, одно с печатями и оружием, четыре с печатями и женскими статуэтками, два с вещами культового характера, одно с каменными изделиями). Доминируют погребения без инвентаря, с сосудами, украшениями. В бедных погребениях инвентарь отсутствует (120 случаев) либо представлен 1 видом вещей (четыре могилы с сосудами, пять с украшениями, могила с каменными изделиями). В 73 могилах со стандартными наборами инвентаря (53 с сосудами, 18 с украшениями, одна с оружием, одна с женской статуэткой) найдено от 1 до 3 видов вещей. В 64 стандартных могилах нет бронзовых изделий. В девяти могилах со стандартным инвентарем имеется по 1 бронзовой вещи (украшения или оружие). По количеству видов вещей стандартные погребения распределяются следующим образом: 1 вид вещей присутствует в 44 могилах (43 с сосудами, одна с оружием), 2 вида — в 23 могилах (семь с сосудами, 15 с украшениями, одна с женской статуэткой), 3 — в шести могилах (три с сосудами, три с украшениями).

33 богатые могилы распределяются следующим образом: пять погребений с каменными сосудами (два с сосу-

дами, два с украшениями, одно с женской статуэткой); два погребения с бусами из полудрагоценных пород камня и печатями; 26 погребений с каменными сосудами и бронзовыми, золотыми, серебряными изделиями (10 с украшениями, четыре с оружием, пять с печатями, одно с печатью и оружием, четыре с печатями и женскими статуэтками, два с вещами культового характера). По количеству видов вещей богатые могилы распределяются следующим образом: 2 вида вещей в пяти могилах (две с сосудами, две с бусами и печатями, одна с оружием), 3 вида в девяти могилах (пять с украшениями, три с оружием, одна с женской статуэткой), 4 — в четырех могилах (одна с украшениями, две с печатями, одна с вещами культового характера), 5 — в пяти могилах (одна с украшениями, две с печатями, две с печатями и женскими статуэтками), 6 видов — в пяти могилах (одна с украшениями, одна с печатью, одна с печатью и оружием, две с печатями и женскими статуэтками), 7 видов вещей в могиле с украшениями, 8 — в трех могилах с украшениями, 10 — в могиле с вещами культового характера.

Иранский регион. К IV тысячелетию до н. э. относится комплекс Сиалк III в центральном Иране [158, с. 43—44]. В горизонте III₅ впервые для этого памятника появляются погребения с глиняными сосудами, печатями, медными булавами. Захоронение женщины с двумя детьми, возможно, является частью разрушенного коллективного погребения.

В IV слое Сиалка найдены предположительно женские могилы с глиняными и алебастровыми сосудами, медными, серебряными и золотыми украшениями, бусами из лазурита, медными зеркалами [158, с. 59—61]. Однако существует мнение, что эти погребения относятся к комплексу Сиалка III [42, с. 231, примеч. 117]. В слое IV встречены коллективные захоронения, которые Р. Гиршман ошибочно интерпретировал как могилы жертв военного столкновения.

Комплекс Гисар I [247, с. 62—87] относится к IV тысячелетию до н. э. Погребения этого времени по составу инвентаря подразделяются на четыре группы: с сосудами (мужчины); с украшениями (мужчины и женщины); с оружием (мужчины); с печатями (мужчины и женщины).

По степени богатства инвентаря можно выделить три группы погребений: бедные (две могилы, в которых нахо-

дилось по 1 глиняному сосуду,⁶⁸ и одна с бусами⁶⁹); стандартные, в каждой из которых обнаружено от 1 до 4 глиняных сосудов, разнообразные украшения из бус, оружие, печати (от 1 до 3 видов вещей);⁷⁰ богатые, в каждой из которых имеется от 1 до 9 глиняных сосудов, украшения из бус и бронзы, оружие, печати (4—5 видов вещей).⁷¹ Самые богатые наборы погребального инвентаря оказались в могилах с печатями. Такие наборы встречены в восьми из 11 женских и в трех из пяти мужских захоронений с печатями.

В других областях Ирана погребения IV тысячелетия до н. э. почти неизвестны. В Фарсе на поселении Тали Макходи зафиксировано погребение мужчины с глиняным сосудом [160, с. 44]. Богатые могилы раскопаны на юго-востоке Ирана близ Тали Иблис. В них имелись каменные сосуды, украшения из серебра, лазурита, агата [243, с. 51].

В слое Гисар II, датирующемся второй половиной III тысячелетия до н. э. [247, с. 128—140], представлены те же группы могил, что и в слое Гисар I, за исключением погребений мужчин с оружием. Могилы со стандартным инвентарем содержат от 2 до 5 глиняных сосудов, украшения из бус и бронзы, в одной могиле найдена печать (1—3 вида вещей).⁷² В слое II впервые появляются богатые захоронения с украшениями. Самыми богатыми погребениями по-прежнему остаются могилы с печатями. В семи из восьми могил этого типа имеется богатый инвентарь (от 2 до 5 глиняных сосудов, бронзовые, золотые и серебряные украшения, бусы, печати).⁷³ Всего от 3 до 11 типов вещей в погребении.

В слое Гисар III [247, с. 232—261], относящемся к концу III—началу II тысячелетия до н. э., по составу инвентаря можно выделить девять групп погребений: с сосудами (мужчины и женщины); с украшениями (мужчины и женщины); с оружием (мужчины); с символами власти (мужчины и женщины); с символами власти и оружием (мужчины); с символами власти, оружием и печатями (мужчины); с символами власти, печатями и женскими статуэтками (мужчины и женщины); с символами власти, оружием и вещами культового характера (мужчины); с вещами культового характера (мужчины).

По степени богатства инвентаря выделяются три группы погребений: бедные (могилы с сосудом, 1 вид

вещей);⁷⁴ стандартные (пять могил, в каждой из которых представлено от 2 до 3 глиняных сосудов, бусы и бронзовые украшения, оружие, символы власти (1—3 вида вещей));⁷⁵ остальные 22 погребения содержат богатый погребальный инвентарь. В богатых погребениях отмечено от 1 до 15 видов вещей (2—8 глиняных, 1—4 каменных и 1—4 металлических сосуда, украшения и изделия из бронзы, золота, серебра, печати, оружие, женские статуэтки).⁷⁶

Погребения Гисара (слои I—III) позволяют детально проследить процесс имущественного и социального расслоения древнеземледельческого населения северо-восточного Ирана. Для ранних комплексов Гисара (слои I—II) характерны погребения с сосудами и украшениями, в которых, вероятно, похоронены рядовые общинники. Вариации распределения инвентаря в этих могилах, начиная со слоя II, свидетельствуют об имущественном расслоении общинников, т. е. о существовании семей различного достатка. В богатых могилах с печатями похоронены лица особого социального ранга, возможно, главы большесемейных общин и их жены. Наличие могил с оружием говорит о начинающемся процессе формирования воинской прослойки, хотя следует иметь в виду, что количество этих могил весьма невелико (4 из 53).

В слое III появляется большая группа богатых погребений, указывающая на формирование общинной знати. Рассмотрим прежде всего могилы с вещами культового характера. В погребениях представлен инвентарь двух видов: каменные колонки и гири, аналогичные соответствующим изделиям из погребений земледельцев южной Туркмении; женские статуэтки. Наличие двух видов инвентаря в могилах дает основание предположить, что в Гисаре, так же как на Алтыи-Депе (южная Туркмения), были две группы жрецов, обслуживавших святилища различных божеств. Одна из них, судя по находкам в могилах женских статуэток, была связана с культом богини плодородия. Эта группа состояла из мужчин (DF08, х-1) и женщин (CG31, х-7). В могилах жрецов другой группы найдены каменные предметы: колонки и гири. Упомянутые предметы выявлены в двух могилах, одна из которых (DF19, х-2), где обнаружены жезл — символ власти и оружие, отличалась особым богатством. Это свидетельствует о социальной иерархии внутри данной группы жрецов, которая включала только мужчин (DF19, х-2; CG20, х-2).

Особого внимания заслуживают богатые погребения, в которых имеются медные жезлы с фигурными навершиями, являвшимися, видимо, символами власти.⁷⁷ В захоронениях данного типа иногда представлены печати и оружие, но отсутствуют вещи культового характера. Очевидно, в этих могилах похоронены патриархи (старейшины) большесемейных общин и их жены (?). Самый богатый инвентарь здесь находится в погребении мужчины DF09, х-1, где кроме жезла встречены 4 бронзовых сосуда, 4 каменных, 2 глиняных, бронзовые изделия: двузубец, долото, кинжал, 2 копья, стрела, навершие булавы, фигурки животных, бронзовые украшения, бусы. Можно предположить, что в могиле похоронен вождь общины Гисара.

Отдельную группу погребений слоя III составляют семь могил с оружием, в шести из которых выявлен богатый погребальный инвентарь.

Анализ опубликованных погребений Гисара доказывает наличие двух социальных групп населения: рядовых общинников, вариации распределения инвентаря в могилах которых говорят о семьях различного материального благосостояния, и общинной знати (старейшины, жрецы, вожди и, вероятно, воины).

Богатые могилы Гисара III с их огромными по масштабам того времени материальными ценностями показывают, что общинная знать благодаря высокому общественному положению начинает скапливать в своих руках значительные имущественные ценности.

Заканчивая обзор погребений Гисара, следует упомянуть, что в слое III раскопано три коллективных погребения [71; 246, с. 440; 247, с. 164—168]. Одно из них представляет архитектурный ансамбль, состоящий из нескольких помещений, впоследствии уничтоженных пожаром. Долгое время этот комплекс считали храмом или резиденцией правителя Гисара. Останки людей, найденных в нем, рассматривали в качестве жертв, погибших во время штурма Гисара врагами [42, с. 244].

Новая интерпретация «сгоревшего здания» Гисара дана в работе В. И. Сарияниди, который вполне убедительно показал, что этот комплекс является богатой погребальной камерой с коллективными захоронениями [71, с. 177]. В пользу такого предположения говорит еще один факт, не отмеченный Сарияниди. Ни в одной двери «сгоревшего здания» нет пяточных камней, хотя в других домах они встречены [247, с. 164—168, рис. 91].

Умерших первоначально клали в помещение 1, затем, спустя какое-то время, их переносили в усыпальницу (помещение 5). В гробнице обнаружено не менее восьми скелетов взрослых людей и скелет ребенка. Погребальный инвентарь включал глиняные, бронзовые, серебряные, золотые сосуды, бусы из лазурита, халцедона, серебра, 7 кинжалов, бронзовый топор, 2 бронзовые печати и фрагменты многочисленных изделий из бронзы и серебра. Погребальный инвентарь этой гробницы свидетельствует о том, что здесь захоронены члены богатой и влиятельной семьи, возможно общинного вождя.

В Луристане ко второй половине III тысячелетия до н. э. относятся могилы IV слоя поселения Гиян и синхронные ему погребения поселения Джамшеди [139, с. 34—37, 109—111]. В них зафиксирован разнообразный погребальный инвентарь. По составу инвентаря выделяются пять групп погребений: с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями; с навершием булавы. Погребальный инвентарь говорит об имущественном неравенстве населения: бедные (с 1 видом вещей в могиле);⁷⁸ стандартные, в которых имеется от 1 до 5 глиняных сосудов, бронзовые украшения, оружие, в одном случае навершие булавы (от 1 до 3 видов вещей);⁷⁹ богатые, в которых обнаружено от 1 до 8 глиняных сосудов, 1—2 бронзовых сосуда, разнообразные бронзовые и серебряные украшения, оружие, печати (от 1 до 6 видов вещей)⁸⁰ погребения. В самых богатых могилах найдено от 5 до 8 видов вещей, включая бронзовые и серебряные украшения. Материалы погребений позволяют говорить о рядовых общинниках (захоронения с сосудами; украшениями), главах большесемейных общин (погребения с печатями), воинах (могилы с оружием).

В Джамшеди наряду с одиночными погребениями в грунтовых ямах встречены коллективные захоронения с оружием в каменных цистах, в них представлено от 6 до 19 глиняных сосудов, бронзовые сосуды, бронзовые и серебряные украшения, оружие (5 видов вещей). Эти коллективные могилы богаче одиночных погребений. В каждой каменной гробнице похоронено по три человека.⁸¹

Второй половиной III тысячелетия до н. э. датируются коллективные гробницы луристанских могильников, содержащие большое количество оружия. Но этот материал не рассматривается в работе, так как он почти не опубли-

кован по комплексам [114, с. 54—55; 116, с. 23—35; 117, с. 26—34; 118, с. 25—38].

В прошлом веке на юго-востоке Ирана крестьянами был разграблен богатый могильник. В захоронениях лежали каменные и бронзовые сосуды, бронзовые украшения, оружие [162, с. 197—199]. Могильник, видимо, относится к середине III тысячелетия до н. э. и был расположен вне поселения.

К концу III тысячелетия до н. э. принадлежат погребения Хураба [254, с. 119—122] и могила, раскопанная на Дайти [259]. Это богатые могилы (от 2 до 5 видов вещей в погребении), они содержат большое количество глиняных, каменных и бронзовых сосудов. По составу инвентаря можно выделить могилы из Хураба с сосудами (от 8 до 37 глиняных сосудов, по 1 каменному или бронзовому);⁸² украшениями (60 глиняных сосудов, бронзовый и каменный);⁸³ оружием (от 8 до 32 глиняных сосудов, по 1 каменному, 1—2 бронзовых, топоры, копье)⁸⁴ и могилу из Дайти с оружием и культовыми вещами (40 глиняных сосудов, 2 топора, кинжал, долото, каменная колонка). Вероятно, перед нами захоронения воинов, богатых членов общины и служителя культа.

В северо-западном Иране погребения расчищены на поселениях Тюренг-тепе [270, с. 7—12] и Шах-тепе [112, с. 123—144]. Могилы Тюренг-тепе не опубликованы. В отчете о раскопках указано, что в них найдены глиняные сосуды, каменные, бронзовые, серебряные и свинцовые изделия. В одном погребении обнаружена женская статуэтка. Имеются могилы воинов с бронзовыми копьями, топорами и кинжалами. Таким образом, на Тюренг-тепе представлены погребения рядовых членов общины, воинов, служителей культа.

Значительно беднее выглядят погребения небольшого поселения Шах-тепе. В слое III, который примерно соответствует комплексу Гисар II, раскопано 15 бедных погребений без инвентаря⁸⁵ или с одним глиняным сосудом.⁸⁶ В 15 стандартных могилах отмечено 2—3 глиняных сосуда,⁸⁷ в одном случае кроме сосудов имелись бронзовые украшения.⁸⁸ В трех богатых могилах помещено от 4 до 10 глиняных сосудов,⁸⁹ в двух кроме сосудов были бронзовые украшения.⁹⁰ Зафиксировано два случая коллективных погребений, инвентарь которых не отличается от инвентаря одиночных могил.

В более позднем слое Шах II можно выделить пять

групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с орудиями труда; с каменными изделиями. Критерии оценки богатства погребений не меняются по сравнению с предшествующим периодом.⁹¹ Богатый инвентарь выявлен в 14 из 47 погребений с сосудами,⁹² одном из восьми погребений с украшениями,⁹³ четырех из шести могил с орудиями труда,⁹⁴ одном погребении с каменными изделиями.⁹⁵

Могилы Шах-тепе, в которых похоронены рядовые общинники, позволяют судить лишь об имущественном расслоении членов этой небольшой общины, расположенной на периферии земледельческого мира.

К началу II тысячелетия до н. э. в Луристане относится комплекс Гиан III [139, с. 31—34]. Здесь, как и в слое IV, раскопаны погребения с сосудами; украшениями; оружием. В 12 из 15 могил имеется богатый (от 1 до 5 видов вещей в могиле) погребальный инвентарь, включающий от 2 до 9 глиняных сосудов, иногда бронзовые сосуды, а также бронзовые и серебряные украшения, оружие.⁹⁶ Особым богатством выделяется могила № 92, в которой найдено 7 глиняных сосудов, бронзовый сосуд, 3 бронзовые булавки, серебряное кольцо, лазуритовые бусы. В трех случаях выявлен стандартный погребальный инвентарь (от 1 до 3 видов вещей в могиле), включающий от 3 до 5 глиняных сосудов, бусы, бронзовые украшения.⁹⁷ В синхронных слою Гиан III погребениях Джамшеди обнаружены стандартный набор инвентаря, включающий до 5 глиняных сосудов и бронзовые украшения,⁹⁸ и богатые наборы инвентаря — до 10 глиняных сосудов и бронзовые украшения (2—3 вида вещей).⁹⁹ В богатой могиле № 3 оказалась привозная печать первой Вавилонской династии [139, с. 108—109].

В Геой-тепе (Иранский Азербайджан) в слое D обнаружены одиночные и коллективные погребения [133, с. 101—107, 123—125]. Выделяются бедные могилы без инвентаря¹⁰⁰ или с 1 глиняным сосудом,¹⁰¹ а также стандартные захоронения с украшениями; оружием; орудиями труда (2—3 вида вещей).¹⁰² Погребальный инвентарь всех могил весьма невыразителен и свидетельствует о начальной стадии процесса имущественного расслоения жившего здесь населения.

В целом по иранскому региону учтено 283 погребения (37 без инвентаря, 104 с сосудами, 68 с украшениями, 25 с оружием, 27 с печатями, три с символами власти —

жезлы, навершие булавы; два с оружием и символом власти — навершие булавы; два с печатями, женскими статуэтками и символом власти — жезл; одно с оружием, печатями и символом власти — жезл; одно с вещами культового характера, одно с оружием, вещами культового характера, символом власти — жезл; одно с оружием и вещами культового характера; семь с орудиями труда; четыре с каменными изделиями). Доминируют погребения с сосудами; сосудами и украшениями.

В бедных могилах инвентарь отсутствует (37 случаев) либо представлен 1 видом вещей (16 с сосудами, две с украшениями, одна с каменными изделиями). Всего зафиксировано 56 бедных могил.

В 116 могилах со стандартным инвентарем (59 с сосудами, 38 с украшениями, шесть с оружием, шесть с печатями, одна с символами власти, одна с символами власти и оружием, три с орудиями труда, две с каменными изделиями) отмечено от 1 до 3 видов вещей. В 82 могилах со стандартным набором инвентаря нет бронзовых изделий. В 34 могилах со стандартным инвентарем представлены изделия из бронзы (украшения, оружие, символы власти): 23 могилы с украшениями, шесть с оружием, три с орудиями труда, одна с символом власти, одна с символом власти и оружием. По количеству видов вещей 116 могил со стандартным набором инвентаря распределяются следующим образом: 1 вид вещей в 59 могилах с сосудами, 2 вида в 32 могилах (26 с украшениями, одна с печатью, одна с оружием, две с орудиями труда, две с каменными изделиями). 3 вида вещей в 25 могилах (12 с украшениями, пять с печатями, пять с оружием, одна с символом власти, одна с символом власти и оружием, одна с орудиями труда). Во всех стандартных могилах в среднем имеется от 2 до 3 глиняных сосудов.

111 богатых могил распределяются следующим образом: 24 погребения, в которых находится более 3 глиняных сосудов и нет изделий из металла (23 с сосудами, одно с орудиями труда); четыре погребения с каменными сосудами (три с сосудами, одно с вещами культового характера); 83 могилы с глиняными, каменными, металлическими сосудами, изделиями из золота, бронзы, серебра (три с сосудами, 28 с украшениями, 19 с оружием, 21 с печатью, две с символами власти, одна с символами власти и оружием, одна с символами власти, оружием и печатями, две с символами власти, печатями, женскими статуэтками,

одна с символами власти, оружием, вещами культового характера, одна с оружием и вещами культового характера, три с орудиями труда, одна с каменными изделиями). По количеству видов вещей богатые могилы распределяются следующим образом: 1 вид вещей в 24 могилах с сосудами, 2 вида вещей в 11 могилах (пять с сосудами, пять с украшениями, одна с орудиями труда), 3 вида в 16 могилах (девять с украшениями, три с оружием, три с печатями, одна с вещами культового характера), 4 вида в 26 могилах (семь с украшениями, семь с оружием, 10 с печатями, две с орудиями труда), 5 видов вещей в 18 могилах (две с украшениями, шесть с оружием, пять с печатями, одна с символом власти, одна с символом власти и оружием, одна с оружием и вещами культового характера, одна с орудиями труда, одна с каменными изделиями), 6 видов в четырех могилах (две с украшениями, одна с оружием, одна с печатями), 7 видов в трех могилах (две с украшениями, одна с оружием), 8 видов в двух могилах (одна с оружием, одна с печатью), 11 видов вещей в трех могилах (одна с печатью, две с символами власти, печатями, женскими статуэтками), 12 видов в могиле с символом власти, оружием, вещами культового характера, 13 в могиле с символами власти, 14 в могиле с символами власти, оружием и печатями, 15 видов вещей в могиле с украшениями. В богатых могилах в среднем найдено свыше 3 глиняных сосудов.

Мал о а з и й с к и й р е г и о н. В западной Анатолии три захоронения начала III тысячелетия до н. э. известны на поселении Кум-тепе близ Трои. В одной могиле стоял каменный сосуд [109, с. 305; 126, с. 34]. Во второй половине III тысячелетия до н. э. могильники западной Анатолии располагаются, как и прежде, вне пределов поселения. Большинство их разграблено турецкими крестьянами. В могильнике Бабакей, например, раскопано только три неразграбленных погребения [122, с. 1—20; 135, с. 236—237]. Судя по могильнику Йортан, в захоронения помещали украшения из золота и бронзы, каменные и бронзовые топоры, бронзовые копья и кинжалы [122, с. 12, 21, рис. 16; 124, с. 114, рис. 1—7, с. 117, рис. 8—10].

Неразграбленный могильник эпохи бронзы Караташ-Семайюк раскопан в западной Анатолии М. Меллинк [206; 208; 210; 211; 212], но полной публикации могильника еще нет. Обнаружено свыше 300 погребений. Детей, очевидно, хоронили на специальном кладбище, так как

количество их могил весьма незначительно [108, с. 260]. В могильнике Караташ открыты одиночные и коллективные погребения. Умерших хоронили в больших сосудах. Нередки случаи, когда в одном сосуде похоронено шесть-восемь человек. Могилы на поверхности обозначались каменными кольцевыми выкладками. Кроме инвентаря, положенного с умершими в могилу, вне погребального сооружения ставили сосуды с заупокойной пищей.

По составу инвентаря можно выделить четыре группы захоронений: с сосудами; с украшениями; с оружием; с женскими статуэтками. В бедных могилах (1 вид вещей в погребении) находились только глиняные сосуды; в могилах со стандартным набором инвентаря (3 вида вещей) обнаружены глиняные сосуды, бусы, бронзовые украшения, статуэтки; в богатых могилах (4—5 видов вещей) представлены бронзовые и серебряные украшения, оружие, женские статуэтки, бусы. Могилы с сосудами и украшениями, видимо, содержат останки рядовых членов общины. В могилах с оружием, возможно, погребены воины, в могилах с женскими статуэтками — служители культа.

В могильнике имеется погребение, которое отличается от остальных рядом деталей погребального обряда. Могила располагается под каменной выкладкой. Тело умершего опущено в глубокую яму, перекрытую землей и камнями. Объем погребальной камеры составляет 16,5 м³. Внутри могила обложена камнями. На дне ее сохранились ямки от столбов, что заставляет предполагать наличие деревянной конструкции, возможно, ложа с балдахином. Захоронение ограблено в древности. Сохранившиеся вещи — серебряные ленты, заклепки и обкладки деревянных предметов, золотой диск с отверстием, бронзовая бритва, глиняный сосуд подчеркивают его уникальный характер. Могила занимала особое место в структуре некрополя. Вблизи нее нет других могил, кроме двух богатых детских погребений. Перечисленные особенности позволяют предположить, что перед нами могила человека особого социального ранга, возможно общинного вождя.

В западной Анатолии расположен могильник Кушура [189, с. 61—63; 190, с. 8—10]. В нем зафиксировано несколько безынвентарных погребений.¹⁰³ В остальных могилах обнаружены сосуды. Погребения с сосудами делятся на бедные (1 сосуд),¹⁰⁴ стандартные (2—3 сосуда)¹⁰⁵ и богатые (4 сосуда).¹⁰⁶

В центральной Анатолии к началу III тысячелетия до н. э. относится захоронение в Бююк-Гюлечек [162, с. 59, табл. IV]. Могила находится на поселении. В ней лежал молодой мужчина 30 лет с медным копьем.

Более поздним временем датируются погребения первой стадии раннебронзового века в центральной Анатолии: Алишар [222, с. 49—51], Полатлы [194, с. 25—27], Аладжа-Хёюк [179, с. 160]. В этих могилах либо вообще нет инвентаря¹⁰⁷ либо он представлен 1—3 глиняными сосудами.¹⁰⁸ Отдельные богатые могилы этого времени известны в Кюль-тепе [105, с. 502], хотя и там основную массу погребений составляли могилы с бедным инвентарем [205, с. 175].

Некоторые данные о социальной структуре анатолийского общества могут дать захоронения Аладжи-Хёюка в ямах, обложенных камнем [183, табл. 146а, б]. На дне могильной ямы установлен помост, на который укладывали умершего. В первой могиле лежал 1 сосуд, во второй — 3. Второе погребение сопровождалось захоронением жертвенного животного — быка. Наличие жертвенного животного и форма погребального сооружения этой могилы напоминают обряд погребения знати, известный по более поздним слоям Аладжи. Вероятно, здесь похоронен человек, занимавший особое место в социальной иерархии общины Аладжи-Хёюка. Но его высокий социальный ранг выразился не в богатстве инвентаря, а в форме погребального сооружения и обряде захоронения (наличие жертвенного животного). Вполне возможно, что в упомянутой могиле похоронен старейшина, глава большесемейной общины.

Самая большая серия погребений ранней бронзы II/III центральной Анатолии раскопана в Алишаре [222, с. 137—150, 223, 230]. По составу инвентаря можно выделить бедные могилы без инвентаря¹⁰⁹ и стандартные могилы (1—2 вида вещей в погребении) с бронзовыми украшениями;¹¹⁰ украшениями из камня;¹¹¹ каменными изделиями.¹¹² Наиболее распространены погребения в ямах (12) и глиняных сосудах (26), в трех случаях обнаружены захоронения в каменных цистах.

Погребения в ямах¹¹³ и сосудах¹¹⁴ зафиксированы также и на других памятниках центральной Анатолии ранней бронзы II/III: Хаш-Хёюк [142, с. 233], Машат [225, с. 19], Кюль-тепе [207, с. 135], Аладжа-Хёюк [183, табл. 56; 207, с. 137; 225, с. 32], Ахлатлибель [121, с. 42].

На последнем поселении кроме грунтовых могил и погребений в сосудах выявлены захоронения в каменных цистах. Они содержат стандартный¹¹⁵ или богатый погребальный инвентарь, кроме двух (№ 17, 18), которые, видимо, ограблены. В двух богатых неповрежденных цистах имеется разнообразное боевое оружие, бронзовые и золотые украшения, глиняные сосуды (до 8 видов вещей).¹¹⁶ Богатые погребения в цистах с оружием; украшениями из бронзы и золота; женскими статуэтками известны на поселениях Косумбели [209, с. 148], Каравайясан [209, с. 148], Кюль-тепе [207, с. 135; 220, с. 170].

Корреляция между формой погребального сооружения и богатством инвентаря, очевидно, свидетельствует о том, что циста как тип могилы предназначалась для захоронения лиц особого социального ранга. Этому предположению не противоречат находки погребального инвентаря, хотя и сравнительно бедного, в цистовых погребениях Алишара, где захоронения в ямах и сосудах зачастую лишены инвентаря. Видимо, в центральной Анатолии форма погребального сооружения как индикатор особого социального статуса индивида имела не меньшее значение, чем набор инвентаря.

Некоторые захоронения Аладжи-Хёюка периода ранней бронзы II/III [183, табл. 145, 53] свидетельствуют о том же. Например, в одном погребении умерший лежал в яме, обложенной камнем, на деревянном помосте. Инвентаря в могиле не было, но форма погребального сооружения, напоминающая могилы аладжинских вождей, говорит о том, что перед нами захоронение человека особого социального ранга.

В другом случае открыто ямное погребение с 27 глиняными и 2 каменными сосудами, хотя известно, что в центральной Анатолии захоронения в ямах очень бедны. По-видимому, в этой богатой могиле похоронен человек низкого социального происхождения, которое, несмотря на его богатство, не позволило похоронить его в цисте или в могиле с деревянным помостом.

К концу IV тысячелетия до н. э. относятся погребения в восточной Анатолии, на поселении Коручу-тепе [195, с. 360—361]. Оба захоронения совершены в сырцовых цистах. В первой цисте похоронена женщина 18—21 года в расшитой бусами одежде с многочисленными серебряными украшениями (подвески, гривна, диадема). В ее могиле лежало 2 глиняных сосуда. Во второй цисте

погребены мужчина и женщина. Рядом с мужчиной найдено железное навершие булавы и бронзовый кинжал, на запястье умершего был серебряный браслет. Вокруг таза сохранился пояс из бус. Та часть могилы, в которой находился скелет женщины, нарушена поздней ямой, поэтому нельзя быть уверенным в том, что сохранился весь сопровождающий ее инвентарь. Рядом с женщиной лежал серебряный браслет с печаткой, на которой изображен дикий козел. Возле рук помещалось каменное пряслице. Это самое раннее в Анатолии захоронение с железным изделием. Остается пока неясным, сделана ли булава из метеоритного железа или она является продуктом ремесленного производства с применением плавки.

Степень насыщенности погребений в Коручу-тепе изделиями из бронзы и драгоценных металлов, а также необычная форма погребальных сооружений позволяют утверждать, что в могилах похоронены люди высокого социального ранга. Навершие булавы во второй могиле скорее всего является символом власти. Видимо, в этой могиле похоронен общинный вождь в сопровождении жены или наложницы.

Захоронения III тысячелетия до н. э. на востоке Анатолии почти неизвестны. В Пулуре раскопано погребение с женской статуэткой [110], в Гюзелова захоронение в яме сопровождалось терракотовой поделкой неясного назначения [184, с. 31].

В Сиро-Киликии бедные могилы без инвентаря¹¹⁷ и стандартное погребение с бронзовыми украшениями¹¹⁸ обнаружены в Амуке. Эти погребения относятся к фазам G и H [129, с. 343, 497].

Погребения в глиняных сосудах и каменных цистах зафиксированы также на юго-востоке Малой Азии (Тидмен-Хёюк, Гедикли, Кархемиш, Тиль Барсиб). Они датируются концом III тысячелетия до н. э. [104, с. 76—77; 106, с. 47—51; 256, с. 108—110; 265, с. 89—91; 269, с. 218—222].

По наборам инвентаря можно выделить шесть групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с символами власти (навершие булавы); с орудиями труда. В погребениях в основном найден стандартный (1—3 вида вещей в могиле) или богатый (1—7 видов вещей в могиле) погребальный инвентарь. Погребения в глиняных сосудах, как правило, характеризуются бедным¹¹⁹ или стандартным инвентарем, включающим

от 2 до 4 глиняных сосудов.¹²⁰ Богатый погребальный инвентарь часто встречается в цистовых могилах, в которых было от 2 до 60 глиняных сосудов,¹²¹ хотя среди них имеются и могилы со стандартным инвентарем (1—4 глиняных сосуда).¹²² Аналогичные цисты выявлены в окрестностях Кархемиша. В них обнаружены оружие, серебряные и золотые украшения [265, с. 89—91].

В каменных цистах юга Малой Азии совершали также коллективные погребения (Гедикли, Кархемиш, Тиль Барсиб). Большие каменные цисты в Гедикли ограблены, вблизи них сохранились захоронения жертвенных животных (коза, овца) и глиняные сосуды [106, с. 47—51]. В некоторых коллективных погребениях отмечены богатые наборы инвентаря: до 40 глиняных сосудов; бронзовые украшения; оружие.¹²³

Наборы погребального инвентаря свидетельствуют об имущественном и социальном расслоении древнеземледельческого населения Малой Азии. Зафиксированы погребения бедных и зажиточных общинников (могилы без инвентаря, с сосудами, украшениями). Появляются захоронения воинов (могилы с оружием). В одном случае встречено богатое погребение с символом власти — навершием булавы.

В целом по малоазийскому региону учтено 135 погребений (46 без инвентаря, 28 с сосудами, 41 с украшениями, 11 с оружием, три с женскими статуэтками, одно с символами власти, одно с символами власти, оружием и печатями, три с орудиями труда, одно с каменными изделиями). Доминируют безынвентарные могилы, а также погребения с украшениями и сосудами.

В бедных погребениях инвентарь отсутствует (46 случаев) либо представлен 1 видом вещей (пять могил с сосудами). Всего зафиксировано 51 бедное захоронение.

В 59 могилах со стандартным набором инвентаря (14 с сосудами, 35 с украшениями, пять с оружием, две с женскими статуэтками, две с орудиями труда, одна с каменными изделиями) найдено от 1 до 3 видов вещей. В 24 стандартных могилах нет бронзовых изделий.

В 35 могилах со стандартным инвентарем представлены бронзовые изделия (украшения, оружие): 30 могил с украшениями, четыре с оружием, одна с орудиями труда. По количеству видов вещей 59 могил со стандартным набором инвентаря распределяются следующим образом: 1 вид вещей в 48 могилах (14 с сосудами, 26 с ук-

рашениями, пять с оружием, одна с женской статуэткой, одна с орудиями труда, одна с каменными изделиями), 2 вида в девяти могилах (семь с украшениями, одна с женской статуэткой, одна с орудиями труда), 3 в двух могилах с украшениями. В стандартных могилах в среднем находилось от 2 до 3 глиняных сосудов.

25 богатых могил распределяются следующим образом: девять погребений, в которых представлено более 3 глиняных сосудов и нет изделий из металла (семь с сосудами, одно с украшениями, одно с орудиями труда), два погребения с каменными сосудами, 14 могил с изделиями из бронзы, серебра и золота (пять с украшениями, шесть с оружием, одна с женской статуэткой, одна с символом власти, одна с символом власти, оружием и печатями). По количеству видов вещей богатые могилы распределяются следующим образом: 1 вид вещей в восьми могилах с сосудами, 2 вида в восьми могилах (одна с сосудами, три с украшениями, две с оружием, одна с женской статуэткой, одна с орудиями труда), 3 вида в могиле с украшениями, 4 в могиле с символами власти, 5 в четырех могилах (две с украшениями, две с оружием), 6 видов вещей в могиле с символом власти, оружием, печатью, 7 в двух могилах с оружием. В богатых могилах в среднем обнаружено свыше 3 глиняных сосудов.

Месопотамский регион. Погребения этого периода (поздний Убейд, ранний Урук) раскопаны на севере и юге Месопотамии.

На севере Месопотамии известно 52 позднеубейдских и 21 раннеурукское захоронение (Гавра, Телуль-эт-Талатат, Арпачия, Эрбил).

В слоях позднеубейдского времени Гавры (Гавра XVI—XIII) открыты в основном могилы детей. Взрослых погребений всего четыре [258, с. 116]. Вероятно, основной могильник Гавры располагался вне поселения. В двух погребениях имелось от 1 до 3 глиняных сосудов.¹²⁴ В двух могилах со стандартным инвентарем (2—3 вида вещей) найдены орудия труда.¹²⁵ Могилы группируются возле зданий культового или светского назначения.

Четыре позднеубейдских погребения Телуль-эт-Талатата полностью лишены инвентаря [154, с. 28—29].¹²⁶ Гораздо разнообразнее наборы инвентаря в погребениях Арпачии, где обнаружены бедные могилы без инвентаря,¹²⁷ с одним глиняным сосудом¹²⁸ или бусами.¹²⁹ В могилах со стандартным набором инвентаря (от 1 до 3 видов вещей)

зафиксировано от 2 до 3 глиняных сосудов, бусы, костяные и каменные поделки, изредка ядра пращи или орудия труда.¹³⁰ В богатых могилах выявлено по 4 глиняных сосуда и украшения.¹³¹ Кроме одиночных могил в Арпачии раскопано три коллективных [199, с. 38—42].

В раннеурукских слоях Гавры (XII—XIIA, XI—XIa) богатство погребений увеличивается весьма незначительно. Имеются погребения без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с орудиями труда; с навершиями булав; с печатями [258, с. 96—97, 101—103, 116—119]. По степени богатства инвентаря выделяются бедные могилы без инвентаря¹³² или с 1 видом вещей,¹³³ могилы со стандартным инвентарем (от 1 до 3 видов вещей)¹³⁴ и богатые с золотыми украшениями (от 1 до 3 видов вещей).¹³⁵

В этот период в Гавре наряду с захоронениями в ямах появляются погребения в сырцовых цистах, большая часть которых ограблена. Очевидно, в них находился богатый погребальный инвентарь. Именно в цистах обнаружены печати и навершие булавы.

Бедные погребения без инвентаря (одна могила), с украшениями (одна могила), орудиями труда (две могилы) расчищены в раннеурукских слоях Телуль-эт-Талатата [147, с. 8].

Вероятно, к раннеурукскому периоду относится богатое погребение женщины на поселении Эрбил [98, с. 72], в котором встретились глиняные сосуды, золотые, сердоликовые, лазуритовые бусы. Здесь же находились три безынвентарные могилы.

На юге Месопотамии позднеубейдские погребения известны в Уре [268, с. 20, 89—102]. Имеется 28 одиночных погребений с глиняными сосудами. Их можно разделить на бедные могилы (1 сосуд),¹³⁶ стандартные (2—4 глиняных сосуда)¹³⁷ и богатые (от 5 до 11 сосудов).¹³⁸ Умершие лежали в могилах на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Кроме одиночных могил в Уре раскопано пять коллективных погребений, в которых обнаружено от 7 до 12 глиняных сосудов и женские статуэтки.¹³⁹

Могильник позднеубейдского времени выявлен в одном из древнейших городов Шумера Эреду [192, с. 117—118]. Умершие лежат в цистах из сырцового кирпича на спине в вытянутом положении. Могилы коллективные. При очередном подхоронении сырцовое перекрытие взламывалось, чтобы дать место новому умершему. При этом нарушались, а иногда выбрасывались наружу кости захороненных ра-

нее. Обычны погребения, в которых находились костяки двух взрослых людей и ребенка. Погребальный инвентарь включал глиняные и каменные сосуды, бусы. На перекрытиях могил остались кости жертвенных животных.

Семь одиночных погребений раннеурукского времени раскопано в Уре [268, с. 21, 87—89]. Умершие лежат на боку в скорченном положении. По наборам инвентаря можно отметить погребения без инвентаря; с сосудами; с навершием булавы; с оружием. По степени богатства выделяются бедная могила, в которой нет инвентаря,¹⁴⁰ стандартные могилы с 1—2 глиняными сосудами (1—2 вида вещей)¹⁴¹ и богатые могилы с 1—13 глиняными сосудами и каменными сосудами (от 1 до 4 видов вещей).¹⁴² В Уре найдено также три коллективных погребения: одно бедное с глиняным сосудом¹⁴³ и два стандартных (7—8 глиняных сосудов, бусы).¹⁴⁴ В бедном погребении (Урук) находился глиняный сосуд [174, с. 30].

Таким образом, для позднего Убеида севера Месопотамии зафиксировано 26 бедных могил, 24 могилы со стандартным набором инвентаря, две богатые могилы.

В позднеубейдских погребениях юга Месопотамии обнаружены три бедные могилы, 15 могил со стандартным набором инвентаря, 10 богатых могил.

Для раннего Урука севера Месопотамии отмечено 16 бедных могил, две могилы со стандартным набором инвентаря, три богатые могилы.

Для раннего Урука юга Месопотамии открыты три бедные могилы, пять могил со стандартным набором инвентаря, три богатые могилы.

Продоланный анализ инвентаря свидетельствует об имущественном расслоении населения севера и юга Двуречья. Погребения юга Месопотамии (Ур), судя по наборам инвентаря, богаче захоронений на севере страны (Гавра). В свою очередь могилы провинциальных поселений (Арпачия, Телуль-эт-Талатат) беднее могил столичного памятника Гавра.

О процессе социальной дифференциации населения говорят могилы с оружием, навершиями булав (символы власти), печатями, женскими статуэтками, хотя почти все они и содержат бедный или стандартный погребальный инвентарь. Богатыми являются только две могилы с навершиями булав.

Могилы с оружием фиксируют зарождение в недрах общества тенденций, ведущих к выделению воинской про-

слойки. Особое место в структуре общества, вероятно, занимали лица, погребенные с печатями или символами власти — каменными булавами. Основную массу могил составляют захоронения рядовых общинников (погребения без инвентаря, с сосудами, украшениями, орудиями труда).

В целом по месопотамскому региону учтено 117 погребений (25 без инвентаря, 61 с сосудами, 12 с украшениями, три с оружием, две с печатями, пять с женскими статуэтками, три с символами власти, шесть с орудиями труда). Преобладают могилы с сосудами и без инвентаря.

В бедных могилах инвентарь отсутствует (25 случаев) либо представлен 1 видом вещей (14 могил с сосудами, четыре с украшениями, две с печатями, одна с навершием булавы, две с орудиями труда). Всего зафиксировано 48 бедных могил.

В 51 могиле со стандартным инвентарем (34 с сосудами, пять с украшениями, три с оружием, пять с женскими статуэтками, четыре с орудиями труда) найдено от 1 до 3 видов вещей. 1 вид вещей присутствует в 34 могилах с глиняными сосудами, 2 вида в 10 могилах (пять с украшениями, три с оружием, две с орудиями труда), 3 вида вещей в семи могилах (пять с женскими статуэтками, две с орудиями труда). Во всех могилах со стандартными наборами инвентаря в среднем встречено 2—3 глиняных сосуда и отсутствуют изделия из металлов.

18 богатых могил распределяются следующим образом: 15 погребений без металлических изделий (13 с сосудами, одно с украшениями, одно с навершием булавы), в погребении с навершием булавы представлены каменные сосуды; три погребения с изделиями из золота (два с украшениями, одно с навершием булавы). По количеству видов вещей 18 богатых могил распределяются следующим образом: 1 вид вещей в 14 могилах (13 с сосудами, одна с украшениями), 2 вида вещей в двух могилах (одна с украшениями, одна с навершием булавы), 4 вида в двух могилах (одна с украшениями, одна с навершием булавы). Во всех богатых могилах в среднем имеется свыше 3 глиняных сосудов.

Анализ погребений рассматриваемого периода свидетельствует об углублении процесса имущественного расчленения древнеземледельческого населения Средней Азии и Ближнего Востока. По сравнению с предшествующим периодом резко возрастает количество и качество инвен-

таря в богатых погребениях. В богатых могилах прослежено от 1 до 15 видов вещей, включая глиняную, каменную, металлическую посуду, а также разнообразные изделия из бронзы, золота, серебра. Богаче становятся стандартные наборы инвентаря (1—3 вида вещей), которые нередко включают разнообразные бронзовые украшения. В бедных погребениях инвентаря нет либо он представлен 1 видом вещей.

В среднеазиатском регионе по сравнению с предшествующим периодом наблюдается увеличение количества бедных погребений (с 35 до 55 %), сокращение могил со стандартным набором инвентаря (с 45 до 31 %) и богатых захоронений (с 20 до 14 %). В малоазийском регионе обратная картина: сокращение количества бедных могил (с 66 до 38 %), увеличение числа могил со стандартным инвентарем (с 26 до 44 %) и богатых могил (с 8 до 18 %). По иранскому региону процентные показатели имеются только для периода ремесел: 20 % бедных погребений, 41 % захоронений со стандартным набором и 39 % богатых могил. В месопотамском регионе, так же как и в среднеазиатском, можно видеть увеличение количества бедных погребений (с 17 до 41 %), сокращение могил со стандартным набором инвентаря (с 47 до 44 %) и богатых могил (с 36 до 15 %). Это обстоятельство объясняется, видимо, тем, что многие богатые могилы в Месопотамии были разграблены (Гавра), могильник в Эреду не опубликован по комплексам, почти все остальные погребения Месопотамии находились на мелких поселениях сельского типа (Арпачия, Телуль-эт-Талатат).

В Средней Азии отмечено больше всего бедных (55 %) и очень мало богатых (14 %) погребений. 39 % богатых могил зафиксировано для Ирана. Однако следует иметь в виду, что большая часть погребений такого памятника, как Гисар, осталась неопубликованной, что не могло не сказаться на итоговых цифрах. Дальнейшее накопление фактических данных позволит в будущем уточнить количественные показатели по иранскому региону.

Для всего периода учтена 771 могила (228 без инвентаря, 252 с сосудами, 156 с украшениями, 44 с оружием, 36 с печатями, 10 с женскими статуэтками, одна с печатями и оружием, четыре с печатями и женскими статуэтками, семь с символами власти (жезлы, навершия булавы), две с символами власти и оружием, две с символами власти, оружием и печатями, две с символами власти, печатями

и женскими статуэтками, три с вещами культового характера, одна с оружием и вещами культового характера, одна с символом власти, оружием, вещами культового характера, 16 с орудиями труда, шесть с каменными изделиями). Доминируют погребения без инвентаря, с сосудами, украшениями. Как правило, это бедные или стандартные погребения, хотя в ряде случаев в могилах также представлен богатый инвентарь. Погребения с орудиями труда по-прежнему очень редки (16), в девяти из них найден стандартный погребальный инвентарь.

Бедные погребения не имеют инвентаря (228 случаев) либо он представлен 1 видом вещей (39 могил с сосудами, 11 с украшениями, две с печатями, одна с символом власти, две с орудиями труда, две с каменными изделиями). Всего насчитывается 285 бедных погребений.

299 могил со стандартным набором инвентаря распределяются следующим образом: 221 погребение без металлических изделий (160 с сосудами, 35 с украшениями, четыре с оружием, шесть с печатями, восемь с женскими статуэтками, пять с орудиями труда, три с каменными изделиями), 78 могил с бронзовыми изделиями (61 с украшениями, 11 с оружием, одна с символом власти, одна с символом власти и оружием, четыре с орудиями труда). По количеству видов вещей могилы со стандартным инвентарем распределяются следующим образом: 1 вид вещей в 185 могилах (150 с сосудами, 26 с украшениями, шесть с оружием, одна с женской статуэткой, одна с орудиями труда, одна с каменными изделиями), 2 вида в 74 могилах (семь с сосудами, две с женскими статуэтками, 53 с украшениями, четыре с оружием, одна с печатью, пять с орудиями труда, две с каменными изделиями), 3 вида в 40 могилах (три с сосудами, 17 с украшениями, пять с печатями, пять с женскими статуэтками, три с орудиями труда, пять с оружием, одна с символами власти, одна с символами власти и оружием).

187 богатых могил распределяются следующим образом: 49 могил с глиняными сосудами (43 с сосудами, две с украшениями, две с печатями, две с орудиями труда); 12 могил с каменными сосудами (семь с сосудами, две с украшениями, одна с женской статуэткой, одна с символом власти, одна с вещами культового характера); 126 могил с глиняными и каменными сосудами, изделиями из металлов — бронзы, серебра, золота (три могилы с сосудами, 45 с украшениями, 29 с оружием, 26 с печатями,

одна с женской статуэткой, одна с печатью и оружием, четыре с печатями и женскими статуэтками, одна с оружием и вещами культового характера, одна с символом власти, оружием, вещами культового характера, четыре с символами власти, одна с символами власти и оружием, две с символами власти, оружием, печатями, две с символами власти, печатями, женскими статуэтками, две с вещами культового характера, три с орудиями труда, одна с каменными изделиями).

По количеству видов вещей богатые могилы распределяются следующим образом: 1 вид вещей в 46 могилах (45 с сосудами, одна с украшениями), 2 вида в 26 могилах (девять с украшениями, восемь с сосудами, три с оружием, две с печатями, одна с женской статуэткой, одна с символом власти, две с орудиями труда), 3 вида в 26 могилах (15 с украшениями, шесть с оружием, три с печатями, одна с женской статуэткой, одна с вещами культового характера), 4 вида вещей в 33 могилах (девять с украшениями, семь с оружием, 12 с печатями, две с символами власти, одна с вещами культового характера, две с орудиями труда), 5 видов в 27 могилах (пять с украшениями, восемь с оружием, семь с печатями, две с печатями и женскими статуэтками, одна с символом власти, одна с символом власти и оружием, одна с оружием и вещами культового характера, одна с орудиями труда, одна с каменными изделиями), 6 видов вещей в 10 могилах (три с украшениями, одна с оружием, две с печатями, одна с печатями и оружием, две с печатями и женскими статуэтками, одна с символами власти, оружием и печатями), 7 видов в шести могилах (три с украшениями, три с оружием), 8 в пяти могилах (три с украшениями, одна с оружием, одна с печатью), 10 видов в могиле с вещами культового характера, 11 видов вещей в трех могилах (одна с печатью, две с символами власти, печатями, женскими статуэтками), 12 видов в могиле с символами власти, оружием, вещами культового характера, 13 в могиле с символами власти, 14 в могиле с символами власти, оружием и печатями, 15 видов вещей в могиле с украшениями.

285 бедных могил составляют 37 %, 299 стандартных — 39 %, 187 богатых — 24 %. По сравнению с предшествующим периодом на 3 % возросло количество богатых могил и на 2 % уменьшилось количество стандартных погребений при сохранении почти прежнего уровня бедных погребений

(от 38 до 37 %). Тенденция к увеличению богатых погребений, очевидно, явилась следствием углубления процесса имущественного расслоения древнеземледельческих общин.

Погребения рассматриваемого периода свидетельствуют об усложнении социальной структуры раннеземледельческих общин. Если в предшествующий период зафиксировано 8 типов погребального инвентаря, то в период ремесел их количество увеличивается до 17.

Основную массу могил составляют погребения бедных и зажиточных общинников (могилы без инвентаря, с сосудами, украшениями, орудиями труда, каменными поделками). Наряду с этими в основном бедными и стандартными погребениями повсеместно отмечаются могилы с оружием и печатями.¹⁴⁵ В таких захоронениях преобладает богатый инвентарь. Погребения с оружием свидетельствуют о появлении тенденций, ведущих к оформлению воинской прослойки в древнеземледельческих обществах. Находки печатей в могилах, видимо, документируют зарождение в недрах первобытнообщинного строя института собственности.

В ряде случаев в могилах обнаружены женские статуэтки, предметы культового назначения: каменные колонки и гири, бронзовые жезлы с фигурными навершиями, навершия булав. Всего раскопано 23 могилы, что составляет 3 % погребений. В 20 захоронениях такого типа найден очень богатый погребальный инвентарь. Таким образом, упомянутые могилы отличаются от захоронений рядовых общинников не только наличием особых категорий вещей, но и богатством инвентаря. В этих погребениях похоронена, по-видимому, общинная знать: жрецы, вожди, старейшины. Вариации распределения инвентаря в могилах свидетельствуют об иерархии социальных рангов общинной знати. В могилах служителей культа помещены женские статуэтки, каменные колонки, гири. В погребениях вождей или старейшин представлены символы власти: навершия булав, бронзовые жезлы с фигурными навершиями, оружие, печати. Погребения общинной знати зафиксированы в Алтын-Депе, Улуг-Депе, Гисаре, Коручутепе, Караташе, Гияне, Дайти, Гавре.

Первый этап раннеклассовой формации

Месопотамский регион. Погребения этой эпохи (поздний Урук, Джемдет-Наср, I—III раннединастические периоды) выявлены на севере и юге Месопотамии, а также в центральных районах страны (долина р. Диалы).

Позднеурукские погребения имеются только на севере Месопотамии в Гавре (слои X—Xa). Умершие похоронены в каменных или сырцовых цистах. Большая часть их ограблена. Можно выделить три группы захоронений: погребения с украшениями; с печатями и навершиями булав; с каменными изделиями. Почти все погребения в цистах характеризуются богатством погребального инвентаря (от 4 до 9 видов вещей в могиле), который включал глиняные и не более 3 каменных сосудов, бусы. В двух могилах с украшениями встречены каменные и обсидиановые поделки, разнообразные золотые украшения и изделия из слоновой кости.¹⁴⁶ Богатый инвентарь представлен в могилах с печатями и навершием булавы.¹⁴⁷ В могиле № 114 находилась также электровая головка волка. Известно одно погребение в цисте с каменными изделиями.¹⁴⁸ Кроме погребений в цистах имеются захоронения в ямах. В нескольких случаях золотые украшения и навершия булав тоже находились в ямных могилах. В целом, однако, погребения в цистах богаче захоронений в ямах [258, с. 95, 96, 100—101, 116—117]. Почти все погребения в цистах группируются возле храмов. Возможно, это свидетельство того, что лица, погребенные в ямах и цистах, имели различные социальные ранги.

Слои Гавры IX—VIII [258, с. 92—94, 99—100] относятся к периоду Джемдет-Наср. Продолжается традиция хоронить умерших в ямах и цистах. Погребения в цистах делятся на четыре группы: без инвентаря; с украшениями; с печатями; с навершиями булав. В шести из семи погребений в цистах выявлен богатый погребальный инвентарь (от 2 до 6 видов вещей в могиле), включающий каменные сосуды и украшения. В могилах с украшениями найдены бусы, изделия из золота, слоновой кости (гребень, шпильки), костяные и обсидиановые поделки.¹⁴⁹ Самым богатым является захоронение с печатью, в котором обнаружены 4 каменных сосуда, бусы, золотые изделия, гребень и шпильки из слоновой кости.¹⁵⁰ В могиле с навершием булавы имеются изделия из кости, в том числе из слоновой, а также бусы.¹⁵¹ Кроме шести богатых могил зафиксиро-

рована одна бедная, безынварная.¹⁵² Погребения в цистах по-прежнему группируются вокруг храмов. Инвентарь в ямных могилах значительно беднее.

Большая серия захоронений периода Джемдет-Наср раскопана на юге Месопотамии. Небольшие поселения дают бедные могилы. На поселении Джемдет-Наср в трех бедных могилах не было инвентаря, в двух могилах со стандартным набором представлено 2—3 глиняных сосуда [151, с. 968—969]. В Фаре, одном из крупных поселений южной Месопотамии, раскопано два бедных погребения этого периода, в которых присутствовало по 1 глиняному сосуду [245, с. 214]. Безынварная бедная могила расположена на севере Месопотамии в Ниневии [196, с. 134, 147].

Большой могильник периода Джемдет-Наср находится в Уре [268, с. 59—77]. Здесь известно 374 погребения. Все умершие похоронены в ямах. Покойные были завернуты в циновки, остатки которых почти всегда можно проследить. Циновка крепко стягивалась веревками, благодаря чему умерший приобретал сильно скорченное положение. В погребальном обряд входило помещение в могилы сосудов с заупокойной пищей и украшений — бус и серег.

По составу инвентаря можно выделить восемь групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями; с символами власти (каменные навершия булав); с орудиями труда; с каменными изделиями. Преобладают бедные (98 могил)¹⁵³ и стандартные (222 могилы) погребения.¹⁵⁴ Богатый погребальный инвентарь обнаружен в 54 случаях.¹⁵⁵

Поселение Хафадже, расположенное в долине р. Диалы, по своему географическому положению занимает промежуточную территорию между севером и югом Месопотамии. На этом поселении обнаружена 41 могила периода Джемдет-Наср. Погребальный обряд аналогичен обряду могильника в Уре. Выделяются четыре группы погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с каменными изделиями. Доминируют бедные (29 могил)¹⁵⁶ и стандартные (9 могил)¹⁵⁷ погребения, в трех случаях обнаружены богатые захоронения.¹⁵⁸

Богатство погребального инвентаря могил возрастает в позднеурукский и джемдетнасрский периоды. На севере Месопотамии в бедных могилах либо нет инвентаря либо он представлен 1 видом вещей. В богатых могилах зафиксировано от 2 до 9 видов вещей, включая изделия из слоновой кости, бусы, золотые украшения, золотые гвоздики,

видимо, от деревянных шкатулок. В долине Диалы (Хафадже) в погребениях имеется большое количество сосудов. В бедных могилах (1—2 вида вещей) число глиняных сосудов колеблется от 1 до 3, в одном погребении выявлено 29 глиняных сосудов. В могилах со стандартным инвентарем (2—3 вида вещей) представлено от 1 до 5 глиняных и от 1 до 3 каменных сосудов. В богатых могилах (3—4 вида вещей) найдено от 2 до 4 глиняных, от 1 до 6 каменных и от 1 до 3 металлических (бронза, свинец) сосудов. Самые богатые погребения раскопаны на юге Месопотамии (Ур). В бедных могилах (1—2 вида вещей) обнаружено от 1 до 9 глиняных сосудов. Впрочем, есть бедные погребения, полностью лишенные инвентаря, или могилы с небольшим количеством бус. В могилах со стандартным инвентарем (от 1 до 4 видов вещей) отмечено от 1 до 8 каменных и от 1 до 18 глиняных сосудов. В богатых могилах (от 1 до 7 видов) выявлено от 1 до 21 глиняного сосуда, от 1 до 27 каменных и от 1 до 3 металлических сосудов (свинец, бронза). Захоронения крупных протогородских центров (Ур) богаче могил небольших сельских поселений (Джемдет-Наср).

Приведенные цифровые показатели свидетельствуют об углублении процесса имущественного расслоения древнего населения Месопотамии по сравнению с предшествующим периодом. Среди бедных могил, кроме безынварных (55 случаев), зафиксированы погребения с 1 видом вещей (54 могилы с сосудами, три с бусами, две с каменными изделиями) или даже 2 видами вещей (19 могил с украшениями, могила с печатью). Всего учтено 134 бедных погребения.

В могилах со стандартным набором инвентаря количество видов вещей увеличивается до 4. Всего учтено 233 погребения (152 с сосудами, 73 с украшениями, одно с оружием, одно с печатью, одно с навершием булавы, три с орудиями труда, два с каменными изделиями).

В богатых могилах количество видов вещей увеличивается до 9. Учтено 67 богатых могил (36 с сосудами, 25 с украшениями, две с печатями, одна с навершием булавы, две с печатями и навершиями булав, одна с орудиями труда).

Доминируют погребения с сосудами (242), украшениями (120). Изредка встречаются погребения с орудиями труда (4) и каменными изделиями (4). Наиболее распространен стандартный инвентарь.

Процесс социальной дифференциации характеризуется теми же особенностями, что и в период ремесел. Найдена одна могила с оружием (стандартный набор инвентаря), четыре могилы с печатями (бедная, стандартная, две богатых), две могилы с каменными навершиями булав (стандартная, богатая), две богатые могилы с печатями и навершиями булав. Социальная структура общества не усложняется по сравнению с предшествующим периодом. Большинство захоронений (425 из 434) принадлежит простым общинникам различной степени материального благосостояния (безынварные погребения, могилы с сосудами, украшениями, орудиями труда, каменными изделиями).

К I раннединастическому периоду относятся погребения, раскопанные на поселениях Телль Билла [252, с. 13] и Чагир-Базар [197, с. 58—59] на севере Месопотамии. В 7-м слое Телль Билла умершие похоронены с глиняными сосудами и печатями. Четыре группы могил выделяются в Чагир-Базаре: с сосудами; с украшениями; с печатями; с оружием. По степени богатства инвентаря выделяются бедные могилы с 1 глиняным сосудом,¹⁵⁹ стандартные с 2—5 глиняными сосудами, бронзовыми украшениями, бусами (от 2 до 3 видов вещей),¹⁶⁰ а также богатые могилы, в которых представлено от 7 до 13 глиняных сосудов, украшения из бронзы и камня (от 3 до 6 видов вещей).¹⁶¹ Самые богатые захоронения — это захоронения с оружием, печатями.

27 погребений раскопано в Хафадже [143, с. 77—93], где впервые появляются захоронения в сырцовых цистах, многие из которых ограблены. Погребальный инвентарь из цист богаче инвентаря ямных могил. В одной цисте, например, находилось 42 сосуда, в то время как максимум сосудов в ямной могиле достигает 33. В трех из четырех захоронений в цистах найден богатый инвентарь. По наборам инвентаря выделяется три группы могил: без инвентаря; с сосудами; с украшениями. По степени богатства инвентаря выделяются бедные, в которых либо нет инвентаря либо обнаружено 1—2 глиняных сосуда;¹⁶² стандартные, в которых имеется от 4 до 9 глиняных сосудов,¹⁶³ и богатые погребения, в которых встречено до 42 глиняных сосудов и до 4 каменных (1—4 вида вещей).¹⁶⁴

Захоронения I раннединастического периода в Кише представлены могилами некрополя Y [263, с. 17—31; 214,

с. 39—50]. Л. Вателен раскопал в Кише около 600 могил, которые, к сожалению, почти все остались неопубликованными.

Ко II раннединастическому периоду относится богатое захоронение в сырцовой цисте, в 6-м слое Телль Билла [252, с. 12] на севере Месопотамии. В гробнице лежал человек в сопровождении 5 глиняных и бронзового сосудов и серебряных украшений. В Чагир-Базаре зафиксированы четыре группы погребений: с сосудами; с украшениями; с печатями; с оружием и печатями [197, с. 56—58; 198, с. 126—127]. По степени богатства могилы делятся на бедные с 1 глиняным сосудом,¹⁶⁵ стандартные (2—3 вида вещей), в которых кроме 2—5 глиняных сосудов найдены бусы, бронзовые украшения, поделки из кости,¹⁶⁶ и богатые могилы (4—5 видов вещей) с сосудами, бусами, бронзовыми украшениями, оружием, печатями.¹⁶⁷ Захоронение с печатью и оружием является самым богатым. Две сводчатые гробницы раскопаны в Ниневии, они оказались разграбленными [136, с. 78—79; 233, с. 179].

31 захоронение II раннединастического периода раскопано в Хафадже [143, с. 93—114]. По наборам инвентаря выделяются четыре группы могил: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с печатями. По степени богатства инвентаря выделяются 10 бедных, три стандартные, 18 богатых могил. В бедных могилах либо нет инвентаря либо имеется до 2—3 глиняных сосудов или бусы (1—2 вида вещей).¹⁶⁸ В стандартных могилах выявлено от 8 до 9 глиняных сосудов (1—2 вида вещей).¹⁶⁹ В богатых захоронениях имеется от 10 до 56 глиняных сосудов, от 1 до 9 бронзовых, украшения, печати (1—7 видов вещей).¹⁷⁰ Погребения в цистах и ямах по-прежнему существуют. В цистах (14 из 19 случаев) прослеживается богатый погребальный инвентарь. В некоторых цистах в ногах умершего поперек камеры лежит второй костяк, часто без вещей. Возможно, что это захоронения знатных персон в сопровождении слуг.

На юге Месопотамии в Кише раскопана одна могила II раннединастического периода [214, с. 48]. В ней лежало 8 глиняных сосудов, 2 каменных и бронзовая подставка для сосудов.

25 погребений II раннединастического периода раскопаны в Фаре [167, с. 17—20]. Выделяются шесть групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями; с печатями и оружием. По степени

богатства инвентаря вычлняются семь бедных, 11 стандартных и семь богатых могил. В бедных могилах инвентаря нет либо есть сосуды, украшения, оружие (1—2 вида вещей).¹⁷¹ В стандартных имеется от 1 до 4 глиняных и от 1 до 6 каменных сосудов, украшения, оружие, печати (2—5 видов вещей).¹⁷² В богатых могилах (2—6 видов вещей) представлено до 2 глиняных, до 5 каменных и до 4 бронзовых сосудов, украшения, в том числе из серебра, оружие, печати.¹⁷³ Самым богатым является погребение с печатью и оружием.

Погребения этого же периода обнаружены в Телло [157, с. 66—68]. К сожалению, они очень плохо опубликованы.

В I—II раннединастические периоды богатство погребального инвентаря возрастает для северной Месопотамии (Телль Билла, Чагир-Базар) и бассейна р. Диалы (Хафадже): увеличивается количество глиняных, каменных и металлических сосудов в могилах. На юге Двуречья количество посуды в могилах несколько снижается по сравнению с периодом Джемдет-Наср. Впрочем, погребения юга Месопотамии представлены могильником Фары менее крупного городского центра, чем Ур.

По сравнению с периодом Джемдет-Наср процесс имущественного расслоения населения еще более усиливается, в связи с чем сокращается количество захоронений со стандартным набором инвентаря. В предшествующие периоды количество стандартных могил составляло примерно половину всех погребений. Для I—II раннединастических периодов стандартные погребения составляют менее трети всех зафиксированных могил (32 из 103).

В целом для I—II раннединастических периодов учтено 30 бедных, 32 стандартных, 41 богатая могила. В бедных могилах инвентаря нет (9 случаев) либо 1—2 вида вещей: 13 могил с сосудами, семь с украшениями, могила с оружием.

В могилах со стандартным инвентарем представлено от 1 до 5 видов вещей: 12 могил с сосудами, 10 с украшениями, три с оружием, семь с печатями.

В богатых могилах обнаружено от 1 до 7 видов вещей: 17 могил с сосудами, 15 с украшениями, четыре с оружием, три с печатями, две с оружием и печатями.

Доминируют могилы с сосудами (42) и украшениями (32). Чаще всего встречаются богатые наборы инвентаря. По сравнению с предшествующим периодом увеличивается

количество могил с печатями (10) и оружием (8). Впервые появляются захоронения с оружием и печатями (2). Социальная структура общества усложняется и приобретает ту форму, которая характерна для него в III раннединастическом периоде.

Погребения с оружием, печатями и оружием являются более богатыми, чем могилы с сосудами, украшениями.

В основной массе захоронений (безинвентарные могилы, могилы с посудой, украшениями) находились простые общинники. Кроме них известны погребения воинов (могилы с оружием) и представителей нарождающегося военно-бюрократического слоя общества (могилы с печатями, печатями и оружием). Не исключено, однако, что в части могил с печатями похоронены старейшины, стоявшие во главе большесемейных общин.

41 погребение III раннединастического периода раскопано в Хафадже [143, с. 114—133]. По наборам инвентаря выделяются шесть групп могил: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями; с печатями и оружием. По степени богатства инвентаря можно выделить 15 бедных, 11 стандартных, 15 богатых могил. В бедных могилах инвентаря нет или обнаружено 1—2 вида вещей.¹⁷⁴ В могилах со стандартным инвентарем имеется от 3 до 15 глиняных сосудов, украшения, оружие, печати (1—5 видов вещей).¹⁷⁵ В богатых могилах найдено от 2 до 56 глиняных, от 1 до 4 каменных и от 1 до 4 бронзовых сосудов, оружие, печати, серебряные украшения (2—11 видов вещей).¹⁷⁶ Умершие похоронены в ямах или сырцовых цистах. Захоронения в цистах, как правило, содержали богатый погребальный инвентарь (четыре из пяти случаев).

Большая серия погребений III раннединастического периода прослежена в Уре, где к данному периоду относятся два могильника: «царский» и «воинский» [267, с. 412—480; 268, с. 39—40, 127—138]. Хронология погребений «царского» могильника рассмотрена в работе Г. Ниссена [249], который показал, что в «царском» могильнике имеются также погребения аккадской и более поздних эпох. В настоящей работе исследуются могилы только III раннединастического периода.

В «царском» могильнике Ура к III раннединастическому периоду относятся 580 погребений. По составу инвентаря они распадаются на семь групп: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями;

с печатями и оружием; с орудиями труда. По степени богатства инвентаря можно выделить 304 бедные, 102 стандартные, 174 богатые могилы. Как правило, умерших хоронили в ямах (440 случаев из 580). В 108 случаях покойные захоронены в глиняных гробах, часто с бедным погребальным инвентарем (82 случая из 108). В 32 могилах находились деревянные гробы, в которых умершие, как правило, похоронены с богатым инвентарем (22 случая из 32). Бедные могилы не имели инвентаря или содержали от 1 до 4 видов вещей: глиняные сосуды (от 1 до 8), украшения, печати, оружие, орудия труда.¹⁷⁷ Большая серия бедных погребений не имела глиняных сосудов.¹⁷⁸ По типам инвентаря 304 бедные могилы распределяются следующим образом: 74 могилы без инвентаря, 95 с сосудами, 37 с украшениями, 68 с оружием, 12 с печатями, 10 с печатями и оружием, восемь с орудиями труда. В 218 случаях умершие похоронены в ямах, в 82 в глиняных гробах, в четырех случаях в деревянных гробах.

В могилах со стандартными наборами инвентаря представлено от 1 до 6 видов вещей. В одних могилах найдено от 1 до 4 каменных сосудов.¹⁷⁹ В других стандартных могилах имеется от 1 до 7 глиняных и от 1 до 6 каменных сосудов.¹⁸⁰ По функциональным типам инвентаря 102 стандартные могилы распределяются следующим образом: 47 могил с сосудами, 26 с украшениями, 15 с оружием, девять с печатями, три с печатями и оружием, две с орудиями труда. В 88 случаях умершие похоронены в ямах, в восьми в глиняных гробах, в шести случаях в деревянных гробах.

В богатых могилах представлено от 1 до 18 видов вещей. В одной группе погребений обнаружено от 1 до 4 глиняных и от 1 до 5 бронзовых сосудов.¹⁸¹ В другой группе встречено от 1 до 4 каменных и от 1 до 2 бронзовых сосудов.¹⁸² В третьей группе находилось от 1 до 7 бронзовых сосудов.¹⁸³ В четвертой — от 1 до 6 глиняных, от 1 до 7 каменных и от 1 до 7 бронзовых сосудов.¹⁸⁴ В пятой группе погребений кроме глиняных или каменных сосудов выявлены украшения из драгоценных металлов.¹⁸⁵ В шестой группе зафиксированы только украшения из драгоценных металлов.¹⁸⁶ В седьмой — 1—2 серебряных сосуда.¹⁸⁷ Особым богатством выделяется погребение, в котором отмечено 18 каменных, 12 бронзовых, 6 серебряных, 6 золотых сосудов, оружие, печать, разнообразные бронзовые изделия, золотые украшения.¹⁸⁸ По функциональным типам

инвентаря 174 богатые могилы распределяются следующим образом: 18 могил с сосудами, 45 с украшениями, 62 с оружием, 22 с печатями, 23 с печатями и оружием, четыре с орудиями труда. В 134 случаях умершие похоронены в ямах, в 18 в глиняных гробах, в 22 случаях в деревянных гробах.

100 погребений раскопано на «воинском» кладбище Ура. По составу инвентаря выделяются те же семь групп погребений, что и в «царском» могильнике. По степени богатства инвентаря можно выделить 31 бедную могилу, 15 стандартных, 54 богатые могилы. Умерших хоронили в ямах и глиняных гробах. Корреляция между богатством погребального инвентаря и формой погребального сооружения не устанавливается. В бедных могилах инвентаря нет либо он представлен 1—4 видами вещей без сосудов,¹⁸⁹ в нескольких бедных могилах в инвентаре добавляются от 1 до 5 глиняных сосудов.¹⁹⁰ По функциональным типам инвентаря 31 бедная могила распределяется следующим образом: пять могил без инвентаря, семь с украшениями, пять с оружием, шесть с печатями, восемь с оружием и печатями. В стандартных могилах обнаружено от 1 до 3 глиняных сосудов и каменный сосуд или от 1 до 3 каменных сосудов (1—4 вида вещей).¹⁹¹ В богатых могилах представлено от 2 до 8 видов вещей. В одной группе погребений находилось от 1 до 3 каменных и от 1 до 2 бронзовых сосудов.¹⁹² Во второй группе могил найдено от 1 до 2 бронзовых сосудов.¹⁹³ В третьей группе — от 2 до 4 глиняных, от 2 до 3 каменных и от 1 до 2 бронзовых сосудов.¹⁹⁴ В четвертой встречены украшения из драгоценных металлов, сосуды отсутствуют.¹⁹⁵ В пятой группе имелись глиняные или каменные сосуды и украшения из драгоценных металлов.¹⁹⁶ По функциональным типам инвентаря 54 богатые могилы распределяются следующим образом: могила с сосудами, 25 могил с украшениями, 14 с оружием, пять с печатями, девять с печатями и оружием.

136 погребений III раннединастического периода раскопано в могильнике «А» Киша (215, с. 89—126]. Могильник расположен на руинах дворцового комплекса. По составу инвентаря выделяются те же семь групп погребений, что и в Уре. В могильнике насчитывается 36 бедных, 41 стандартная и 59 богатых могил. В бедных могилах инвентаря нет либо он представлен 1—6 видами вещей без сосудов.¹⁹⁷ Но в большей части бедных могил

(1—6 видов вещей) имеется от 1 до 4 глиняных сосудов.¹⁹⁸ По функциональным типам инвентаря 36 бедных могил распределяются следующим образом: три могилы без инвентаря, 13 с сосудами, 11 с украшениями, шесть с печатями, могила с оружием, могила с оружием и печатями, могила с орудиями труда. В стандартных могилах обнаружено от 3 до 21 глиняного сосуда и от 1 до 2 каменных (1—7 видов вещей).¹⁹⁹ По функциональным типам инвентаря 41 стандартная могила распределяется следующим образом: 9 могил с сосудами, 10 с украшениями, 9 с печатями, 4 с оружием, 5 с печатями и оружием, 4 с орудиями труда. В богатых могилах представлено от 2 до 12 видов вещей. В одной группе могил найдено от 7 до 14 глиняных и от 1 до 4 бронзовых сосудов.²⁰⁰ Во второй группе — от 3 до 14 глиняных сосудов и украшения из драгоценных металлов.²⁰¹ В третьей — от 5 до 12 глиняных, от 1 до 2 каменных и от 1 до 4 бронзовых сосудов.²⁰² Четвертую группу представляют две женские могилы с печатями, в которых встречены глиняные и по одному свинцовому сосуду.²⁰³ К пятой относится погребение с украшениями из драгоценных металлов.²⁰⁴ По функциональным типам инвентаря 59 богатых могил распределяются следующим образом: могила с сосудами, 13 могил с украшениями, 28 с печатями, четыре с оружием, 12 с оружием и печатями, могила с орудиями труда.

В Эль-Убейде обнаружено 90 могил III раннединастического периода [266, с. 142—154, 172—203]. По составу инвентаря можно выделить пять групп погребений: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с орудиями труда. По степени богатства инвентаря выявляется 26 бедных, 54 стандартные, 10 богатых могил. В бедных могилах либо нет инвентаря либо он представлен 1—4 видами вещей, включая 1—4 глиняных сосуда.²⁰⁵ В стандартных могилах (2—6 видов вещей) отмечено от 5 до 42 глиняных сосудов²⁰⁶ либо от 1 до 32 глиняных и от 1 до 7 каменных сосудов.²⁰⁷ По функциональным типам инвентаря 54 стандартные могилы распределяются следующим образом: 40 могил с сосудами, 10 с украшениями, три с оружием, могила с орудиями труда. В богатых могилах обнаружено от 3 до 18 глиняных, от 1 до 2 каменных и по одному бронзовому сосуду (2—5 видов вещей).²⁰⁸

В III раннединастическом периоде богатство погребального инвентаря для погребений долины р. Диалы (Хафадже) несколько уменьшается по сравнению с предше-

ствующим периодом за счет сокращения количества каменных и металлических сосудов, положенных в могилы. В погребениях юга Месопотамии (Ур, Киш) количество посуды, помещенной в могилы, наоборот, увеличивается, благодаря чему могилы юга Месопотамии являются более богатыми. Погребения небольшого провинциального поселения Эль-Убейда намного беднее захоронений крупных городских центров Ура и Киша.

Процесс имущественного расслоения населения юга Месопотамии характеризуется дальнейшим сокращением количества стандартных захоронений. Из общего числа 947 погребений III раннединастического периода стандартными являются лишь 223, что составляет менее четверти всех погребений. Резко возрастает количество бедных могил — 412. В 312 могилах зафиксирован богатый погребальный инвентарь. Процесс имущественного расслоения населения сопровождается появлением новых форм погребальных сооружений (сырцовые цисты, деревянные гробы), в которых, как правило, похоронены люди с богатым инвентарем.

412 бедных могил (без инвентаря или от 1 до 4 видов вещей) распределяются следующим образом: 96 могил без инвентаря, 124 с сосудами, 59 с украшениями, 76 с оружием, 25 с печатями, 20 с оружием и печатями, 12 с орудиями труда. 223 могилы со стандартными наборами инвентаря (от 1 до 6 видов вещей) распределяются следующим образом: 103 могилы с сосудами, 53 с украшениями, 26 с оружием, 21 с печатями, 12 с печатями и оружием, восемь с орудиями труда. 312 богатых могил (от 2 до 18 видов вещей) распределяются следующим образом: 25 могил с сосудами, 94 с украшениями, 80 с оружием, 59 с печатями, 48 с оружием и печатями, шесть с орудиями труда.

В социальном отношении, судя по наборам инвентаря, общество разделено на несколько групп. Наиболее богаты погребальные комплексы с печатями и оружием, количество которых весьма значительно возрастает в рассматриваемый период. Являясь богатыми в целом, они в свою очередь делятся на ряд групп по степени насыщенности инвентаря вещами (бедные, стандартные, богатые). Большая часть могил (60 из 80) является богатыми и стандартными. Второе место по степени богатства инвентаря занимают могилы с оружием, количество которых также резко возрастает в этот период. Более половины их

(106 из 182) являются богатыми и стандартными. Далее следуют захоронения с печатями. Примерно три четверти (80 из 105) являются стандартными и богатыми. Указанные три группы захоронений, судя по составу погребального инвентаря и его богатству, принадлежали верхушке общества. В могилах с печатями и оружием, вероятно, похоронены представители военно-бюрократического аппарата (военачальники, чиновники), а также, возможно, и верхушка купечества. В могилах с оружием погребены профессиональные воины. Захоронения с печатями принадлежат, видимо, менее влиятельной прослойке чиновничества и главам большесемейных общин, распорядившимся семейной собственностью.

По сравнению с этими тремя группами погребения с сосудами, украшениями, орудиями труда являются бедными. Примерно половина могил с сосудами (124 из 252) имеет бедный погребальный инвентарь. То же самое можно отметить и для захоронений с орудиями труда, где из 26 могил в 12 обнаружен бедный инвентарь. Захоронения с украшениями в целом богаче. Из 206 могил данного типа примерно половина (94 из 206) содержит богатый погребальный инвентарь. Очевидно, перед нами захоронения горожан различной степени благосостояния, погребения ремесленников, мелких торговцев (находки в могилах чашек весов), брадобреев (находки в могилах бронзовых бритв).

Особую группу составляют погребения без инвентаря (96 случаев). Проблема их интерпретации пока остается открытой, поскольку нет уверенности в том, что эти захоронения не были ограблены или разрушены в древности во время сооружения очередных могил.

Анализ погребений показывает, что социальная структура общества древнего Шумера в III раннединастическом периоде приобрела вполне законченную форму, которая свидетельствует о наличии в обществе класса эксплуататоров (погребения с оружием и печатями; оружием; печатями) и класса свободных общинников (погребения с посудой, украшениями, орудиями труда). Существовал, конечно, и класс рабов, но, как уже указывалось выше, эти захоронения, руководствуясь археологическими критериями, пока выделить не удается.

Погребальные обряды Месопотамии эпохи раннеклассового общества говорят о том, что имущественная поляризация населения приобрела наиболее контрастный

характер. Очень богаты захоронения крупных городских центров (Ур, Киш). Могила, раскопанная в небольшом провинциальном поселении (Джемдет-Наср, Эль-Убейд), отличаются бедностью инвентаря.

О процессе социальной дифференциации населения свидетельствуют разнообразные наборы погребального инвентаря могил: с сосудами; украшениями; оружием; печатями; печатями и оружием; орудиями труда; навершиями булав; каменными изделиями.

Увеличение количества могил с оружием в III раннединастическом периоде говорит о сложении прослойки профессиональных воинов. Возрастает также количество погребений военно-бюрократической верхушки общества (могила с печатями; оружием и печатями). Основную массу могил по-прежнему составляют захоронения рядовых общинников (погребения с сосудами, украшениями, орудиями труда и, возможно, безынвентарные могилы).

В целом по месопотамскому региону учтено 1484 погребения (160 без инвентаря, 536 с сосудами, 358 с украшениями, 191 с оружием, 119 с печатями, 82 с печатями и оружием, два с навершиями булав, два с навершиями булав и печатями, 30 с орудиями труда, четыре с каменными изделиями). Доминируют погребения с сосудами и украшениями.

В бедных могилах инвентаря нет (160 случаев) либо он представлен 1—4 видами вещей (191 могила с сосудами, 88 с украшениями, 77 с оружием, 26 с печатями, 20 с печатями и оружием, 12 с орудиями труда, две с каменными изделиями). Всего зафиксировано 576 бедных могил.

В 488 могилах со стандартными наборами инвентаря (267 с сосудами, 136 с украшениями, 30 с оружием, 29 с печатями, 12 с печатями и оружием, могила с навершием булавы, 11 с орудиями труда, две с каменными изделиями) представлено от 1 до 6 видов вещей.

В 420 богатых могилах (78 с сосудами, 134 с украшениями, 84 с оружием, 64 с печатями, 50 с печатями и оружием, могила с навершием булавы, две с печатями и навершиями булав, семь с орудиями труда) отмечено от 2 до 18 видов вещей.

В бедных могилах найдены глиняные сосуды, бронзовые украшения, печати, орудия труда, оружие. В могилах со стандартным инвентарем обнаружены глиняные и каменные сосуды, бронзовые украшения, бронзовые изделия, оружие, печати. В богатых могилах выявлены

глиняные, каменные, бронзовые, свинцовые, иногда серебряные и золотые сосуды, золотые, серебряные, бронзовые украшения, изделия из бронзы, оружие, печати, орудия труда.

Малозийский регион. Погребения центральной Анатолии начальной стадии раннеклассового общества (Кюль-тепе) датируются началом II тысячелетия до н. э. В IV, самом раннем слое торгового пригорода Каниша (Кюль-тепе) — каруме раскопаны захоронения в сырцовых цистах с богатым инвентарем [204, с. 93].

В слое III погребения в цистах пока неизвестны. Все известные захоронения сконцентрированы во дворе дома, принадлежавшего, судя по найденному архиву, купцу [226, с. 164—165; 227, с. 149—150]. Из шести раскопанных могил в пяти случаях погребальный инвентарь отсутствовал, еще в одной бедной могиле найдены украшения из свинца. В четырех случаях умершие похоронены в ямах, в двух случаях в глиняных сосудах, включая захоронение с украшениями.

Значительно богаче погребения слоя II, когда город переживает эпоху расцвета. Умерших хоронили в ямах, глиняных сосудах, каменных цистах. В бедных могилах инвентаря нет либо он представлен 1—2 видами вещей (бронзовые украшения). В богатых могилах встречается от 5 до 9 видов вещей, включая глиняные сосуды, бронзовые, золотые и серебряные украшения. По составу инвентаря выделяются четыре группы погребений: без инвентаря; с украшениями; с оружием; с оружием и гириями.

По степени богатства инвентаря зафиксировано три бедных погребения: одно ямное, два в глиняных сосудах с бронзовыми украшениями. Богатством инвентаря отличаются два захоронения в каменных цистах. В одном из них найдено оружие, в другом оружие и гири. Кроме того, богатым является ямное захоронение с глиняными сосудами, бусами, украшениями из золота и серебра, фигуркой антилопы.

Погребения слоя Ib делятся на семь групп: без инвентаря; с сосудами; с украшениями; с оружием; с печатями и оружием; с оружием и женскими статуэтками; с гириями и чашечками весов. По степени богатства инвентаря можно выделить шесть бедных, четыре стандартные и семь богатых могил. В бедных могилах инвентаря нет (два погребения в ямах) либо он представлен 1 видом вещей (1—2 глиняных сосуда). Это два погребения в ямах и два

в каменных цистах. В стандартных могилах зафиксировано от 2 до 4 видов вещей. Это погребение в глиняном сосуде астрагалом и глиняными сосудами, два погребения в глиняных сосудах с гириями и чашечками весов, погребение в каменной цисте с печатями и оружием. В богатых могилах обнаружено от 2 до 6 видов вещей: по 2 глиняных и по бронзовому сосуду, украшения из золота, бронзы, серебра, бусы, оружие, женские статуэтки, бронзовые изделия. Таких богатых погребений отмечено семь: пять с украшениями (два в глиняных сосудах, три в каменных цистах), погребение с оружием (в каменной цисте) и погребение с оружием и женскими статуэтками (в яме). Часто богатый погребальный инвентарь находился в каменных цистах. Захоронения в ямах и глиняных сосудах, как правило, содержат бедный или стандартный набор инвентаря.

В слое Ia, видимо, наблюдается упадок хозяйственной и общественной жизни в городе. Для этого времени нам известны только бедные погребения в ямах без инвентаря (два случая) или с 1—2 глиняными сосудами (два случая).

Всего в слоях III—I торгового пригорода Каниша зафиксировано 33 погребения (десять без инвентаря, семь с сосудами, девять с украшениями, два с оружием, одно с оружием и печатями, одно с оружием и женской статуэткой, одно с оружием и гириями, два с гириями и чашечками весов).

В бедных погребениях инвентарь отсутствует (10 случаев) либо он представлен 1—2 видами вещей (шесть могил с сосудами, три с украшениями). Как правило, бедный погребальный инвентарь характерен для ямных погребений (13). В четырех случаях (могила без инвентаря, три могилы с украшениями) умершие захоронены в глиняных сосудах. В двух (могилы с сосудами) умершие похоронены в каменных цистах. Всего отмечено 19 бедных могил. В могилах со стандартным набором инвентаря представлено от 2 до 4 видов вещей (могила с сосудами, могила с печатями и оружием, две могилы с гириями и чашечками весов). В трех случаях умершие захоронены в глиняных сосудах, в одном (могила с печатями и оружием) — в каменной цисте. Всего выявлено четыре погребения со стандартным инвентарем.

В богатых могилах имеется от 2 до 9 видов вещей (шесть могил с украшениями, две с оружием, могила с оружием и женской статуэткой, могила с оружием и

гирями). Богатый погребальный инвентарь характерен для захоронений в каменных цистах (6). В двух случаях (могила с украшениями, могила с оружием и женской статуэткой) умершие похоронены в ямах; в двух (могилы с украшениями) в глиняных сосудах. Всего 10 богатых могил.

Украшения из бронзы встречены в бедных и стандартных погребениях. Изделия из драгоценных металлов — только в богатых могилах.

Богатые погребения в цистах расположены во дворах домов, где были обнаружены клинописные архивы, удостоверяющие, что это дома купцов [226, с. 163; 228, с. 73, 77]. По-видимому, эта группа захоронений содержит останки тамкаров, представителей богатого малоазиатского купечества.

Богатые погребения в сосудах, особенно с чашечками весов, очевидно, тоже содержат останки людей, имевших прямое отношение к торговым делам. Видимо, вследствие низкого социального происхождения этих людей не хоронили в цистах. Скорее всего в могилах данного типа похоронены мелкие городские торговцы либо ремесленники (ювелиры).

Бедные, стандартные и богатые погребения с сосудами и украшениями, вероятно, принадлежали рядовым горожанам различной степени благосостояния.

Погребальные обряды карума Каниша (захоронения в ямах, глиняных сосудах, цистах) продолжают местную центральноанатолийскую линию развития погребальной обрядности, которая сложилась еще в период ремесел. Древнеанатолийские традиции погребального обряда в каруме Каниша подтверждают выводы Н. Б. Янковской [97, с. 15—17, 190] о преобладании местного купечества в торговой колонии Каниша, о его сильных экономических позициях. Богатство захоронений карума Каниша, особенно погребений в цистах, согласуется с данными письменных источников о наличии многочисленной купеческой прослойки в городе, о высоком уровне ремесла и о процветании этого торгового объединения.

Анализ погребений рассматриваемого периода свидетельствует о дальнейшем углублении процесса имущественного расслоения древнеземледельческого населения Ближнего Востока. По сравнению с периодом ремесел возрастает богатство инвентаря всех групп захоронений.

В бедных могилах представлено от 1 до 4 видов вещей, хотя во многих случаях он вообще отсутствует. В стандартных могилах зафиксировано от 1 до 6 видов вещей, в богатых от 1 до 18 видов. Изделия из золота, серебра, электра сосредоточены только в богатых захоронениях.

В месопотамском регионе наблюдается значительное сокращение числа могил со стандартными наборами инвентаря (с 44 до 33 %), стремительный рост числа богатых захоронений (с 15 до 29 %) при небольшом сокращении количества бедных могил (с 41 до 38 %).

По малоазиатскому региону аналогичные расчеты не сделаны вследствие незначительной выборки погребений (33 могилы), которая имеется в нашем распоряжении. Однако и для Малой Азии характерна тенденция к сокращению количества могил со стандартными наборами инвентаря и увеличению числа богатых погребений.

Для всего периода учтено 1517 могил (170 без инвентаря, 543 с сосудами, 367 с украшениями, 193 с оружием, 119 с печатями, 83 с печатями и оружием, могила с оружием и женской статуэткой, могила с оружием и гирями, две с гирями и чашечками весов, две с наверхшими булав, 30 с орудиями труда, четыре с каменными изделиями). Доминируют погребения с сосудами, украшениями, оружием. В своем большинстве это могилы со стандартным или богатым набором погребального инвентаря. Погребения с орудиями труда редки (30 случаев), в них найдены преимущественно бедные или стандартные наборы инвентаря. Самый богатый погребальный инвентарь отмечен в могилах с оружием и печатями.

595 бедных могил распределяются следующим образом: 170 захоронений без инвентаря, 197 с сосудами, 91 с украшениями, 77 с оружием, 26 с печатями, 20 с печатями и оружием, 12 с орудиями труда, два с каменными изделиями.

492 могилы со стандартным инвентарем распределяются следующим образом: 268 захоронений с сосудами, 136 с украшениями, 30 с оружием, 29 с печатями, 13 с печатями и оружием, два с гирями и чашечками весов, одно с наверхшим булавы, 11 с орудиями труда, два с каменными изделиями.

430 богатых могил распределяются следующим образом: 78 захоронений с сосудами, 140 с украшениями, 86 с оружием, 64 с печатями, 50 с печатями и оружием,

одно с оружием и женской статуэткой, одно с оружием и гириями, одно с навершием булавы, два с печатями и навершиями булав, семь с орудиями труда.

595 бедных могил составляют 39 % всех погребений, 492 могилы со стандартным инвентарем — 33, 430 богатых могил — 28 %. По сравнению с предшествующим периодом на 4 % возросло число богатых могил и на 6 % уменьшилось количество стандартных погребений. Число бедных погребений по сравнению с предшествующим периодом увеличилось всего на 2 %. Очевидно, количество богатых погребений увеличилось за счет сокращения стандартных могил, что явилось следствием дальнейшего углубления процесса имущественного расслоения древнеземледельческого населения.

Погребения рассматриваемого периода свидетельствуют о сложной иерархии социальных рангов раннеклассового общества, что доказывается наличием 13 видов погребального инвентаря.

Основную массу могил составляют погребения бедных и зажиточных общинников. Наряду с этим богатые могилы свидетельствуют о сложении в раннеклассовых обществах военно-бюрократической прослойки. О наличии купцов, мелких торговцев или ремесленников (ювелиров) говорит незначительная серия погребений с чашечками весов и гириями.

Социологический анализ погребений древнеземледельческого населения Средней Азии и Ближнего Востока позволяет сделать несколько основных выводов.

1. Имущественное расслоение населения наблюдается уже на раннем (архаическом) этапе развития экономики производящего типа (Малая Азия). Преобладают бедные безынвентарные погребения. В могилах со стандартным инвентарем представлено 1—2 вида вещей. В период развитой экономики производящего типа имущественное расслоение древнеземледельческого населения зафиксировано повсеместно. 38 % могил составляют бедные захоронения, 41 — захоронения со стандартным набором инвентаря, 21 % — богатые захоронения. В бедных погребениях инвентаря нет, в стандартных и богатых могилах отмечено 1—3 вида вещей. Только в богатых могилах обнаружены каменные сосуды и медные украшения. В период ремесел имущественное расслоение усиливается, особенно в его финальной стадии (вторая половина III тысячелетия до н. э. для большинства регионов). В бедных

могилах встречен 1 вид вещей, в стандартных 1—3 вида вещей, включая бронзовые украшения, в богатых — от 1 до 15 видов вещей. Только в богатых могилах найдены разнообразные изделия из бронзы, золота, серебра, свинца. Количество стандартных погребений сокращается до 39 %, в то время как число богатых могил возрастает до 24 %. Бедные могилы дают почти ту же цифру, что в предшествующий период, — 37 %. Процесс имущественного расслоения достигает апогея в раннеклассовых обществах (Месопотамия, Малая Азия). В бедных могилах либо нет инвентаря либо он представлен 1—4 видами вещей (глиняная посуда, украшения из бронзы, бронзовые изделия). В погребениях со стандартным инвентарем отмечается от 1 до 6 видов вещей (глиняная и каменная посуда, бронзовые украшения, бронзовые изделия). В богатых погребениях обнаружено от 1 до 18 видов вещей (глиняная, каменная, бронзовая посуда, украшения из золота, серебра, бронзы, изделия из бронзы, электра, золота, серебра). Количество стандартных погребений сокращается еще больше и достигает 33 %. Число богатых могил возрастает до 28 %. Количество бедных могил также увеличивается до 39 %.

2. Бок о бок с процессом имущественного расслоения протекал процесс социальной дифференциации древнеземледельческого населения. Прежде всего процесс социального расслоения наглядно документируется постепенным увеличением количества типов погребального инвентаря. Для архаического этапа экономики производящего типа известно 4—5 типов инвентаря. В период развитой экономики производящего типа их число увеличивается до 8, в период ремесел до 17. В эпоху раннеклассовых обществ зафиксировано 13 типов инвентаря. Для архаического этапа экономики производящего типа нам известны только погребения рядовых общинников (могилы без инвентаря, с сосудами, украшениями, орудиями труда). Несколько захоронений Чатал-Хёюка (Малая Азия), возможно, являются погребениями служителей культа. В период развитой экономики производящего типа доминируют захоронения рядовых общинников (без инвентаря, с сосудами, украшениями, орудиями труда). Вместе с тем повсеместно (Тель-эс-Севван, Ярм-тепе I, Джан Хасан, Геоксюр, Кара-Депе) появляются погребения с особыми категориями вещей (женские статуэтки, булавы). Эти захоронения составляют 3,5 % от общей массы могил.

Как правило, в них представлен богатый инвентарь. Сочетание богатства инвентаря и вещей-символов свидетельствует о том, что в могилах данного типа похоронены люди высокого социального ранга: служители культа и общинные вожди или старейшины. Количество этих могил почти не меняется в период ремесел и составляет 3%. Но богатство погребального инвентаря в них резко увеличивается по сравнению с предшествующим периодом (Алтын-Депе, Улуг-Депе, Гисар, Коручу-тепе, Караташ, Гиян, Дайти, Гавра). В этих могилах похоронена общинная знать: жрецы, вожди, старейшины. Вариации распределения инвентаря в данных погребениях указывают на иерархию социальных рангов общинной знати. В погребениях жрецов найдены культовые вещи (женские статуэтки, каменные колонки, гири). В захоронениях вождей или старейшин представлены символы власти (булавы, бронзовые жезлы с фигурными навершиями) и оружие. Богатство погребений этого типа особенно увеличивается к концу периода ремесел (вторая половина III тысячелетия до н. э.), указывая на то, что к этому времени общинная знать скапливает в своих руках значительные имущественные ценности. Основную массу погребений в период ремесел составляют могилы бедных и зажиточных общинников (могилы без инвентаря, с сосудами, украшениями, орудиями труда, каменными изделиями).

В среднеазиатском регионе (юг Туркмении и Узбекистана) предположительно выявлены захоронения зависимых людей, видимо, патриархальных рабов. Повсеместно зафиксировано небольшое количество могил с печатями и оружием. Погребения с оружием свидетельствуют о начинающемся формировании воинской прослойки. Захоронения с печатями указывают на зарождение в земледельческих обществах института собственности.

В раннеклассовых обществах (Месопотамия, Малая Азия) резко возрастает количество погребений с оружием, печатями. Появляются очень богатые погребения с оружием и печатями. Они говорят о сложении прослойки профессиональных воинов, о возникновении военно-бюрократического слоя, о развитом институте собственности. Погребения с гирями и чашечками весов, очевидно, свидетельствуют о существовании купцов, мелких торговцев и ремесленников (ювелиров). В большом количестве представлены погребения бедных и зажиточных горожан (могилы без инвентаря, с сосудами, украшениями, ору-

диями труда, каменными изделиями). Для рассматриваемого периода известны богатейшие гробницы знати (Ур), подробная характеристика которых дана в следующей главе. Вся совокупность погребальных комплексов указывает на сложную иерархию социальных рангов раннеклассовых обществ.

3. Переход от первобытнообщинного строя к цивилизации падает на период ремесел, к концу которого складываются предпосылки для формирования раннеклассовых обществ. По археологическим критериям в Малой Азии и особенно в Месопотамии он произошел сравнительно быстро. В Месопотамии такому ходу дел способствовали благоприятные природные условия, обеспечивавшие интенсивное развитие высокопродуктивного ирригационного земледелия, в Малой Азии — раннее развитие обмена и торговли сырьем (обсидиан, металл). В Средней Азии и Иране этот переход затянулся почти на тысячелетие, поскольку в конце III—начале II тысячелетия до н. э. период расцвета оседлоземледельческих культур в этих регионах неожиданно сменяется упадком. Регресс проявился не только в сфере материальной культуры, но и в области общественных отношений, что хорошо видно из среднеазиатских материалов: сокращается количество типов погребального инвентаря, из его состава исчезает целый ряд вещей, что приводит к значительному обеднению могил. Уменьшается число находок печатей в могилах, которые остались исключительно в женских захоронениях. Увеличивается лишь количество бронзовых украшений в погребениях. Социальная структура оседлоземледельческих общин времени Намазга VI во всех деталях аналогична социальной структуре более раннего периода Гисар I—II. Таким образом, анализ погребений юга Туркмении времени Намазга VI показывает, что земледельческие общины, сменившие в этом регионе высокоразвитую культуру времени Намазга V, характеризуются более архаичной стадией общественного развития, когда имущественное расслоение населения еще не привело к существенным изменениям социальной структуры общества, хотя такие изменения уже намечаются (могилы бедных и богатых общинников, воинов, возможно, патриархальных рабов, наличие печатей в погребениях). Причину такого регресса в сфере материальной культуры и общественного развития можно объяснить только вторжением в земледельческие оазисы юга Турк-

мении инокультурного населения предположительно из районов юга Узбекистана [5], находившегося на более низкой стадии общественного развития. В результате этого вторжения общины древних земледельцев юга Туркмении в своем развитии оказались отброшенными назад на несколько столетий. Аналогичные процессы могли происходить и в прилегающих к Средней Азии районах северо-восточного Ирана, где в этот же период (конец III—начало II тысячелетия до н. э.) прекращают свое существование такие памятники, как Гисар, Шах-тепе, Тюренг-тепе. Но так как в Иране до сих пор не раскопаны памятники, синхронные времени Намазга VI в Средней Азии, предположение о кризисе оседлоземледельческой культуры северо-восточного Ирана в результате вторжения инокультурного населения остается не более, чем одной из вероятных гипотез.

В заключение обзора погребений рассмотрим могилы детей, богатство инвентаря в которых не уступает богатству инвентаря в захоронениях взрослых, а иногда и превосходит их.

Для периода архаической экономики производящего типа зафиксировано лишь одно богатое погребение младенца в слое VI Чатал-Хёюка. В этой могиле обнаружены кремневый книжал, тесло, костяная ложечка и лопаточка, а также раковина мидии, наполненная красной охрой [202, с. 207].

Для периода развитой экономики производящего типа учтены 154 богатые могилы детей. Самое большое их количество (143) раскопано на самаррском поселении Телль-эс-Севван. В 75 могилах младенцев Телль-эс-Севвана представлено от 1 до 4 каменных сосудов; в 24 могилах младенцев обнаружено от 1 до 5 каменных сосудов и украшения (бусы); в трех могилах найдены каменные сосуды и ядра пращи; в пяти могилах встречены каменные сосуды, костяные изделия, кремневые орудия труда, пряслица, каменные поделки; в трех могилах имелись каменные сосуды, бусы, поделки из камня; в трех могилах представлены вещи культового назначения (фаллические предметы, в одном случае полый цилиндр); в 30 могилах находились каменные сосуды и женские статуэтки [101, с. 58—60, 90—94; 149, с. 23—32]. Богатые детские погребения выявлены также и на других месопотамских памятниках. В слое II Хассуны открыто погребение двух младенцев в сосуде. Рядом с ними располагались 2 глиняных

сосуда, помещенные в качестве инвентаря. Еще 1 сосуд находился внутри, возле костей умерших [193, с. 268—273]. В Самарре²⁰⁹ обнаружено захоронение младенца в сосуде в сопровождении 3700 бусин, включая 200 сердоликовых [170, с. 1, 3]. Три богатых детских погребения (в двух похоронены дети 6—7 лет, в одном ребенок 2—3 лет) раскопаны на халафском поселении Ярым-тепе II. В одной могиле (6—7 лет)²¹⁰ найдены глиняный и 2 каменных сосуда, 2 костяные проколки и каменный нож. В другой могиле (2—3 года)²¹¹ обнаружены 6 глиняных сосудов и ожерелье из алебастровых бусин в виде голов птиц и животных. Еще в одной могиле ребенка 6—7 лет имелись 6 глиняных и фрагменты 3 каменных сосудов, подвеска-амулет из камня, пряслице, 2 раковины каури, 79 бусин из гипса, глины, обсидиана и хрусталя [56, с. 560; 57, с. 543—544]. В Амуре (фаза F) в Малой Азии в могиле младенца лежали 16 подвесок из кости, сердоликовая бусина, 14 бусин из каолина [129, с. 258]. В Средней Азии богатое погребение ребенка было раскопано на юге Туркмении на северном холме Анау в слоях времени Намазга II.²¹² В этой могиле находилось 1066 бусин из белого камня [262, с. 486]. В слоях позднего Намазга II на Кара-Депе расчищено погребение ребенка 4 лет²¹³ с 420 гипсовыми бусинами, 10 сердоликовыми, 6 лазуритовыми, 6 гипсовыми с золотой обтяжкой и золотой бусиной [40, с. 418]. Два богатых детских погребения обнаружены на Геоксюре.²¹⁴ В первом из них имелись женская статуэтка и пряслице, во втором глиняный сосуд, пряслице, гипсовые бусины, 2 из которых были с золотой обтяжкой, каменная поделка в виде ритона (оба погребения не опубликованы).

Для периода ремесел учтена 31 богатая могила детей. 10 погребений известно из Малой Азии. В Алишаре раскопано три таких погребения: захоронение младенца в сосуде²¹⁵ с 2 бронзовыми браслетами; захоронение младенца в сосуде²¹⁶ с 2 бронзовыми браслетами, 2 серебряными серьгами, кремневым ножом и навершием булавы; захоронение ребенка в яме²¹⁷ с бронзовой булавкой и бронзовым шилом [222, с. 40, 51, 137]. Погребение ребенка с бронзовыми браслетами и серьгой раскопано в Аладжи-Хёюке [179, с. 160—161]. Три погребения найдены в Караташе. В одной могиле²¹⁸ лежали 4 бронзовых браслета, серебряная булавка, 3 золотых серьги, а также серебряные и золотые бусы. В другой могиле²¹⁹ обнаружены серьги

из золота и бусы из серебра. В третьей²²⁰ глиняный сосуд, бронзовая лопаточка, серебряная булава и 3 женские статуэтки [210, с. 254; 212, с. 323]. Одно погребение²²¹ раскопано в Ахлатлибеле, в нем присутствуют глиняный и, возможно, бронзовый сосуды, 2 бронзовых перстня и фигурка животного [121, с. 42]. Два богатых детских погребения в цистах²²² зафиксированы в Кархемише. В первом выявлены 6 глиняных сосудов, 2 бронзовые булавы и 2 копья; во втором 8 глиняных сосудов, 5 бронзовых булавок и фрагменты бронзового изделия в виде цилиндра [269, с. 219]. 13 погребений известно из Ирана. В слое II Гисара раскопана могила ребенка 8—14 лет²²³ с 4 глиняными сосудами, серебряной подвеской и ожерельем. В слое III Гисара найдены погребение ребенка 1—7 лет²²⁴ с 3 глиняными сосудами, двойное детское погребение 1—7 лет и 8—14 лет²²⁵ с женской статуэткой и фигуркой барана, погребение ребенка 5—7 лет²²⁶ с глиняным, 10 каменными, 2 бронзовыми, свинцовым и 6 серебряными сосудами, бронзовыми и серебряными украшениями, бусами, фигурками животных и железом [246, с. 446—452; 247, с. 131, 242, 259]. Три погребения младенцев открыты в Гияне. В одной могиле²²⁷ (слой IV) было 7 сосудов и украшения из серебра. В двух других²²⁸ (слой III) обнаружено от 4 до 6 глиняных сосудов и бронзовые украшения [139, с. 32, 35]. Шесть погребений расположено в Шах-тепе. В одной могиле²²⁹ зафиксировано 4 глиняных сосуда. В трех могилах²³⁰ имеется от 1 до 2 глиняных сосудов и бронзовые украшения. В пятой могиле²³¹ обнаружено 6 глиняных сосудов и бусы, в шестой²³² было 9 глиняных сосудов и украшения из серебра [112, с. 135, 138, 139, 143]. Два погребения раскопано в Средней Азии. В Тайчинак-Депе имеется погребение младенца с женской статуэткой [92]. Богатое погребение ребенка с глиняным и каменным сосудами, а также печатью обнаружено в богатом коллективном погребении времени Намазга V на Улуг-Депе (предполагаемое захоронение вождя; погребение не опубликовано). Шесть погребений раскопано в Месопотамии. Две могилы были обнаружены в Гавре в слоях XI—XIa. Золотые изделия и поделки из камня представлены в ямном погребении младенца.²³³ Погребение ребенка в цисте²³⁴ содержало 2 глиняных сосуда и обсидиановые изделия [258, с. 78—79, 97, 116]. В третьем слое Ниневии найдено погребение ребенка со стеатитовыми, фаянсовыми буси-

нами и костяной печаткой [196, с. 179]. Погребение младенца с золотыми бусинами и обтянутой золотой фольгой обсидиановой палочкой для нанесения краски на лицо обнаружено в Эрбиле, в слое II урукского времени. Здесь же имеется погребение младенца с золотой розеткой [100, с. 5]. Погребение ребенка позднеубейдского времени с 4 сосудами раскопано в Уре [268, с. 99].²³⁵

29 богатых погребений детей учтено для эпохи сложения раннеклассовых обществ. Семь могил расчищено в Гавре. В четырех могилах,²³⁶ где младенцы похоронены в ямах, найдены разнообразные золотые украшения, бусы, поделки из камня (слои IX—VIII). В трех случаях умершие дети похоронены в цистах. В одной могиле²³⁷ (слой X) представлены глиняные и каменные сосуды, 30 каменных шариков, мраморное навершие булавы. В другой²³⁸ (слой VIIIb) встречен каменный сосуд и фрагменты еще 2 каменных сосудов. В третьей²³⁹ (слой IX) обнаружены глиняный сосуд, бусы и золотые украшения [258, с. 78—79, 92, 94, 117]. Четыре могилы раскопаны в Хафадже в слоях периода Джемдет-Наср. В одной могиле²⁴⁰ похоронен младенец с 2 глиняными и 3 каменными сосудами, бусами, 2 амулетами в виде мух; в другой²⁴¹ похоронен ребенок 2—3 лет в сопровождении 2 глиняных и 1 каменного сосудов; в третьей²⁴² погребен ребенок с 4 глиняными, каменным сосудами, бусами, печатью; в четвертой²⁴³ похоронен мальчик 7—8 лет с 2 глиняными сосудами и моделью лодки из битума [143, с. 62, 68, 69, 75]. Два погребения обнаружены в Уре в слоях периода Джемдет-Наср. В одном случае найден глиняный и 4 каменных сосуда,²⁴⁴ в другом²⁴⁵ глиняный и 2 каменных сосуда [268, с. 112]. Четыре могилы выявлены в царском могильнике Ура. Бронзовые, серебряные украшения и бусы лежали в одной могиле ребенка.²⁴⁶ В другой²⁴⁷ находились глиняный, 2 каменных сосуда, бронзовые украшения и бусы. Каменный и бронзовые сосуды, а также бронзовые, золотые украшения и бусы найдены в третьей могиле младенца.²⁴⁸ Самый богатый инвентарь обнаружен в четвертой могиле,²⁴⁹ где представлено 11 каменных, 3 бронзовых и 2 серебряных сосуда, бусы, украшения из бронзы и серебра [267, с. 450, 452, 478]. Четыре погребения открыты в раннединастических слоях Киша. В одной могиле²⁵⁰ лежали 6 глиняных сосудов, лезвие кинжала, бусы; в цистовом погребении младенца²⁵¹ имелись украшения из бронзы и серебра; в третьей мо-

гиле²⁵² лежали 2 глиняных сосуда, печать, бусы, украшения из бронзы; в четвертой²⁵³ представлены печать, украшения из золота, бронзы, серебра и бусы [215, с. 105, 107, 112, 120]. Пять погребений раскопано в раннединастических слоях Хафадже. В одной могиле²⁵⁴ найдены глиняный и каменный сосуды, бусы, женская статуэтка, в другой²⁵⁵ 5 глиняных сосудов и глиняные шарики, видимо ядра пращи, в третьей²⁵⁶ 26 глиняных сосудов, бусы, украшения из бронзы, серебра; в четвертой²⁵⁷ печать, остатки туалетного набора и бусы; в пятой могиле²⁵⁸ 5 глиняных сосудов, каменный и бронзовый сосуды, кинжал, топор, украшения из бронзы и серебра [143, с. 87, 89, 115, 127, 132]. Одно погребение²⁵⁹ известно в слое 5 Чагир-Базара, в могиле обнаружены каменный и 2 глиняных сосуда, а также бронзовая булавка [197, с. 58]. Два погребения отмечены в Кюль-Тепе (Малая Азия). Одно²⁶⁰ раскопано в слое II, его инвентарь включал бронзовые серьги и браслет. Второе²⁶¹ в слое Ib. В этой могиле младенца, похороненного в глиняном сосуде, обнаружены серьги и кольца из свинца [227, с. 148—150].

Все вышеперечисленные детские погребения являются богатыми для каждого конкретного памятника.

Богатые погребения детей хорошо известны также в археологических культурах неолита—бронзы Европы. Относительно их было высказано мнение, что страх перед умершими детьми, которые не успели сделать в жизни то, что им предназначалось, вел к появлению богатых детских могил [264, с. 165]. Но такая интерпретация не объясняет причины малочисленности богатых детских захоронений. Трактовка этих погребений как проявления особой любви к детям, которых оставляли жить, тогда как большую часть их убивали после рождения, не выдерживает критики [128, с. 402 и след.], ибо в таком случае придется признать, что после рождения убивали почти всех детей.

Обстоятельный анализ богатых детских погребений был впервые проведен А. Хойслером, который пришел к выводу, что их появление связано с определенными верованиями [164, с. 39], вследствие чего богатые детские могилы относительно редки. В основе этих верований лежали представления о ребенке как носителе таинственных сил, связанных с божеством или добрыми духами [165, с. 12; 257, с. 254], причем магическая сила ребенка служила священным целям. В Индии, например, существовало поверье, что девочки, умершие до 5 лет, стано-

вились божествами, защищающими людей и покровительствующими им [234, с. 591].

Зарождение таких представлений, видимо, связано с таинством рождения, возникновением новой жизни, причины которого в древности во многом представлялись неясными. Однако обладали магической силой не все дети, а лишь избранные, при этом учитывался возраст ребенка, обстоятельства рождения, физические недостатки новорожденного [165, с. 14].

Вероятно, часть богатых детских захоронений в раннеземледельческих обществах следует интерпретировать именно с этой точки зрения. Дети, обладающие магической силой, становились как бы посредниками между божеством и общиной. Наиболее важным для земледельца было получение обильного урожая. Для этого было необходимо покровительство божества земледелия, которое всегда выступает в женском облике. Поэтому часть богатых детских погребений, видимо, посвящена богине земледелия. Одаряя избранных детей богатым инвентарем, община старалась добиться расположения божества плодородия, чтобы получить богатый урожай. Не случайно в богатых детских могилах находят женские статуэтки, которые, по-видимому, изображают божество плодородия.

Магическую силу, которой будто бы обладали отдельные дети, могли также использовать для защиты знатных людей в потустороннем мире от злых духов, сопровождая погребения знати могилами избранных детей. Вспомним в этой связи захоронения вождя или старейшины могильника Караташ (западная Анатолия), возле которого найдены два богатых детских погребения. Захоронения детей сопровождали предполагаемое погребение жрицы на Алтын-Депе (№ 60) и могилу вождя на Улуг-Депе.

Концентрацию богатых детских могил возле святилищ и храмов (Телль-эс-Севван, Гавра) тоже можно объяснить, исходя из магических свойств, приписываемых некоторым детям. Эти захоронения могли служить местами поклонения местных жителей. Так, например, бесплодные женщины верили, что могут избавиться от своего недуга путем совершения определенных обрядов возле такого рода могил.

Часть богатых детских захоронений внутри храмов или святилищ (Гавра) можно рассматривать как жертву закладки. У многих народов существовали поверья, что храм нельзя построить, пока не принесешь в жертву

маленького ребенка. Отсутствие жертвы обрекало постройку на неудачу и грозило гибельными последствиями [27, с. 3—75].

На более поздних стадиях развития первобытнообщинного строя у земледельцев мог существовать аналог института привилегированных детей, который зафиксирован у индейцев прерий [188]. Об этом применительно к археологическим материалам Европы уже писал Хойслер [164; 165]. Этот институт отмечен в семьях, принадлежащих к высшему социальному слою общества. Как известно, богатство способствует повышению социального престижа семьи, но накладывает на богатые семьи определенные обязанности. Они должны устраивать пиры, дарить подарки бедным родственникам. Благодаря этому возрастает престиж семьи, но богатство исчезает. Возвращение богатств в семью обеспечивалось наличием в семье признанного обществом привилегированного ребенка, в честь которого родители постоянно устраивали пиры. На них родителям и привилегированному ребенку надлежало делать соответствующие дары. Таким образом, раздаренное бедным родственникам имущество возвращалось владельцам. За право выбора привилегированного ребенка могли соперничать лишь знатные семьи, так как сам выбор сопровождался тратами, опустошительными для хозяйства. Привилегированные дети имели богатую одежду, парадное оружие и лошадей. Они также обладали культовыми вещами. Привилегированные дети могли вступать в мужские союзы, иметь равное положение с лицами высокого социального ранга.

Возможно, что некоторые богатые детские погребения периода ремесел (Гисар, Кархемиш) и эпохи раннеклассового общества (Ур, Киш), в которых найдено оружие, культовые предметы, печати, символы власти, свидетельствуют о наличии подобного института в древнеземледельческих обществах.

Вероятно, в отдельных случаях избранные дети вследствие магических свойств, которыми их наделяли, приобретали вскоре после рождения статус жреца, обязанности которого они должны были исполнять по достижении зрелого возраста. В случае преждевременной смерти их хоронили в соответствии с их высоким социальным рангом.

Таким образом, в основе появления богатых детских погребений, видимо, лежит идея о ребенке — носителя магических сил, связанных с божеством. Позднее, начиная

с периода ремесел, эти захоронения могут свидетельствовать о социальном расслоении общества — возникновении института привилегированных детей, поскольку его существование возможно только при наличии в обществе социального неравенства.

Примечания к главе III

¹ № 27, 30, 31, 32, 33, 34, 34а, 35.

² Могила без номера; № 26.

³ № 9, 18.

⁴ № 8, 10, 25.

⁵ Кара-Депе: шесть мужчин возмужалого возраста (№ 2, 37, 43, 47, 51, 96), четверо мужчин зрелого возраста (№ 5, 76, 86, 87), пять женщин возмужалого возраста (№ 1, 39, 42, 44, 93), две женщины зрелого возраста (№ 4, 52), женщина старческого возраста (№ 38), девушка (№ 69), шесть погребений без антропологических определений (№ 3, 7, 12, 61, 66).

⁶ Геокюр: Н-1, Ф-1, Ы. Погребения Геокюра по комплексам не опубликованы. Одна гробница на Алтын-Депе и одна гробница на Кара-Депе.

⁷ Двое мужчин возмужалого возраста (№ 85, 90), двое мужчин зрелого возраста (№ 59, 88), женщина возмужалого возраста (№ 89), три женщины старческого возраста (№ 20, 70, 98), семь погребений без антропологических определений (№ 8, 14, 30, 95, 103, 104, 106).

⁸ Мужчина зрелого возраста (№ 18), девушка (№ 15), два погребения без антропологических определений (№ 11, 19).

⁹ Двое мужчин возмужалого возраста (№ 32, 84), две женщины зрелого возраста (№ 21, 58), три погребения без антропологических определений (№ 40, 46, 72).

¹⁰ Б, В, Д, З, М, П, Р, С, Ц, Ч, Ш, Э.

¹¹ Л.

¹² Н.

¹³ Женщина возмужалого возраста (№ 94), женщина зрелого возраста (№ 97), погребение без антропологических определений (№ 45).

¹⁴ Мужчина юношески-возмужалого возраста (№ 81), двое мужчин возмужалого возраста (№ 6, 17), погребение без антропологических определений (№ 31).

¹⁵ № 101.

¹⁶ Погребение без антропологических определений (№ 100).

¹⁷ А, Ж, К, О, У, Ф, Х, Ц, Я.

¹⁸ Матарра: S-M-5, S-M-6.

¹⁹ Самарра: С, D; Матарра: S-M-3.

²⁰ Самарра: В.

²¹ № 31, 111, 124.

²² № 5, 13, 30, 113, 114.

²³ № 23, 48.

²⁴ № 41.

²⁵ № 34.

²⁶ А.

²⁷ № 7-45, 7-54, 7-59, 7-70, 7-72, 7-76, 36-159.

²⁸ № 7-58, 7-62, 7-67.

- ²⁹ № 7-61.
³⁰ № 7-68, 7-80.
³¹ № 7-66.
³² Алтын-Депе: восемь гробниц (№ 1; 2; 3; раскоп 1; раскоп 4, № 1; раскоп 5, двор Б, горн I; раскоп 5, помещение 22; раскоп 6, № 1); Хапуз-Депе: гробница В.
³³ Раскоп 1, гробница А; раскоп 4, № 2, 3; раскоп 5, помещение 1; раскоп 5, № 590—597; раскоп 6, № 2; раскоп 9, двор И; раскоп 9, помещение № 260; раскоп 10, помещение 17.
³⁴ Г.
³⁵ Раскоп 1/1; раскоп 5, помещение 47-11; раскоп 7, помещение 32.
³⁶ Раскоп 1, круглый толос; раскоп 8, помещение 33.
³⁷ Раскоп 5, № 634—638.
³⁸ Раскоп 5, помещение 13; раскоп 9, помещение 9; раскоп 9, помещение 11.
³⁹ Раскоп 9, помещение 124; раскоп 9, помещение 125.
⁴⁰ Раскоп 7, помещение 9.
⁴¹ Раскоп 6, № 3.
⁴² Алтын-Депе: раскоп 5, помещения 15—16; раскоп 5, помещение 47-1.
⁴³ Гробница в Хапуз-Депе (А).
⁴⁴ № 104.
⁴⁵ № 82.
⁴⁶ № 271, 413.
⁴⁷ № 109, 627.
⁴⁸ № 4.
⁴⁹ № 60.
⁵⁰ № 362.
⁵¹ № 310.
⁵² № 252.
⁵³ Алтын-Депе: одиночные могилы (№ 4, 82); коллективные: раскоп 1, круглый толос; раскоп 8, помещение 33.
⁵⁴ № 2.
⁵⁵ № 4, 8.
⁵⁶ № 1, 3.
⁵⁷ № 7.
⁵⁸ № 29, 42.
⁵⁹ № 2, 21, 23, 24, 27, 35.
⁶⁰ № 1.
⁶¹ № 6, 14, 18, 41.
⁶² № 82, 94, 101, 113.
⁶³ № 3, 4, 12, 13, 20, 38, 39.
⁶⁴ № 22.
⁶⁵ № 85, 86, 88, 89.
⁶⁶ № 29, 42.
⁶⁷ № 20, 38.
⁶⁸ Могила мужчины 21—45 лет (СУ95, х-28) и мужчины 45—65 лет (ДН46, х-23).
⁶⁹ Могила женщины 21—45 лет (СГ95, х-27).
⁷⁰ Две могилы с сосудами: двое мужчин 21—45 лет (ДН34, х-14; ДУ96, х-44); шесть могил с сосудами и украшениями: юноша (ДГ69, х-25), трое мужчин 21—45 лет (ДГ69, х-24; ДН34, х-25; ДН45, х-10), женщина 21—45 лет (СГ95, х-24), женщина 45—65 лет (ДН36, х-12); две могилы с оружием: двое мужчин 21—45 лет

(ДН36, х-17; ЕН13, х-13); пять могил с печатями: двое мужчин 21—45 лет (СГ95, х-26; ДН35, х-24), две женщины 21—45 лет (ДГ69, х-26; ДН46, х-21), женщина 45—65 лет (ДН35, х-12).

⁷¹ Две могилы с оружием: двое мужчин 21—45 лет (ДУ36, х-30; ЕН13, х-32); 11 могил с печатями: трое мужчин 21—45 лет (ДГ36, х-22; ДН34, х-19; ДН46, х-13), две девушки (ДН45, х-7; ЕН13, х-28), пять женщин 21—45 лет (ДН13, х-18; ДН36, х-15; ДН36, х-16; ДН43, х-8; ДН44, х-10), женщина старше 65 лет (ЕН13, х-37).

⁷² Четыре могилы с сосудами: двое мужчин 21—45 лет (ДФ04, х-16; ДФ09, х-29), женщина 21—45 лет (ДН46, х-9), женщина 45—65 лет (ДФ09, х-42); восемь могил с сосудами и украшениями: трое мужчин 21—45 лет (СУ89, х-10; ДФ78, х-25; ДН34, х-2), мужчина 45—65 лет (СФ57, х-40), четыре женщины 21—45 лет (ДФ69, х-1; ДФ78, х-26; ДН35, х-10; ДН35, х-14); могила с печатью: мужчина 21—45 лет (ДН44, х-11).

⁷³ Две могилы с сосудами и украшениями: двое мужчин 21—45 лет (СГ89, х-2; ДГ53, х-9); семь могил с печатями: двое мужчин 21—45 лет (СГ25, х-1; ДН34, х-8), трое мужчин 45—65 лет (ДГ96, х-31; ДГ96, х-36; ДН44, х-8), женщина 21—45 лет (ЕН13, х-40), женщина 45—65 лет (ДГ53, х-8).

⁷⁴ Две могилы женщин 21—45 лет (ДФ04, х-15; ЕН95, х-28).

⁷⁵ Пять могил с сосудами: мужчина 21—45 лет (СН65, х-4), двое мужчин 45—65 лет (СГ22, х-4; ДФ07, х-3а), женщина 21—45 лет (СГ90, х-15), женщина старше 65 лет (СФ38, х-15); пять могил с сосудами и украшениями: пятеро мужчин 21—45 лет (СГ25, х-5; СН65, х-20; ДГ20, х-21; ДГ53, х-4; ДУ51, х-5); могила с оружием: мужчина 21—45 лет (СУ10, х-2); могила с оружием и символом власти (навершие булавы): мужчина 21—45 лет (СН96, х-23).

⁷⁶ Две могилы с сосудами: мужчина 45—65 лет (СФ88, х-1), женщина старше 65 лет (СФ89, х-10); шесть могил с сосудами и украшениями: трое мужчин 21—45 лет (СФ79, х-1; СГ10, х-8; СН96, х-16), мужчина 45—65 лет (СФ89, х-3 со свинцовым сосудом); мужчина старше 65 лет (СН97, х-1), женщина 21—45 лет (СФ55, х-1 с 2 бронзовыми и серебряными сосудами); шесть могил с оружием: юноша (СН86, х-2), пятеро мужчин 21—45 лет (СФ47, х-2; СФ48, х-1; СФ57, х-28; СН75, х-13; СУ13, х-1 — могила с 2 свинцовыми сосудами); две могилы с символами власти (бронзовые жезлы с фигурными навершиями): мужчина 21—45 лет (СН96, х-1), женщина 21—45 лет (СН64, х-2 с бронзовым и 3 серебряными сосудами); могила с оружием и символом власти (бронзовый жезл): юноша (СН64, х-1); могила с символом власти (жезл), оружием, печатями и 4 бронзовыми сосудами: мужчина 21—45 лет (ДФ09, х-1); две могилы с символами власти (жезл), печатями и женскими статуэтками: мужчина 21—45 лет (ДФ08, х-1 со свинцовым сосудом), девушка (СГ31, х-7 с 2 бронзовыми и свинцовым сосудами); могила с символом власти (жезл), оружием, вещами культового характера (гира, колонка) и серебряным сосудом: мужчина 21—45 лет (ДФ19, х-2); могила с вещами культового характера (колонка): мужчина 45—65 лет (СГ20, х-2).

⁷⁷ Двое мужчин 21—45 лет (СН96, х-1; ДФ09, х-1), юноша (СН64, х-1), женщина 21—45 лет (СН64, х-2).

⁷⁸ Джамшеди: могила № 14 (глиняный сосуд).

⁷⁹ Пять могил с сосудами: Гиян (№ 100, 113, 114, 116), Джамшеди (№ 12); четыре могилы с сосудами и украшениями: Гиян (№ 101, 105), Джамшеди (№ 6, 7); две могилы с оружием: Гиян (№ 112), Джамшеди (№ 11); могила с навершием булавы: Гиян (№ 103).

⁸⁰ Четыре могилы с сосудами: Гияц (№ 109, 117—119); восемь могил с сосудами и украшениями: Гиян (№ 107, 108, 115), Джамшеди (№ 13, 15, 16, 18, 19); две могилы с оружием: Гиян (№ 110), Джамшеди (№ 17); две могилы с печатями: Гиян (№ 102, 111).

⁸¹ № 8—10.

⁸² Vi, D, Li.

⁸³ Vii.

⁸⁴ F, E.

⁸⁵ В № 1, 2, 4—6; D № 3; E № 3; F № 8, 10—12, 17.

⁸⁶ F № 18, 19; G № 4.

⁸⁷ А № 2, 3, 5, 6а, 6б; В № 3; С № 2; Е № 1, 4, 5; F № 9, 21; G № 1, 5.

⁸⁸ E № 7.

⁸⁹ С № 1; E № 2; G № 3.

⁹⁰ А № 4; E № 10.

⁹¹ Бедные могилы: 22 погребения без инвентаря (А № 3, 7, 11; В № 3, 4, 10, 11, 13; С № 1, 3а, 18; D № 1—3; E № 7; F № 2, 7; G № 14, 15; H № 4—6), шесть могил с глиняными сосудами (А № 8; С № 11, 20, 36; G № 12, 16), могила с бронзовыми украшениями (G № 5), могила с каменными изделиями (А № 10). Могилы со стандартным набором инвентаря: 27 погребений с глиняными сосудами (А № 13; В № 9, 12, 19; С № 7, 8, 10, 12, 13; E № 2, 6, 8—10, 12, 16, 17; F № 5; G № 1а, 3, 7—9, 11, 13, 19; H № 1), шесть погребений с глиняными сосудами и украшениями (А № 5; В № 6, 15; G № 1, 4; F № 1), два погребения с орудиями труда (А № 4; С № 15), два погребения с каменными изделиями (В № 1; С № 14).

⁹² А № 12; В № 5, 8, 16—18, 20; С № 6, 16, 19; E № 11, 19; G № 8, 17.

⁹³ F № 4.

⁹⁴ В № 7; С № 2, 17; E № 3. В первом и последнем погребениях найдено по каменному сосуду.

⁹⁵ G № 2.

⁹⁶ Три могилы с сосудами: № 83, 84, 99 — могила с бронзовым сосудом; шесть могил с украшениями: № 85, 90—92, 94, 98 (в могиле № 92 был бронзовый сосуд); три могилы с оружием: № 88, 93, 97 (в первом и последнем погребении с оружием имеется по бронзовому сосуду).

⁹⁷ Могила с сосудами: № 80; две могилы с украшениями: № 95, 96.

⁹⁸ № 5.

⁹⁹ № 3, 4.

¹⁰⁰ Одиночные погребения: М, F; коллективное погребение: G.

¹⁰¹ Одиночное погребение: E; коллективное погребение: L.

¹⁰² Одиночное погребение: D (с сосудом и бусами); коллективные погребения: С (с сосудом и бусами); N (с сосудом, бусами, каменным наконечником стрелы); А, В, H, J (3—4 глиняных сосуда, бусы, бронзовые украшения, бронзовые ножи).

¹⁰³ № 1, 9, 11, 13.

¹⁰⁴ № 4, 10.

¹⁰⁵ № 2, 5—8, 14.

¹⁰⁶ № 3.

¹⁰⁷ Алишар: два погребения женщин в ямах (ex 18, ex 19), погребение в яме без антропологических определений (ex 16). Полатлы: погребение в яме и погребение в каменной цисте. Аладжа-Хёюк: погребение в каменной цисте.

¹⁰⁸ Алишар: погребение женщины в каменной цисте (cx 18). Аладжа-Хёюк: два погребения в ямах, обложенных камнем.

¹⁰⁹ 12 погребений в ямах: четверо мужчин (bx 15, cx 6, dx 10, 3212), три женщины (bx 17, 3207, 3212), пять погребений без антро-

пологических определений (bx 11, bx 12, dx 11, dx 28, ex 4); пять погребений мужчин в глиняных сосудах (bx 10, cx 11, cx 12, ex 3, 3209); одно погребение в каменной цисте девушки и молодой женщины (№ 3203-04).

¹¹⁰ 21 погребение мужчин в глиняных сосудах (bx 7, bx 8, bx 46, bx 68, bx 69, cx 16, cx 20, dx 14—dx 16, dx 27, dx 29, dx 45—dx 48, ex 8, ex 9, 3200, 3202, 3206).

¹¹¹ Погребение юноши в каменной цисте (dx 26).

¹¹² Погребение мужчины в каменной цисте (№ 3224).

¹¹³ Могилы без инвентаря: Ахлатлибель (№ 12, 14); могилы со стандартным инвентарем (1 вид вещей): Машат (оружие, орудия труда).

¹¹⁴ Могилы без инвентаря: Ахлатлибель (№ 1, 2, 11, 13, 17); могила со стандартным инвентарем: Ахлатлибель (№ 4а — бронзовые украшения).

¹¹⁵ Могила с оружием № 6.

¹¹⁶ № 8—10.

¹¹⁷ Пять могил (xs 11—xs 15).

¹¹⁸ Ts 24.

¹¹⁹ Кархемиш: № 19 без инвентаря; № 20 с глиняным сосудом.

¹²⁰ Кархемиш: три могилы с сосудами (№ 13, 14, 21); четыре могилы с украшениями (№ 12, 15, 16, 18).

¹²¹ Четыре могилы с сосудами: Кархемиш (№ 3—5), Тиль Барсиб (№ 2); три могилы с украшениями: Кархемиш (№ 6, 12), Тилмен-Хёюк; могила с оружием: Кархемиш (№ 9); могила с навершием булавы: Кархемиш (№ 13).

¹²² Две могилы с украшениями: Кархемиш (№ 11), Тиль Барсиб (№ 1); две могилы с оружием: Кархемиш (№ 14, 15); могила с орудиями труда: Кархемиш (№ 10).

¹²³ Гедикли (M₁M₂); Кархемиш (№ 7, 8); Тиль Барсиб (№ 5).

¹²⁴ Бедное погребение № 36-148 (1 сосуд); могила со стандартным набором инвентаря № 7-6 (3 сосуда).

¹²⁵ № 7-43, № 7-47.

¹²⁶ s112, s114, s115, s118.

¹²⁷ 13 могил (№ 5, 6, 13—17, 20, 26, 29, 30, 37—39).

¹²⁸ Пять могил (№ 7, 32, 46, 49, 50).

¹²⁹ Три могилы (№ 4, 25, 31).

¹³⁰ 16 могил с сосудами (№ 1, 8—10, 12, 18, 19, 21, 28, 33, 35, 36, 40, 41, 43, 44); три могилы с сосудами и украшениями (№ 24, 27, 42); могила с ядрами пращи (№ 34); могила с орудиями труда (№ 47).

¹³¹ Могила с сосудами (№ 11); могила с сосудами и украшениями (№ 23).

¹³² G 36-44, G 36-95, G 36-122.

¹³³ Три могилы с глиняным сосудом (G 36-124, G 36-126, G 36-129); могила с навершием булавы (№ 238); две могилы с печатями (G 36-110; G 36-137).

¹³⁴ Могила с сосудами (G 36-104); могила с сосудами и орудиями труда (G 36-135).

¹³⁵ Могила с золотыми украшениями (№ 167); могила с золотыми украшениями и навершием булавы (№ 142).

¹³⁶ Три могилы: PFG/DD, PFG/HH, PFG/NN.

¹³⁷ 15 могил: PFG/S, PFG/X, PFG/Y, PFG/BB, PFG/EE, PFG/FF, PFG/KK, PFG/LL, PFG/PP, PFG/QQ, PFG/RR, PFG/SS, PFG/W, PFG/WW, PFG/XX.

¹³⁸ 10 могил: PFG/CC, PFG/GG, PFG/MM, PFG/p, PFG/r, PFG/TT, PFG/UU, PFG/v, PFG/VV, PFG/z.

¹³⁹ PFG/AA, AA bis; PFG/O; PFG/Q; PFG/t, u, u bis; PFG/YY.
¹⁴⁰ PFG/D.
¹⁴¹ Могила с глиняными сосудами (PFG/y); две могилы с оружием (PFG/G, PFG/F).
¹⁴² Две могилы с сосудами (PFG/K, PFG/N); могила с навершием булавы (PFG/E).
¹⁴³ PFG/A, B, C.
¹⁴⁴ PFG/L; PFG/M.
¹⁴⁵ Подробнее погребения с оружием и печатями рассмотрены в главе V.
¹⁴⁶ № 109, 111.
¹⁴⁷ № 110, 114.
¹⁴⁸ № 107.
¹⁴⁹ № 24, 25, 29, 46.
¹⁵⁰ № 31.
¹⁵¹ № 34.
¹⁵² № 30.
¹⁵³ 47 могил без инвентаря; 31 могила с глиняными сосудами (№ 8, 9, 11, 19, 30, 31, 41, 50, 52а, 56, 63, 67, 68, 70, 71, 81, 96, 98, 111, 118, 143, 178, 215, 304, 317, 321, 326, 345, 346, 361, 362); две могилы с бусами (№ 212, 216); 17 могил с глиняными сосудами и украшениями (№ 4, 15, 21, 33, 60, 65, 66, 73, 88, 100, 103, 109, 149, 295, 334, 356, 359), одна могила с печатью (№ 78b).
¹⁵⁴ 22 могилы с каменными сосудами (№ 24, 141, 142, 145, 147, 223, 227, 228, 234, 254, 258, 267, 289, 290, 308, 319, 352, 354, 356—358, 370); 123 могилы с глиняными и каменными сосудами (№ 2, 3, 5, 7, 10, 14, 16, 20, 22, 27, 34, 35а, 36, 37, 43, 46, 47, 51, 52b, 53, 55, 58, 59, 61, 72а, 72b, 75, 76, 80, 86, 91, 92, 94, 95, 97, 102, 105, 113, 116, 122, 132, 133, 136, 137, 144, 146, 148, 150, 151—153, 156, 159, 173—176, 180—183, 186а, 186b, 187b, 192, 195, 199, 203, 205, 209, 211, 213, 214, 217, 222, 230, 231, 233, 235, 237, 240—243, 245—250, 252, 260, 264, 265, 271, 275, 277а, 278, 280, 282, 291, 299, 302, 303, 306, 307, 310, 312, 313а, 316, 318, 328, 329, 331, 340, 342, 344, 345, 360, 365, 367—369); 15 могил с каменными сосудами и украшениями (№ 25, 48, 159b, 179, 218, 219, 226, 236, 259, 261, 262, 322, 323, 327, 355); 54 могилы с глиняными, каменными сосудами и украшениями (№ 17, 18, 44, 45, 49, 62, 74, 82, 84, 87, 90, 93, 101, 112, 119, 120, 128—130, 154, 155, 158, 162, 188, 190, 191, 197, 198, 229, 232, 238, 244, 251, 253, 256, 266, 276, 279, 279а, 285, 287, 298, 300, 301, 309, 313, 315, 330, 336, 339, 347, 350, 353, 361); одна могила с каменными сосудами и печатью (№ 324); одна могила с глиняными, каменными сосудами и ядрами пращи (№ 337); одна могила с глиняными и каменными сосудами, с булавой из камня (№ 271); три могилы с глиняными, каменными сосудами и орудиями труда (нож, рыболовный крючок, каменный молот): № 38, 269, 341; два погребения с глиняными, каменными сосудами и поделками из камня (№ 123, 272).
¹⁵⁵ Пять погребений с глиняными и металлическими сосудами (№ 54, 57, 84, 207, 364); три погребения с каменными и металлическими сосудами (№ 185, 189, 200); одно погребение с металлическим сосудом (№ 202); 25 погребений с глиняными, каменными и металлическими сосудами (№ 1, 78а, 104, 109, 124, 157, 184, 187а, 193, 196, 206, 208, 255, 263, 268, 270, 281, 288, 292, 294, 314, 320, 332, 333, 343); одно погребение с глиняными, металлическими сосудами, украшениями (№ 40); одно погребение с каменными и металлическими сосудами, украшениями (№ 296); 16 погребений с глиняными, каменными, металлическими сосудами и украшениями (№ 201, 204, 210, 220, 221, 225, 229, 283, 284,

305, 311, 325, 335, 338, 349, 363); одно погребение с глиняными, каменными, металлическими сосудами и печатями (№ 42); одно погребение с глиняными, каменными, металлическими сосудами и орудиями труда (бритва): № 177.

¹⁵⁶ Четыре могилы без инвентаря (№ 7, 21, 28, 39); 21 могила с глиняными сосудами (№ 9, 10, 13—15, 19, 23, 24, 26, 30, 33, 34, 38, 40, 41, 43, 44, 47, 48, 51, 53); две могилы с глиняными сосудами и украшениями (№ 18, 52); могила с бусами (№ 3); могила с каменными изделиями (№ 35).

¹⁵⁷ Шесть могил с глиняными и каменными сосудами (№ 11, 16, 17, 22, 31, 46); три могилы с глиняными, каменными сосудами, украшениями (№ 29, 36, 49).

¹⁵⁸ Две могилы с глиняными, каменными, металлическими сосудами (№ 5, 8); могила с глиняными, каменными, металлическими сосудами, украшениями (№ 4).

¹⁵⁹ № 72, 74.

¹⁶⁰ Три могилы с украшениями (№ 70, 188, 190).

¹⁶¹ Могила с печатью (№ 67) и могила с оружием (№ 68).

¹⁶² Три могилы без инвентаря (№ 68, 77, 85); пять могил с глиняными сосудами (№ 54, 58, 63, 82, 84). В могиле № 84 умерший захоронен в цисте.

¹⁶³ Шесть могил с сосудами (№ 59, 61, 62, 69, 70, 81).

¹⁶⁴ Восемь могил с сосудами (№ 55—57, 65, 72, 76, 78, 79). В № 78, 79 уршище похоронены в цистах. Пять могил с украшениями (№ 66, 67, 73, 75, 83). В № 83 умерший похоронен в цисте.

¹⁶⁵ Три могилы (№ 45, 46, 65).

¹⁶⁶ Четыре могилы с сосудами (№ 18, 24, 29, 60); четыре могилы с украшениями (№ 58, 48, 66, 177).

¹⁶⁷ Могила с печатью (№ 50); могила с оружием и печатью (№ 20).

¹⁶⁸ Пять могил без инвентаря (№ 95, 100, 105, 115, 118); две могилы с сосудами (№ 98, 104); могила с бусами (№ 114); две могилы с украшениями (№ 93, 107). В могилах № 98, 100, 114, 118 умершие похоронены в цистах.

¹⁶⁹ Две могилы с сосудами (№ 103, 119b); могила с печатью (№ 90), умерший похоронен в цисте.

¹⁷⁰ Восемь могил с сосудами (№ 86, 94, 96, 97, 99, 110, 111, 117); девять могил с украшениями (№ 87, 91, 92, 101, 108, 109, 113, 116, 119а); могила с печатью (№ 89); № 92, 94, 96, 113 — ямные погребения, остальные — цистовые.

¹⁷¹ Могила без инвентаря (№ 1); могила с сосудами (№ 26); четыре могилы с украшениями (№ 2, 3, 6, 24); могила с оружием (№ 7).

¹⁷² Три могилы с украшениями (№ 18, 20, 21); три могилы с оружием (№ 8—10); пять могил с печатями (№ 11, 15, 19, 22, 25).

¹⁷³ Могила с сосудами (№ 5); могила с украшениями (№ 17); две могилы с оружием (№ 23, 27); могила с печатью (№ 13); могила с печатью и оружием (№ 14); могила с оружием и украшениями из серебра (№ 12). Умершие похоронены в ямах, три захоронения в глиняных гробах (бедная могила с сосудами № 26, стандартная могила с печатью № 25, богатая могила с оружием № 27).

¹⁷⁴ Восемь могил без инвентаря (№ 120, 121, 129, 134, 138, 140, 142, 145); две могилы с сосудами (№ 151, 160); две могилы с украшениями (№ 127, 128); могила с оружием (№ 132); могила с печатью (№ 158); могила с печатью и оружием (№ 157). За исключением цистового погребения № 132, умершие похоронены в ямах.

¹⁷⁵ Три могилы с глиняными сосудами (№ 153, 159, 166); три могилы с украшениями (№ 152, 154, 163); могила с печатью (№ 168); три могилы с печатями и оружием (№ 144, 148, 156); могила с каменным сосудом (№ 136). Все умершие похоронены в ямах.

¹⁷⁶ Шесть могил с украшениями (№ 122, 123, 137, 141, 161, 164); четыре могилы с печатями (№ 125, 130, 131, 133); четыре могилы с печатями и оружием (№ 126, 146, 167, 168); одна могила с серебряными украшениями (№ 147). В могилах № 125, 131, 133, 137 умершие похоронены в цистах.

¹⁷⁷ 74 могилы без инвентаря: 29 безынвентарных захоронений в ямах (№ 835, 877, 1053, 1134, 1137, 1144, 1147, 1284, 1288, 1289, 1418, 1536, 1543, 1552, 1570, 1583, 1672, 1677, 1709, 1721, 1731, 1732, 1734, 1735, 1741, 1742, 1757, 1780, 1790); 43 безынвентарных захоронения в глиняных гробах (№ 1190, 1257, 1419, 1469, 1502, 1590, 1599, 1606, 1607, 1614, 1616, 1621, 1638, 1640, 1647, 1657, 1679, 1695, 1699—1701, 1706, 1710, 1712—1718, 1724, 1740, 1760, 1763, 1764, 1766—1768, 1770, 1772, 1773, 1775, 1804); две безынвентарные могилы с деревянными гробами (№ 1146, 1669). В 80 могилах с сосудами (№ 32, 42, 48, 50, 53, 92, 122, 167, 185, 218, 222, 240, 242, 252, 257, 300, 306, 343, 344, 350, 375, 376, 414, 426, 432, 442, 447, 448, 498, 500, 567, 572, 582, 742, 752, 858, 858а, 1057, 1080, 1098, 1143, 1158, 1161, 1191, 1255, 1269, 1292, 1296, 1302, 1317, 1326, 1376, 1416, 1417, 1499, 1504, 1506, 1522, 1528, 1530, 1532а, 1539, 1545, 1548, 1559, 1566, 1568, 1578, 1598, 1617, 1622, 1649, 1662, 1670, 1688—1690, 1729, 1771, 1776) умершие похоронены в ямах; в 15 могилах с сосудами (№ 97, 366, 458, 754, 1099, 1259, 1260, 1268, 1273, 1580, 1643, 1683, 1728, 1777, 1803) в глиняных гробах; в 13 могилах с украшениями (№ 22, 176, 730, 798, 1055, 1078, 1103, 1272, 1274, 1297, 1399, 1563, 1758) — в ямах; в двух могилах с украшениями (№ 1523, 1540) — в глиняных гробах; в 24 могилах с оружием (№ 7, 25, 108, 220, 335, 351, 866, 1112, 1168, 1250, 1253, 1406, 1413, 1500, 1511, 1515, 1538, 1560, 1602, 1623, 1639, 1654, 1725, 1739) — в ямах; в четырех могилах с оружием (№ 1291, 1582, 1637, 1727) — в глиняных гробах; в восьми могилах с печатями (№ 18, 168, 209, 516, 1056, 1083, 1105, 1367) — в ямах; в трех могилах с оружием и печатями (№ 1179, 1671, 1753) — в ямах; в могиле с оружием и печатями (№ 1586) умерший похоронен в глиняном гробу; в двух могилах с орудиями труда (№ 742, 1615) умершие похоронены в ямах.

¹⁷⁸ В 17 могилах с украшениями (№ 786, 826, 1057, 1115, 1193, 1251, 1279, 1328, 1529, 1547, 1553, 1611, 1678, 1681, 1759, 1779, 1980) умершие похоронены в ямах, в четырех могилах с украшениями (№ 1286, 1569, 1746, 1752) — в глиняных гробах, в могиле с украшением № 1645 — в деревянном гробу; в 28 могилах с оружием (№ 723, 739, 784, 849, 853, 1393, 1532, 1567, 1571, 1577, 1593, 1596, 1597, 1655, 1655а, 1659, 1663, 1673, 1687, 1696, 1704, 1707, 1708, 1719, 1738, 1747, 1754, 1778) — в ямах, в 11 могилах с оружием (№ 1096, 1265, 1303, 1311, 1576, 1632, 1658, 1684, 1691, 1693, 1769) — в глиняных гробах, в могиле с оружием (№ 1628) — в деревянном гробу, в трех могилах с печатями (№ 15, 1187, 1377) — в ямах, в могиле с печатью (№ 1079) — в глиняном гробу, в шести могилах с оружием и печатями (№ 326, 743, 1101, 1531а, 1627, 1646) — в ямах; в пяти могилах с орудиями труда (№ 1077, 1271, 1653, 1723, 1748) — в ямах, в могиле с орудием труда (№ 1676) — в глиняном гробу.

¹⁷⁹ В 18 могилах с сосудами (№ 462, 1295, 1562, 1575, 1581, 1585, 1656, 1680, 1703, 1726а, 1730, 1745, 1755, 1762, 1809, 1810, 1811, 1814) умершие похоронены в ямах, в могиле с сосудами (№ 297) — в глиняном

гробу, в 12 могилах с украшениями (№ 64, 161, 531, 1066, 1104, 1323, 1534, 1534а, 1608, 1661, 1666, 1668) — в ямах, в шести могилах с оружием (№ 851, 1281, 1287, 1594, 1692, 1722) — в ямах, в могиле с оружием (№ 1609) умерший лежит в глиняном гробу, в двух могилах с печатями (№ 1111, 1197) — в ямах; в трех могилах с оружием и печатями (№ 37, 160, 1733) — в ямах; в могиле с орудиями труда (№ 1743) умерший похоронен в глиняном гробу.

¹⁸⁰ В 22 могилах с сосудами (19, 78, 118, 119, 123, 135, 139, 180, 287, 293, 315, 679, 1107, 1129, 1537, 1546, 1554, 1556, 1633, 1667, 1682, 1705) умершие лежат в ямах, в двух могилах с сосудами (№ 1675, 1686) — в глиняных гробах, в четырех могилах с сосудами (№ 406, 416, 1591, 1635) — в деревянных гробах, в 11 могилах с украшениями (№ 88, 128, 165, 338, 420, 1070, 1134, 1153, 1307, 1308, 1603) — в ямах, в двух могилах с украшениями (№ 12, 1301) — в глиняных гробах, в могиле с украшениями (№ 1697) скелет лежал в деревянном гробу, в шести могилах с оружием (№ 71, 171, 172, 1490, 1636, 1664) умершие лежали в ямах, в могиле с оружием (№ 1685) умерший похоронен в глиняном гробу, в могиле с оружием (№ 1605) — в деревянном гробу, в семи могилах с печатями (№ 362, 883, 1322, 1385, 1420, 1650, 1744) умершие похоронены в ямах, в могиле с орудиями труда (№ 163) умерший лежал в яме.

¹⁸¹ В пяти могилах с сосудами (№ 113, 223, 1160, 1183, 1285) умершие похоронены в ямах, в двух могилах с украшениями (№ 1100, 1391) — в ямах, в могиле с украшениями (№ 1180) умерший лежал в глиняном гробу, в 19 могилах с оружием (№ 141, 245, 319, 437, 466, 533, 778, 783, 1061, 1088, 1151, 1254, 1258, 1261, 1264, 1282, 1313, 1410, 1600) умершие похоронены в ямах, в двух могилах с оружием (№ 1262, 1305) — в глиняных гробах, в двух могилах с оружием (№ 1299, 1321) — в деревянных гробах, в двух могилах с печатями (№ 43, 1720) — в ямах, в трех могилах с печатями и оружием (№ 31, 792, 1408) — в ямах, в могиле с печатями и оружием (№ 1234) умерший похоронен в глиняном гробу, в могиле с орудиями труда (№ 929) — в яме.

¹⁸² В могиле с сосудами (№ 1613) умерший похоронен в яме, в могиле с сосудами (№ 1573) — в деревянном гробу, в трех могилах с украшениями (№ 1294, 1503, 1634) умершие похоронены в ямах, в двух могилах с украшениями (№ 1082, 1248) — в глиняных гробах, в двух могилах с украшениями (№ 1316, 1329) — в деревянных гробах, в четырех могилах с оружием (№ 1266, 1300, 1306, 1736) — в ямах, в могиле с оружием (№ 1075) умерший похоронен в глиняном гробу, в могиле с печатью (№ 288) — в яме.

¹⁸³ В трех могилах с сосудами (№ 1256, 1626, 1737) умершие лежали в ямах, в двух могилах с сосудами (№ 1612, 1644) — в глиняных гробах, в трех могилах с украшениями (№ 1189, 1408, 1414) — в ямах, в могиле с украшениями (№ 1087) умерший лежал в глиняном гробу, в шести могилах с оружием (№ 513, 1290, 1293, 1392, 1574, 1595) умершие похоронены в ямах, в могиле с оружием (№ 1641) умерший лежал в глиняном гробу, в четырех могилах с оружием (№ 3, 1119, 1320, 1572) умершие похоронены в деревянных гробах, в двух могилах с печатями (№ 1081, 1404) — в ямах; в могиле с оружием и печатями (№ 1194) умерший лежал в глиняном гробу.

¹⁸⁴ В пяти могилах с сосудами (№ 111, 468, 1280, 1319, 1587) умершие похоронены в ямах, в могиле с сосудами (№ 1140) умерший лежал в глиняном гробу, в восьми могилах с украшениями (№ 208, 256, 258, 286, 1145, 1156, 1177, 1421) умершие похоронены в ямах, в трех могилах с украшениями (№ 1234, 1298, 1325) — в деревянных гробах, в 11 могилах с оружием (№ 91, 121, 159, 237, 247, 333, 1069, 1270, 1304,

1619, 1629) — в ямах, в двух могилах с оружием (№ 519, 1698) — в глиняных гробах, в двух могилах с оружием (№ 389, 1267) — в деревянных гробах, в семи могилах с печатями (№ 183, 221, 227, 357, 895, 1371, 1400) — в ямах, в могиле с печатями (№ 69) умерший лежал в глиняном гробу, в могиле с печатями (№ 1315) — в деревянном гробу, в 15 могилах с оружием и печатями (№ 56, 219, 261, 1130, 1136, 1243, 1247, 1312, 1327, 1382, 1387, 1407, 1412, 1524, 1526) умершие лежали в ямах, в могиле с печатями и оружием (№ 1318) умерший похоронен в глиняном гробу, в могиле с печатями и оружием (№ 1625) — в деревянном гробу.

¹⁸⁵ В семи могилах с украшениями (№ 162, 427, 760, 1150, 1589, 1642, 1651) умершие лежали в ямах, в могиле с украшениями (№ 1276) умерший похоронен в глиняном гробу, в двух могилах с украшениями (№ 1314, 1588) умершие похоронены в деревянных гробах, в двух могилах с оружием (№ 1744, 1751) — в ямах, в четырех могилах с печатями (№ 55, 165, 482, 1749) — в ямах, в двух могилах с печатями (№ 381, 1750) — в деревянных гробах.

¹⁸⁶ В восьми могилах с украшениями (№ 260, 741, 911, 1065, 1116, 1167, 1310, 1756) умершие похоронены в ямах, в могиле с украшениями (№ 1160) умерший лежал в деревянном гробу, в трех могилах с оружием (№ 734, 737, 1221) умершие похоронены в ямах, в двух могилах с печатями (№ 791, 1196) — в ямах, в двух могилах с орудиями труда (№ 745, 1584) — в ямах.

¹⁸⁷ В могиле с украшениями (№ 1142) умерший похоронен в яме, в трех могилах с оружием (№ 317, 758, 1181) умершие похоронены в ямах, в могиле с орудиями труда (№ 1195) умерший лежал в яме.

¹⁸⁸ Могила с оружием и печатями (№ 755), умерший похоронен в деревянном гробу.

¹⁸⁹ Пять могил без инвентаря (№ 59—63); пять могил с украшениями (№ 4, 5, 19, 24, 39); три могилы с оружием (№ 1, 23, 94); пять могил с печатями (№ 21, 34, 56, 66, 93); семь могил с оружием и печатями (№ 13, 25, 42, 53, 65, 88, 93а).

¹⁹⁰ Две могилы с украшениями (№ 7, 61); две могилы с оружием (№ 31, 47); могила с печатью (№ 50); могила с оружием и печатью (№ 71). В 40 случаях (две могилы с украшениями № 7, 19, две могилы с оружием № 1, 23, две могилы с печатями № 56, 66, четыре могилы с оружием и печатями № 53, 65, 71, 93а) умершие похоронены в глиняных гробах.

¹⁹¹ Три могилы с сосудами (№ 20, 72, 94а); четыре могилы с украшениями (№ 2, 8, 83, 95); четыре могилы с оружием (№ 11, 52, 79, 92); две могилы с печатями (№ 28, 96); могила с оружием и печатью (№ 37); могила с орудиями труда (№ 14). Из 15 погребений в восьми (могила с сосудами № 20, могила с украшениями № 83, две могилы с оружием № 52, 79, две могилы с печатями № 28, 96, могила с оружием и печатями № 37, могила с орудиями труда № 14) умершие похоронены в глиняных гробах.

¹⁹² Могила с сосудами (№ 16); 14 могил с украшениями (№ 17, 27, 32, 41, 54, 58, 69, 74, 80, 82, 85, 89, 90, 95а); пять могил с оружием (№ 9, 18, 48, 49, 75); могила с печатью (№ 6); семь могил с печатями и оружием (№ 12, 26, 30, 33, 40, 55, 68).

¹⁹³ Три могилы с украшениями (№ 22, 43, 77); четыре могилы с оружием (№ 15, 51, 57, 67); четыре могилы с печатями (№ 45, 47, 76, 81).

¹⁹⁴ Две могилы с оружием (№ 70, 73); две могилы с оружием и печатями (№ 3, 38).

¹⁹⁵ Две могилы с украшениями (№ 78, 87); две могилы с оружием (№ 35, 36).

¹⁹⁶ Шесть могил с украшениями (№ 10, 29, 44, 86, 91, 95b); могила с оружием (№ 84). В 12 случаях (могила с сосудами № 16, восемь могил с украшениями № 17, 22, 41, 78, 86, 91, 95а, 95b, две могилы с оружием № 15, 49, могила с оружием и печатями № 30) умершие похоронены в глиняных сосудах.

¹⁹⁷ Три могилы без инвентаря (могила мужчины № 145, два захоронения без антропологических определений № 35, 37); три могилы без сосудов (могила с украшениями № 22, могила с печатью № 50 — обе без антропологических определений, могила мужчины с оружием и печатями № 107).

¹⁹⁸ 13 могил с сосудами (№ 6, 17, 38, 53, 58, 60, 72, 73, 91, 108, 109, 115, 124), все могилы без антропологических определений; 10 могил с украшениями: мужское погребение (№ 143), женское (№ 25), восемь могил без антропологических определений (№ 31, 49, 61, 64, 84, 112, 118, 125); пять могил с печатями: мужское погребение (№ 82), четыре могилы без антропологических определений (№ 26, 46, 62, 133); погребение мужчины с оружием № 33; погребение мужчины с орудиями труда (№ 98).

¹⁹⁹ Девять могил с сосудами (№ 29, 94—96, 99, 103, 106, 119, 132), все могилы без антропологических определений; 10 могил с украшениями: мужское погребение (№ 44), пять женских погребений (№ 13, 16, 27, 34, 39), четыре могилы без антропологических определений (№ 54, 101, 138, 140); девять могил с печатями: мужские погребения (№ 56, 116, 117), женское погребение (№ 126), пять могил без антропологических определений (№ 1, 70, 85, 126, 142); три мужские могилы с оружием (№ 28, 47, 88); могила с оружием без антропологических определений (№ 20); пять мужских могил с оружием и печатями (№ 4, 57, 74, 93, 131); три мужские могилы с орудиями труда (№ 66, 71, 122); могила с орудиями труда без антропологических определений (№ 7).

²⁰⁰ Могила с сосудами без антропологических определений (№ 89); четыре могилы с украшениями: одна мужская (№ 120) и три без антропологических определений (№ 76, 97, 102); 11 могил с печатями: четыре мужских (№ 55, 87, 121, 146), пять женских (№ 15, 21, 23, 24, 144), две могилы без антропологических определений (№ 86, 139); могила мужчины с оружием (№ 11); восемь могил мужчин с оружием и печатями (№ 2, 16, 34, 40, 69, 79, 92, 128).

²⁰¹ Восемь могил с украшениями: две мужские (№ 75, 81), женская (№ 30), пять могил без антропологических определений (№ 52, 63, 123, 129, 137); 14 могил с печатями: девять мужских (№ 65, 67, 68, 77, 78, 113, 127, 134, 141), две женские (№ 19, 32), три могилы без антропологических определений (№ 42, 83, 90), три мужские могилы с оружием (№ 14, 105, 136); мужская могила с оружием и печатями (№ 8); мужская могила с орудиями труда (№ 5).

²⁰² Могила с печатями без антропологических определений (№ 51), три мужские могилы с печатями и оружием (№ 80, 104, 135).

²⁰³ № 9, 12.

²⁰⁴ Могила без антропологических определений (№ 130).

²⁰⁵ Шесть могил без инвентаря (№ 26, 31—34, 43); 14 могил с сосудами (№ 2, 5, 13, 15b, 16, 17, 25, 38, 39, 45, 49, 62, 71, 72); две могилы с украшениями (№ 58, 74); могила с оружием (№ 28), три могилы с орудиями труда (№ 21, 44, 78).

²⁰⁶ 28 могил с сосудами (№ 4, 6, 12, 14, 15, 20, 29, 30, 36, 40, 47, 48,

54—56, 60, 64, 66, 68—70, 75, 79, 82, 85, 87, 89, 93); четыре могилы с украшениями (№ 3, 35, 41, 57); могила с оружием (№ 91), могила с орудиями труда (№ 94).

²⁰⁷ 12 могил с сосудами (№ 7, 10, 22, 24, 42, 50, 53, 66, 67, 81, 84, 86); пять могил с украшениями (№ 1, 23, 51, 59, 65); две могилы с оружием (№ 52, 83); могила с украшениями и каменным сосудом (№ 73).

²⁰⁸ Пять могил с сосудами (№ 11, 37, 46, 76, 88); четыре могилы с украшениями (№ 27, 63, 77, 92), могила с орудиями труда (№ 80).

²⁰⁹ Могила Е.

²¹⁰ № 32.

²¹¹ № 34.

²¹² № 9.

²¹³ № 75.

²¹⁴ № 81, 104.

²¹⁵ ex 12.

²¹⁶ ex 19.

²¹⁷ № 3208.

²¹⁸ № 357.

²¹⁹ № 359.

²²⁰ № 191.

²²¹ № 5.

²²² № 1, 2.

²²³ DH36, x-5.

²²⁴ CH85, x-15.

²²⁵ CF89, x-4, x-5.

²²⁶ DF18, x-1.

²²⁷ № 106.

²²⁸ № 86, 87.

²²⁹ D № 2.

²³⁰ D № 1, E № 8, G № 2.

²³¹ F № 1.

²³² E № 6.

²³³ № 181.

²³⁴ G 36-151.

²³⁵ PFG/oo.

²³⁶ № 10, 12, 13, 47.

²³⁷ № 102.

²³⁸ № 45.

²³⁹ № 124.

²⁴⁰ № 6.

²⁴¹ № 27.

²⁴² № 25.

²⁴³ № 50.

²⁴⁴ № 160.

²⁴⁵ № 161.

²⁴⁶ № 1711.

²⁴⁷ № 1070.

²⁴⁸ № 1109.

²⁴⁹ № 1133.

²⁵⁰ № 3.

²⁵¹ № 10.

²⁵² № 45.

²⁵³ № 100.

²⁵⁴ № 74.

²⁵⁵ № 80.

²⁵⁶ № 124.

²⁵⁷ № 150.

²⁵⁸ № 165.

²⁵⁹ № 71.

²⁶⁰ Kt b/к № 15.

²⁶¹ Kt b/к № 2.

ГЛАВА IV

МОГИЛЫ ЗНАТИ

Углубление процессов имущественного и социального расчленения древнеземледельческого населения Передней Азии в период формирования раннеклассового общества сопровождается обособлением его аристократической верхушки. Эта особенность также нашла отражение в погребальных обрядах.

Самым ярким свидетельством выделения знати в древнеземледельческих обществах являются знаменитые шахтные гробницы Ура [267].

По конструктивным особенностям шахтные гробницы Ура можно разделить на три типа.

1. Погребальная камера состоит из одного покоя и занимает небольшое место в одном из углов погребальной шахты. В камере находятся останки основного захоронения и несколько скелетов тех, кто его сопровождал. Основная часть сопроводительных захоронений располагалась на полу шахты и в ее заполнении. Сверху над гробницей сооружено особое помещение, очевидно поминальный храм. В гробницах этого типа (№ 800, 1050, 1054, 580) основное захоронение всегда женское. Аналогичны вышеописанным усыпальницам разрушенные гробницы № 789, 1237, 1332. Вероятно, они также предназначались для погребения женщин.

Этот тип гробниц можно разделить на три варианта. Первый включает гробницы № 789, 800, 1237. В гробнице № 789 найдено 2 глиняных, 2 каменных, бронзовый, 6 серебряных сосудов, разнообразные золотые украшения, изделия из бронзы, серебра, золота. В шахте обнаружены 2 повозки и 2 арфы. Основное погребение, к сожалению

не сохранившееся, сопровождали захоронения 37 женщин с разнообразными украшениями, включая двух арфисток (придворные дамы?), девяти женщин с золотыми листовидными подвесками (придворные дамы высшего разряда?), 12 вооруженных мужчин (воины?), вооруженного мужчины при повозке (конюх?), трех людей без инвентаря (слуги-рабы?). Всего в шахте гробницы № 789 обнаружены сопроводительные захоронения 62 человек.

В гробнице № 800 найдено 5 глиняных, 75 каменных, 39 бронзовых, 72 серебряных, 8 золотых сосудов, изделия из золота, бронзы, серебра, 3 печати, украшения из золота и лазурита, арфа, повозка. Основное погребение сопровождали захоронения пяти женщин с разнообразными украшениями, включая арфистку (придворные дамы?), восьми женщин с золотыми листовидными подвесками (придворные дамы высшего разряда?), пяти вооруженных мужчин (воины?), четырех вооруженных мужчин при повозке (конюхи?), двух вооруженных слуг, вооруженного мужчины возле основного погребения (телохранитель?), трех людей без инвентаря (слуги-рабы?). Всего в шахте гробницы имеются сопроводительные захоронения 28 человек.

В гробнице № 1237 найдено 7 глиняных, 6 бронзовых сосудов, серебряный сосуд, украшения из золота и лазурита, 4 арфы, повозка. Основное погребение, к сожалению не сохранившееся, сопровождали захоронения 43 женщин с разнообразными украшениями, включая четырех арфисток (придворные дамы?), 27 женщин с золотыми листовидными подвесками (придворные дамы высшего разряда?), четырех вооруженных мужчин (воины?), двух людей без инвентаря при повозке (конюхи-рабы?). Всего в шахте гробницы имеются сопроводительные захоронения 76 человек.

Усыпальницы характеризуются наличием диадем с золотыми листовидными подвесками на головах женщин основного погребения, повозок, музыкальных инструментов, сопроводительными захоронениями, насчитывающими несколько десятков людей и состоящих в основном из женщин. Сопроводительные женские захоронения делятся на две группы: с головным убором, состоящим из листовидных золотых подвесок, и без него. Мужчины, сопровождающие основное захоронение, почти все погребены с оружием, лишь некоторые из них не имеют инвентаря.

Второй вариант включает гробницы № 1050, 1054, 1332. В гробнице № 1050 найдено 40 глиняных, каменные и

бронзовые сосуды, печать, украшения из бронзы и серебра. Основное погребение сопровождали захоронения 40 мужчин и женщин (воины? и придворные дамы?) с инвентарем. В 11 сопроводительных захоронениях инвентаря не обнаружено (слуги-рабы?). Всего в шахте гробницы имеются сопроводительные захоронения 51 человека.

В гробнице № 1054 найдено 6 глиняных, 2 каменных, 90 бронзовых сосудов, серебряный и золотой сосуды, печать, золотые украшения. Основное погребение сопровождали захоронения четырех вооруженных мужчин (телохранители?) и захоронение мужчины с оружием (воин?). В двух случаях инвентаря при скелетах не было (слуги-рабы?). В шахте находились и другие сопроводительные захоронения без инвентаря, но число их не указано.

В гробнице № 1332 найдена арфа и золотые украшения. Основное погребение, к сожалению не сохранившееся, сопровождали захоронения 44 женщин с разнообразными украшениями, включая арфистку (придворные дамы?), и двух вооруженных мужчин (воины?). Всего в шахте гробницы обнаружены сопроводительные захоронения 46 человек.

Усыпальницы характеризуются отсутствием повозок, сопроводительные захоронения женщин не имеют головных уборов с золотыми листовидными подвесками. Только в гробнице № 1054 основное женское погребение сопровождается диадемой с золотыми листовидными подвесками. Не исключено, однако, что основные женские захоронения двух других гробниц также имели аналогичные украшения, которые не сохранились, поскольку погребальные камеры обеих гробниц полностью уничтожены грабителями. Сопроводительные захоронения состоят в основном из женщин и насчитывают несколько десятков человек. Мужчины, сопровождающие основное захоронение, почти все похоронены с оружием, но в некоторых из них оружия нет. Сопроводительные погребения размещены в шахте и ее заполнении в несколько слоев.

К третьему варианту относится гробница № 580. В ней найдено 2 глиняных, 3 каменных, бронзовые, 2 серебряных сосуда, повозка, печать, золотые украшения, изделия из бронзы, электра, золота. Наличие сопроводительных украшений не установлено.

Усыпальница характеризуется отсутствием золотых листовидных подвесок, хотя они, возможно, были утрачены

вследствие ограбления могилы. В погребальной шахте обнаружены многочисленные медные миниатюрные изделия, напоминающие по форме медные шлемы.

2. Погребальная камера занимает всю площадь шахты и делится на ряд покоев. В одном или двух из них помещались тела людей, сопровождавших основное погребение. В двух других покоях располагались основные захоронения, которых всегда было два. Судя по гробнице № 777, это были мужчина и женщина. Основные погребения сопровождаются диадемами с золотыми листовидными подвесками. Сопроводительные захоронения немногочисленны, не более 10 человек. Как правило, это вооруженные мужчины. Сверху над гробницей сооружен поминальный храм. Повозок в погребениях нет. К этому типу относятся гробницы № 777, 779, 1236.

В гробнице № 777 найдено 2 глиняных, бронзовые, 2 серебряных сосуда, серебряные и золотые украшения, оружие. Основное погребение, к сожалению разграбленное, сопровождали захоронения четырех вооруженных мужчин (воины?), еще два вооруженных человека располагались перед входом в основную усыпальницу (телохранители?), кроме того, в гробнице имелось четыре скелета без инвентаря (слуги-рабы?). Всего в гробнице обнаружены сопроводительные захоронения 10 человек.

В гробнице № 779 найден каменный, 3 бронзовых, серебряный и золотой сосуда, золотые украшения, 2 печати, изделия из бронзы и серебра. Основное погребение сопровождали погребения пяти вооруженных мужчин (воины?), знаменосца со штандартом, четырех людей с небогатым инвентарем (слуги?). Всего в гробнице обнаружены сопроводительные захоронения 10 человек.

В гробнице № 1236 найдено 2 каменных, глиняные и бронзовые сосуда, серебряные и золотые украшения, 4 печати, изделия из серебра и бронзы. Наличие сопроводительных захоронений вследствие плохой сохранности гробницы не установлено.

3. Погребальная камера занимает большую часть шахты, оставляя перед входом в камеру лишь небольшой дворик. Поминальный храм отсутствует над двумя из трех гробниц этого типа. Гробницы небольшие по размерам, погребальный инвентарь их небогат. Повозки и золотые листовидные подвески отсутствуют. В гробницах этого типа основное погребение всегда мужское. Сопроводительные захоронения немногочисленны, не более четырех человек.

В гробнице № 1631 они вообще не представлены. Оружие в сопроводительных погребениях отсутствует. К этому типу относятся гробницы № 1618, 1631, 1648.

В гробнице № 1618 найдено 10 глиняных, 5 каменных, 7 бронзовых, 2 серебряных сосуда, бронзовые, серебряные, золотые украшения, оружие, изделия из бронзы. Основное погребение сопровождали захоронения четырех человек с небогатым инвентарем, включавшим украшения (слуги?).

В гробнице № 1631 найдено 5 глиняных и каменный сосуда. Сопроводительные захоронения не обнаружены.

В гробнице № 1648 найдено 6 глиняных, 9 каменных, 13 бронзовых сосудов и серебряные украшения. Основное погребение сопровождали погребения трех людей без инвентаря (слуги-рабы?).

Поскольку первыми были раскопаны богатые женские гробницы 1-го типа (№ 800, 1050, 1054), то было высказано предположение, что они связаны с культом богини плодородия. В погребенных в этих гробницах женщинах пытались видеть жриц, выполнявших роль богини плодородия, супруги верховного божества древнего Шумера. Сам акт их погребения рассматривался как драматизированное изображение брака верховной жрицы с главным божеством — покровителем города [89, с. 236].

Хотя в могилах этого типа действительно есть печать с титулом жрицы (№ 580) и титулом «госпожи (владычицы)» (№ 800), который могла носить жрица, тем не менее вышеприведенному толкованию противоречит находка печати с женским именем и титулом «жена царя» Ура в гробнице № 1050.

Гробницы 1-го типа (№ 800 и № 1050) относятся к двум различным вариантам. Первый вариант, очевидно, содержит останки женщин, носивших титул «владычица», как это зафиксировано для гробницы № 800. Они, видимо, были верховными жрицами Ура, выполнявшими эти функции при жизни. Второй вариант скорее всего содержал останки жен царей Ура, как об этом свидетельствует печать из гробницы № 1050. Гробница третьего варианта (№ 580) содержала, судя по бедности погребального инвентаря, останки жрицы более низкого ранга, чем жрицы, похороненные в гробницах первого варианта.

Повозки, запряженные быками [145, с. 102—104], найдены только в гробницах 1-го типа — предполагаемых погребениях жриц (№ 580, 789, 800, 1237). Этот факт про-

творечит высказанному Г. Чайлдом предположению, что повозки — атрибут именно царских захоронений [89, с. 229—236]. Детальный анализ погребального инвентаря позволил установить, какие именно гробницы Ура могут претендовать на роль царских. Жрицы и жены царей, похороненные в гробницах 1-го типа, всегда имеют на голове золотую диадему с листовидными подвесками. Очевидно, этот головной убор являлся символом высшего социального ранга персоны. Аналогичные головные уборы или их части были встречены при основных погребениях в гробницах 2-го типа. Как уже отмечено выше, основное погребение в гробницах этого типа представлено совместным, видимо, одновременным захоронением мужчины и женщины (№ 777). Упомянутые головные уборы свидетельствуют о том, что лица, погребенные в гробницах 2-го типа, имели высший социальный ранг. Скорее всего, перед нами захоронения царей (лугалей) города Ура в сопровождении их жен. В гробнице № 1236 найдена печать с именем владельца.

Весьма показательно отсутствие золотых листовидных подвесок в гробницах 3-го типа. Они имеют сравнительно бедный погребальный инвентарь и характеризуются малочисленностью сопровождающих захоронений на фоне остальных гробниц. В погребениях нет печатей с именами владельцев. Все эти обстоятельства заставляют предположить, что люди, похороненные в гробницах 3-го типа, не были персонами царского ранга. Видимо, в этих усыпальницах погребены представители боковых ветвей царствующего дома или члены близких к царскому двору знатных родов.

Свита, сопровождающая погребения жриц и царей, весьма многочисленна и достигает в ряде случаев нескольких десятков человек (в гробнице № 789 — 62 человека, № 1050 — 51 человек, № 1237 — 76 человек). Она состоит, как правило, из женщин. Многие из них имеют головные уборы с золотыми листовидными подвесками — символом принадлежности к царскому двору или храму главной жрицы и положены вблизи погребальных камер. Число воинов и вооруженных слуг в гробницах этого типа значительно меньше и колеблется от 4 до 13 человек. Свита царских погребений (гробницы 2-го типа) довольно незначительна (не более 10 человек) и состоит из воинов и вооруженных телохранителей. Свита в гробницах 3-го типа состоит из 3—4 невооруженных слуг.

Юридический статус лиц, сопровождавших основное захоронение, не вполне ясен, хотя богатый погребальный инвентарь, положенный большинству членов свиты (придворные дамы, воины), может указывать на их свободное состояние. Косвенным доказательством того, что по крайней мере часть придворных дам в головных уборах с листовидными подвесками имела статус свободных, являются погребения с аналогичными головными уборами, обнаруженные при раскопках царского могильника Ура. В трех из четырех могил этого типа умершие захоронены в деревянных гробах, что было большой редкостью для царского могильника и, видимо, свидетельствует об их особом социальном положении. Во всех могилах этого типа обнаружен богатый погребальный инвентарь.

В могиле № 755 — глиняные, каменные, бронзовые, золотые и серебряные сосуды, оружие, печать, шлем, жезл, изделия из бронзы, бронзовые, золотые и серебряные украшения. В могиле № 1234 — глиняные, каменные, бронзовые сосуды, золотые и серебряные украшения. В могиле № 1315 — глиняные, каменные, бронзовые сосуды, печать, золотые и серебряные украшения. В могиле № 760 — глиняные сосуды, золотые и серебряные украшения. Умерший похоронен в грунтовой яме. Очевидно, тех членов придворной свиты, которые умирали естественной смертью, хоронили на городском кладбище в соответствии с общепринятым погребальным обрядом.

Захоронениями рабов можно предположительно считать только безынвентарные погребения в заполнении шахт некоторых гробниц и погребения слуг без инвентаря в гробницах 3-го и 2-го (при повозках и гардеробе с одеждами) типов.

Трудно установить также, каким образом происходило умерщвление людей, сопровождавших основное захоронение. Л. Вулли выдвинул гипотезу, согласно которой их смерть наступала в результате добровольного отравления ядом [19, с. 72], но не привел никаких доказательств в пользу своего предположения. Между тем установлено, что в ряде случаев черепа воинов разможены ударами необычайной силы, которые деформировали даже медные шлемы на их головах [19, с. 63]. Очевидно, они были умерщвлены ударами топоров или булав. Вероятно, все члены свиты были лишены жизни насильственным способом при помощи холодного оружия либо посредством удушения. Убийство, видимо, происходило на стороне, и

в шахте, судя по скелетам, которые лежат в характерной для царского могильника позе — на боку, в слегка скорченном положении [19, с. 85], размещались уже мертвые тела.

Шахтные гробницы Ура относятся к III раннединастическому периоду, но их генезис восходит, вероятно, ко II раннединастическому периоду, судя по находке погребений с колесницами в могильнике Y города Киша [263, с. 30—31; 214, с. 41—43; 235, с. 164]. Самым богатым захоронением с колесницей (всего их раскопано три) является могила Y529. В ней имеется повозка, медный кинжал, бронзовые изделия, глиняные и бронзовые сосуды.

Примерно к этому же времени относятся каменные гробницы под храмом богини Иштар в северомесопотамском городе Мари [230, с. 60—61; 23, с. 4—6], ограбленные еще в древности. Часть инвентаря сохранилась в гробнице № 300, где найдено зеркало, бронзовая посуда, бронзовый топор, 36 глиняных сосудов, изделия из золота, серебра, лазурита. В камере сохранились части костяка с двумя воткнутыми в шейные позвонки длинными медными булавами. По мнению Чайлда, это скелет слуги, умерщвленного во время похорон своего владыки [89, с. 229—230].

Богатые каменные гробницы раскопаны в северной Сирии (Тиль Барсиб) и южной Турции (Гедикли). Они датируются концом III тысячелетия до н. э. В Тиль Барсибе [256, с. 96—108, рис. 28] яма-шахта целиком занята каменной усыпальницей. Из небольшой предвратной камеры узкий коридор вел в усыпальницу, в восточной части которой лежало два костяка, поврежденных упавшей сверху плитой перекрытия. Поблизости от них обнаружено захоронение жертвенного животного — козы. Один угол усыпальницы занят грудой глиняных сосудов, количество которых достигает 1045. Кроме них, в усыпальнице имелись 3 бронзовых сосуда, 8 бронзовых топоров, 9 кинжалов, 6 копий, зеркало, 3 булавы и, вероятно, уздечное кольцо с изображением лошадей.

Аналогичная погребальная камера, но меньших размеров вскрыта в Гедикли [107, с. 30—31]. К сожалению, она оказалась полностью разграбленной. В гробницу вел дромос, длина которого достигает 7 м. Погребальная камера находилась ниже уровня поверхности на 7 м.

М. Меллинк сообщает, что в окрестностях города Газантепа (юг Турции) крестьяне разграбили богатую гробницу, аналогичную усыпальнице Тиль Барсиба [207, с. 139].

В Малой Азии богатые гробницы открыты в центральной Анатолии на поселениях Аладжа-Хёюк и Хороз-тепе [111; 179; 180; 229].¹

В Аладжи-Хёюке раскопано 13 погребальных камер, стены которых выложены камнем, а пол выстлан сырцовым кирпичом или камнем. Гробницы перекрыты деревянными балками, поверх которых насыпана земля и уложен слой сырцовых кирпичей.

После похорон над могилами происходили тризны, во время которых убивали жертвенных животных — быков. Их мясо, по-видимому, съедали, а шкуры с черепами и конечностями укладывали на перекрытие гробниц. Вокруг могил расположено многочисленных захоронения других жертвенных животных [225, с. 57—58].

По составу погребального инвентаря захоронения неоднородны. Наиболее богаты могилы А, L, В, Н, К, Т. В каждом из них умерший покоится на ложе с балдахином. Лоб покойного украшен золотой диадемой. Одежды расшиты серебряными и золотыми украшениями. Вблизи скелетов найдены так называемые штандарты: геометрические и зооморфные навершия.² На зооморфных штандартах изображены быки, обрамленные рамкой геометрических узоров. Штандарты, по-видимому, насаживались на деревянные рукояти. Кроме того, в каждом погребении представлены навершия в виде фигурок быков,³ изредка оленей.⁴ В могилах имеются оружие, глиняные, серебряные, золотые сосуды.⁵ Постоянный атрибут захоронений — навершия жезлов (видимо, символы власти).⁶ В двух гробницах А и К встречены изделия из железа: застежка золотой фибулы и кинжал с серебряной инкрустацией.

По набору инвентаря к основному ядру погребений примыкает могила С, где есть штандарт с геометрическим орнаментом и фигурка быка, отсутствуют диадема, золотой сосуд, навершие жезла. Последнее объясняется, видимо, неоднократными подхоронениями в гробницу С. Она вскрывалась три раза для подхоронений. При этом положение костяков нарушалось и часть инвентаря, вероятно, была утрачена.

Немного беднее могилы А', Е, D. В могиле А' представлены обе разновидности штандартов и фигурка оленя, отсутствует балдахин. В могиле Е представлены штандарт с геометрическим орнаментом и фигурка быка, отсутствует жезл. В могиле D представлены обе разновидности штандартов и фигурка быка, нет диадемы и жезла.

Богато расшитые одежды, штандарты, фигурки животных имеются в 11 гробницах. В четырех захоронениях обнаружены женские статуэтки.⁷

Гробницы F, R, S содержат сравнительно бедный инвентарь. В могиле F имеются только украшения. В захоронении R найдены посуда и украшения. Здесь похоронен молодой мужчина [175, с. 93]. Погребение S (без фигурки животного) очень бедное, хотя в нем есть штандарт с геометрическим орнаментом, оружие и жезл.

Датировка гробниц Аладжи-Хёюка варьирует в пределах 2700—2000 гг. до н. э. [201, с. 151; 125, с. 28—31]. На более аргументирована дата К. Биттеля, которая основана на датировке металлических изделий, обнаруженных в гробницах. Эта дата устанавливает не абсолютный возраст аладжинских находок, а период относительной хронологии в соответствии с хронологической шкалой Месопотамии. По Биттелю, некрополь датируется аккадским временем Месопотамии [123, с. 20; 125, с. 31].

По погребальному обряду и составу инвентаря погребение в Хороз-тепе аналогично гробницам Аладжи-Хёюка. Могила была обнаружена крестьянами и сильно повреждена ими, поэтому об устройстве погребальной камеры ничего не известно. В могиле найдены навершие штандарта, фигуры быка и оленя, женская статуэтка, оружие, металлическая посуда, украшения, остатки балдахина, посуда из электра, 2 бронзовых обеденных столика, музыкальный инструмент. Гробница в Хороз-тепе расположена за пределами поселения.

Вещи, аналогичные вещам из гробниц Аладжи-Хёюка и Хороз-тепе, встречены крестьянами при грабительских раскопках в местечках Кайяпынар и Махматлар в центральной Анатолии [255, с. 324—327; 181, с. 481—485]. По словам крестьян, золотая и серебряная посуда, бронзовое оружие, украшения происходили из погребений. Видимо, здесь были разграблены могилы аладжинского типа. Большой интерес представляет находка в Махматларе 8 слитков серебра, которые могли служить меновой единицей. Эта находка, возможно, является свидетельством стремительно развивающейся в это время малоазийской торговли металлом с соседними странами.

Существуют две точки зрения относительно социологической интерпретации богатых погребений Тиль Барсиба, Аладжи-Хёюка и Хороз-тепе. Одни исследователи считают их царскими [201, с. 151 и след.], другие — погребениями

знати [51, с. 169; 163, с. 24]. Для того чтобы присоединиться к одному из этих мнений, необходимо установить разницу между погребениями знати и царскими могилами. Сравним с этой целью богатые погребения северной Сирии и Малой Азии с шахтными гробницами Ура.

Как уже отмечалось выше, в шахтных гробницах Ура похоронены представители высшего социального слоя общества, одного из древнейших городов-государств Шумера (верховные жрицы, цари и их жены, знать, приближенная ко двору). Их погребения характеризуются монументальностью сооружений, богатством погребального инвентаря, сопроводительными человеческими захоронениями. Кроме того, в могилах царей и верховных жриц обнаружены печати с титулами, в погребениях верховных жриц — повозки.

Погребения китайских ванов, раскопанные в Аньяне (XIV—XII вв. до н. э.), также характеризуются богатством инвентаря, монументальностью погребальных сооружений, сопроводительными человеческими захоронениями, повозками [51, с. 170—172].

Погребения Тиль Барсиба, Аладжи-Хёюка и Хороз-тепе не имеют сопроводительных человеческих захоронений. Правда, в усыпальнице Тиль Барсиба обнаружено два костяка, но это могло быть захоронением супружеской пары, как в гробницах царей Ура.

В рассматриваемых погребениях отсутствуют находки печатей. Единственная печать из захоронения В (Аладжа-Хёюк) имеет явно хеттский облик и, вероятно, случайно попала в погребальную камеру из вышележащих слоев хеттского времени.

В богатых гробницах Сирии и Малой Азии нет повозок. Правда, Дж. Мелларт и В. Ортман пытались оспорить этот факт относительно погребений Аладжи-Хёюка [201, с. 155; 221]. Ортман считает, что от поставленных в могилы Аладжи-Хёюка колесниц сохранились только навершие штандартов, являвшихся атрибутами упряжи быков, везших повозки. Колесницы были размещены в могиле, быки заколоты и уложены на перекрытия гробниц. Как справедливо отметил Б. Хроуда [172, с. 138], эта трактовка неубедительна. Никаких следов колесниц в могилах не отмечено. На перекрытия гробниц клали шкуру, череп, ноги быка. Полного скелета быка не найдено ни в одном случае. Штандарты располагались в непосредственной близости с покойными, явно указывая на то, что они имели прямое

отношение к умершему. К тому же размеры гробниц Аладжи-Хёюка, не отличающиеся монументальностью, не достаточны, чтобы разместить в них повозки.

Усыпальницы Аладжи-Хёюка находятся в пределах поселения на развалинах более ранних домов [225, с. 59], поэтому трудовые затраты, связанные с сооружением усыпальниц, незначительны, по крайней мере для ранних захоронений. Камень брали из заброшенных фундаментов, так как сырцовые стены домов возводили на каменном цоколе.

Сравнение шахтных гробниц Ура с богатыми усыпальницами северной Сирии и Малой Азии показывает, что погребения Тиль Барсиба, Аладжи-Хёюка, Хороз-тепе лишены многих атрибутов, присущих погребениям знати раннеклассовых обществ Древнего Востока вообще (монументальность погребальных сооружений, сопроводительные человеческие захоронения) и царским захоронениям (печати с титулами) в частности. В связи с этим гробницы Тиль Барсиба, Аладжи-Хёюка и Хороз-тепе, характеризующиеся богатством инвентаря и особой формой погребальных сооружений, следует интерпретировать как гробницы знати эпохи формирования основ раннеклассового общества (финальная часть периода ремесел).

В Тиль Барсибе поражает обилие оружия в гробнице. Перед нами, очевидно, захоронение военного предводителя, вождя племени. Остается неизвестным, кто был погребен вместе с вождем-военачальником — женщина или мужчина. Упавшая плита настолько повредила костяки, что пол и возраст погребенных установить не удалось.

Для интерпретации погребений Аладжи-Хёюка и Хороз-тепе первостепенное значение имеют женские статуэтки, штандарты и зооморфные навершия. Упомянутые категории вещей символизируют высокое общественное положение умерших, которое могло быть связано с выполнением жреческих функций, в то время как оружие и скипетры являются символами светской власти. Видимо, основная группа усыпальниц Аладжи-Хёюка и погребение в Хороз-тепе содержат останки вождей-жрецов, функции которых могли быть сосредоточены в руках одного человека. Вожди-жрецы (гробницы А, А', В, С, D, E, H, K, L, T) составляли высший социальный слой общества, выделявшийся своей знатностью и богатством. В усыпальницах зафиксированы подхоронения, вероятно, членов семьи

вождей. В гробницу С подхоронено два человека, в гробницу T подхоронена женщина [175, с. 39].

В относительно бедных могилах (F, R, S), возможно, похоронены члены того же рода, к которому принадлежали вожди-жрецы. Но в силу ряда причин (боковые ветви, ранняя смерть, младшие братья) они имели более низкий социальный статус. В таком случае аладжинский некрополь следует рассматривать как могильник знатного рода, который, судя по богатству инвентаря и своеобразию погребальных сооружений, возведенных для его членов, возглавлял племенное объединение.

Кроме богатства погребального инвентаря гробницы знати Месопотамии и Малой Азии имеют еще одну общую черту. Они характеризуются наличием «бытовых» удобств, которые облегчили бы умершему существование в потустороннем мире. В гробницах знати тела умерших расположены на удобных деревянных ложах, иногда под балдахинами. Погребальный инвентарь включает зеркала, гребни, ларцы и шкатулки для хранения различных вещей, туалетные наборы, игральные доски, музыкальные инструменты, обеденные столики.

В среднеазиатском и иранском регионах нет погребений знати, хотя бы отдаленно напоминающих богатые гробницы Месопотамии и Малой Азии. Богатые погребения общинной верхушки (Алтын-Депе, Улуг-Депе, Гисар) характеризуются прежде всего не особой формой погребального сооружения, не богатством инвентаря (хотя в какой-то степени этот фактор играет свою роль), а усложнением церемонии похорон, которая все более выступает на передний план. Особый статус умершего реализуется по линии разработки сложных погребальных церемоний, что доступно любому обществу, где невысок уровень развития производительных сил и ограничена возможность накопления материальных ценностей в руках отдельных семей.

Примечания к главе IV

¹ Ряд фактов, связанных с обстоятельствами находки гробниц Дорака в западной Анатолии (200; 201, с. 151—152; 242, с. 229—232), заставляет сомневаться в достоверности этих могил как замкнутых погребальных комплексов. Поэтому они не рассматриваются в настоящей работе.

² В могиле К нет навершия с геометрическим орнаментом. Зооморфные штандарты представлены в могилах В, К, L.

³ Могилы Н, К, L, Т.

⁴ Могилы А, В.

⁵ Оружие отсутствует в могиле L.

⁶ В могиле L жезл не найден.

⁷ А', В, Н, L.

ГЛАВА V

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПЛЕМЕН ПО ДАННЫМ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ

Имеющиеся данные о локализации могильников позволяют сделать вывод, что расположение некрополей вне поселений не зависит от характера социального строя древнеземледельческих обществ. В западной Анатолии (Хаджилар, Бабакей, Йортан, Кушура, Караташ, Троя), юго-восточном Иране (Тали Иблис, Шахри-Сохте, могильник близ города Шехабада), западном Иране (луристанские могильники) могильники вне поселений появляются очень рано (период развитой экономики производящего типа). Возникнув в VI тысячелетии до н. э., эта традиция существует в упомянутых регионах в течение нескольких тысячелетий. Незначительное количество погребений взрослых, обнаруженных при раскопках ряда поселений северной Месопотамии (Телль-эс-Севван, Хассуна, Гавра) и открытие обособленного могильника в Самарре позволяют прийти к выводу, что аналогичная традиция характерна также для некоторых районов севера Месопотамии.

В Средней Азии, на большей части территории Ирана, в центральной и восточной Анатолии, в ряде районов северной Месопотамии (Чагир-Базар, Арпачия) умерших хоронили на поселениях. Таким образом, локализация погребений на поселениях или вне их зависела, видимо, от специфики всего комплекса представлений, связанных со смертью человека в различных земледельческих обществах.

В тех регионах, где умерших хоронили на поселениях, бессистемное расположение могил характерно только для

периода архаической экономики производящего типа. Позднее (период развитой экономики производящего типа, период ремесел) могилы на поселениях группируются «гнездами» (Геоксюр, Алтын-Депе, Гисар, Алишар). Это связано с появлением традиции хоронить умерших в специально отведенных для погребения местах, которыми были пустовавшие по каким-либо причинам части поселений.

Периодическая перепланировка поселений приводила к частой смене мест захоронений. Вследствие этого могилы и жилые постройки чередуются на одном и том же участке поселения. Это обстоятельство привело к появлению ошибочной гипотезы о том, что древнеземледельческое население хоронило умерших под полами функционирующих жилищ. Между тем веские археологические и этнографические доказательства этой гипотезы отсутствуют.

Появление долговременных обособленных могильников на поселениях или вне их, там, где ранее этой традиции не было, происходит в период интенсивного социального и имущественного расслоения населения, который непосредственно предшествует формированию раннеклассового общества (южная Месопотамия: Эреду, Ур).

Могилы детей, как правило, сконцентрированы на поселениях, даже там, где взрослых хоронили вне поселений (Гавра, Телль-эс-Севван, Хаджилар, Караташ). На некоторых поселениях (Алтын-Депе, Гавра, Телль-эс-Севван, Джан Хасан) обнаружены обособленные детские могильники. Но гораздо чаще детей, особенно младенцев и новорожденных, хоронили под полами функционирующих домов. Как правило, детские костяки лежат под порогами домов, иногда в очагах (Алтын-Депе). Порог, а также очаг являются у многих народов обитания духов предков [90, с. 153]. Хороня маленьких детей под полами домов, родители, видимо, стремились защитить их от злых сил, передав под защиту добрых духов — пращуров. Еще в XIX в. обряд захоронения новорожденных и маленьких детей в жилище вблизи домашнего очага или в сенях под порогом сохранялся у славянских народов [26, с. 36—40]. Родители были уверены, что предки рода, находясь рядом с умершим, примут его под свою защиту.

Погребения детей под полами домов также связаны с верой в возрождение умерших младенцев [77, с. 302; 165, с. 9—10; 14, с. 196—198]. Наконец, часть детских захороне-

ний под полами домов, возможно, является жертвенными погребениями, обеспечивающими прочность постройки [27, с. 5].

Кроме одиночных погребений для древнеземледельческих культур Средней Азии и Ближнего Востока характерны коллективные захоронения. Они появляются еще в период архаической экономики производящего типа в Иране и Малой Азии. В последующие периоды коллективные погребения обнаружены повсеместно, кроме центральной Анатолии. Многие из них первоначально были ошибочно интерпретированы как захоронения людей, умерших от инфекционных болезней или убитых в военных столкновениях [140, с. 707; 146, с. 179; 158, с. 44, 61; 246, с. 440; 258, с. 49—50]. Очевидно, традиция коллективных могил отражает единую для всех древнеземледельческих культур тенденцию общественного развития. Коллективные погребения исчезают в период формирования раннеклассового общества (Месопотамия).

Коллективные захоронения преобладают в Чатал-Хёкье (период архаической экономики производящего типа), Хаджи-Фирузе, Геоксюре (период развитой экономики производящего типа), Алтын-Депе, Улуг-Депе, Хапуз-Депе, Караташе, луристанских могильниках, Эреду (период ремесел). Следует указать, что вследствие ограниченного масштаба раскопок выборки коллективных погребений по многим могильникам весьма незначительны. В действительности количество коллективных могил могло быть значительно больше того, которым мы сейчас располагаем.

Коллективные погребения можно разделить на две группы. Первую составляют могилы, в которых найдено до 8 скелетов взрослых людей.¹ Эти погребения представлены равномерно во всех регионах (период архаической экономики производящего типа—период ремесел). Вторую составляют могилы, в которых найдено от 9 до 40 скелетов взрослых людей.² Эти погребения очень редки для двух первых периодов развития экономики производящего типа. Их количество резко возрастает в период ремесел для среднеазиатского (Алтын-Депе, Хапуз-Депе) и иранского (луристанские могильники) регионов.

Как правило, в коллективных могилах похоронены взрослые и лишь изредка дети. Судя по погребениям Средней Азии, в которых имеются костяки мужчин и женщин, распределение умерших по могилам зависело не от их пола, а от принадлежности к определенным коллективам.³

В Средней Азии (Геоксюр) коллективные усыпальницы (толосы) группируются гнездами, которые отделены друг от друга глинобитными стенами [72, с. 25]. Известны случаи, когда над переполненным толосом надстраивался другой, хотя рядом было достаточно места для постройки новой гробницы [72, с. 24]. Прямые аналогии расположению толосов Геоксюра обнаружены в могильнике Караташ (западная Анатолия), где коллективные погребения совершены в больших глиняных сосудах. Нередки случаи, когда в одной могильной яме располагались бок о бок два сосуда с коллективными захоронениями. Иногда они размещены один над другим в два яруса. По-видимому, и в Геоксюре, и в Караташе люди хотели подчеркнуть этим преимущество групп захоронений в коллективных могилах, которые, очевидно, принадлежали одному и тому же коллективу. Очищение толосов от костей умерших людей и вторичное использование их для новых погребений еще раз подчеркивает стремление геоксюрцев хоронить умерших в одних и тех же могилах. В нескольких толосах отмечены захоронения кровных родственников [72, с. 24—25].

Эти факты позволяют согласиться с мнением тех исследователей, которые видят в коллективных погребениях древнеземледельческого населения Средней Азии и Ближнего Востока семейные склепы [43; 53, с. 104; 72, с. 23—25].

В связи с тем что данные о коллективных погребениях по целому ряду регионов весьма фрагментарны, исследование коллективных могил для изучения эволюции семьи в древнеземледельческих обществах следует провести прежде всего для тех районов, в которых они преобладают.

На ранних стадиях экономики производящего типа количество костяков взрослых в коллективных могилах в основном варьирует от 3 до 8. Это дает основание рассматривать данные погребения как захоронения членов малых семей. Каждую коллективную могилу использовали, видимо, в течение жизни 1—3 поколений. Еще одним свидетельством того, что в период архаической экономики производящего типа основной экономической ячейкой общества была малая парная семья, является традиция домостроительства. Поселки древнейших земледельцев (Чатал-Хёюк, Джейтун) застроены однокомнатными домами, рассчитанными на супружескую пару и их детей.

Появление коллективных погребений в процессе становления производящего хозяйства, вероятно, является

отражением в погребальных обрядах тенденции к экономической обособленности отдельных семей, которые теперь и идеологически осмысливают себя как отдельные коллективы. Повышение на данном этапе роли семьи в общественно-экономической жизни общества отмечено этнографами [18, с. 141—142]. Большая или меньшая степень хозяйственной обособленности отдельных семей зависела от уровня развития производительных сил, который в свою очередь во многом еще обусловлен природными факторами. Так, материалы Чатал-Хёюка, расположенного на плодородной равнине Конья в Малой Азии, свидетельствуют о более высоком по сравнению с другими регионами уровне развития земледелия. По всей вероятности, не случайно в Чатал-Хёюке доминирует коллективный обряд погребения, тогда как в других земледельческих центрах они относительно редки (Ганш-Даре, Али-Кош). Впрочем, вопрос о степени распространения коллективных погребений у древнейших земледельцев Ирана и Средней Азии на данном этапе остается открытым, так как захоронения этих регионов еще недостаточно исследованы.

В Чатал-Хёюке найдено несколько коллективных погребений, в которых похоронено до 30 человек. Погребальные склепы этого типа, видимо, являются захоронениями членов большесемейных коллективов. Очевидно, эти погребения указывают на самый начальный этап их формирования на Ближнем Востоке (VII тысячелетие до н. э.), который еще не отразился на характере жилой застройки поселений, так как многокомнатные дома, свидетельствующие о наличии большесемейных коллективов, нигде не зафиксированы.

В период развитой экономики производящего типа основной экономической ячейкой общества становится большая семья, что подтверждается повсеместным появлением многокомнатных домов. Тем не менее подавляющее количество коллективных могил этого периода по-прежнему содержит не более 8 костяков взрослых людей. Материалы такого сравнительно хорошо изученного региона как юг Туркмении обнаруживают любопытную закономерность в локализации коллективных погребений на поселении. В Геоксюре они расположены компактными группами, отделенными одна от другой отрезками глинобитных стен. Если каждый толос содержит останки членов малых семей, то группа, состоящая из нескольких толосов, возможно, является местом погребения членов большесемейной об-

щины, объединяющей несколько малых семей. Топография коллективных погребений юга Туркмении, очевидно, свидетельствует о сохранении известной хозяйственной автономии малых семей, объединенных в большесемейные общины.

Процесс сложения большесемейных коллективов неизбежно приводил и к появлению больших усыпальниц, в которых могли быть похоронены члены одной большой семьи. Примерами таких усыпальниц служат два толоса Геоксюра, в которых обнаружено 10—11 скелетов и гробница Кара-Депе, где выявлено 24 костяка.

За пределами Средней Азии коллективные погребения второй группы (свыше 9 скелетов в могиле) встречены в Хаджи-Фирузе (Иран), Гавре (северная Месопотамия). Гораздо чаще в Передней Азии встречаются погребения первой группы: Хаджи-Фируз (Иран), Телль-эс-Севван, Хассуна, Матарра, Гавра (северная Месопотамия), которые интерпретируются нами как захоронения членов малых семей. Они обнаружены даже в Луристане (Хакалан), где земледелие вряд ли являлось основной формой хозяйства.

Антропологические определения скелетов, обнаруженных в коллективных погребениях, имеются только для Средней Азии (Геоксюр). В трех случаях в толосах преобладают женские скелеты, в пяти — количество мужских и женских скелетов одинаково. Только в одном толосе больше захоронений мужчин.

В период ремесел по-прежнему доминируют коллективные погребения первой группы. Для среднеазиатского (Алтын-Депе) и иранского (Луристан) регионов характерно увеличение количества коллективных погребений второй группы. В могилах, содержащих останки членов большесемейных общин, погребено до 40 человек, а в луристанских погребениях, возможно, и больше. В Средней Азии (Алтын-Депе) раскопано 20 погребальных камер первой группы и 9 погребальных камер второй группы. В захоронениях преобладают женские скелеты, что, видимо, свидетельствует о полигамии [53, с. 104]. Количество костяков, выявленных в гробницах Луристана, не исключает возможности видеть в них погребения членов нескольких большесемейных общин.

За пределами Средней Азии и Ирана коллективные погребения первой группы в большом количестве зафиксированы в могильнике Караташ (западная Анатолия). Ог-

ромные пифосы, содержащие коллективные захоронения, расположены иногда группами, как в Геоксюре, что позволяет усматривать в них усыпальницы большесемейных общин.

Коллективные погребения первой группы преобладают также в могильнике Эреду (южная Месопотамия). В отдельных случаях они встречены и в других районах Ирана (Сиалк, Гисар, Джамшеди, Геой-тепе, Шах-тепе) и Месопотамии (Ур, Арпачия).

Анализ коллективных погребений периода развитой экономики производящего типа и периода ремесел показывает, что в тех регионах, где они составляют большинство, каждая семья, входившая в большесемейную общину, как правило, имела семейный склеп, что, по-видимому, свидетельствовало об ее экономической обособленности в рамках большой семьи. Вместе с тем для некоторых районов прослежена и другая тенденция, связанная с постепенным ослаблением в период ремесел хозяйственной автономии малых семей, образующих большесемейную общину, что нашло наиболее яркое отражение в погребениях юга Туркмении, где в этот период увеличивается количество больших погребальных склепов, предназначенных для захоронения членов больших семей.

Формирование основ раннеклассового общества сопровождалось интенсивным развитием ремесел и торговли, что приводило к появлению больших групп населения, не связанных непосредственно с производительным трудом. Это обстоятельство, а также значительный прирост населения требовали расширения посевных площадей. Так, в условиях южной Месопотамии дальнейшее развитие земледелия содействовало созданию крупных ирригационных систем. Сооружение больших каналов и поддержание нормального режима их функционирования неизбежно приводило к кооперации труда нескольких общин. Одновременно усилились процессы имущественного и социального расслоения.

Эти факторы вели к ослаблению экономической обособленности больших семей и ускорили процесс разложения родовых связей, способствуя формированию территориальных общин [18, с. 143—145]. Именно поэтому в Двуречье начиная с урукского периода исчезают коллективные захоронения. Появление в Уре коллективных гробниц старовавилонского периода требует специального рассмотрения, что не входит в задачу данной работы.

Коллективные погребения, несмотря на их широкое распространение в отдельных регионах (юг Туркмении, Луристан, юг и запад Малой Азии), всегда сосуществуют с одиночными могилами. Попытка усмотреть в этом симбиоз двух разноэтнических групп населения [67, с. 19; 72, с. 25] не подтверждается археологическими материалами.

Раскопки на юге Туркмении показали, что погребения взрослых концентрируются только на крупных поселениях. И. Н. Хлопин предложил два варианта интерпретации этого факта: жители небольших поселков хоронили умерших либо вне поселений в грунтовых могильниках, до сих пор не обнаруженных, либо на кладбищах, находящихся в первичных центрах распространения древнеземледельческой культуры подгорной полосы Копет-Дага [86, с. 166].

Первоначально я склонялся в пользу второго предположения Хлопина, считая коллективные захоронения усыпальницами семей, составлявших общину поселка, на территории которого располагалось кладбище. Одиночные погребения рассматривались при этом как захоронения людей, живших в других поселках и не являвшихся членами общины. Следовательно, на одном могильнике были сконцентрированы захоронения людей, принадлежавших к разным общинам [4, с. 6—7].

Два обстоятельства заставили меня отказаться от первоначального объяснения. Во-первых, если господствовал обычай захоронения в семейных усыпальницах, то его должны были придерживаться не только жители поселка, на территории которого располагалось кладбище, но и жители других поселков, пользовавшихся этим же кладбищем. В таком случае могильник должен был состоять только из коллективных погребений, чего в действительности нет. Во-вторых, анализ погребений Алтын-Депе показал, что в одиночных могилах нередко похоронены люди с богатым погребальным инвентарем, в которых трудно видеть выходцев из небольших поселений сельского типа, поскольку на них, как показывают материалы других регионов, найдены только бедные погребения.

Таковы обстоятельства, которые позволяют согласиться с первым вариантом интерпретации, предложенным Хлопиным, и тем самым рассматривать людей, похороненных в коллективных и одиночных могилах, в основном как жителей одного поселка.

Обзор погребений юга Туркмении (Алтын-Депе) позволил прийти к выводу, что выбор места захоронения в первую очередь зависел от статуса умершего. Вне семейных усыпальниц похоронена часть представителей общинной знати (богатые могилы № 60 и 362 с вещами культового характера) и группа предположительно патриархальных рабов (бедные безынвентарные могилы с предельно сильной степенью скорченности костяков). Кроме того, в семейных усыпальницах, видимо, нельзя было хоронить «чужаков», не являвшихся членами данной общины (бедные и стандартные погребения с легкой степенью скорченности костяков). Выбор места погребения мог также определяться причиной смерти, в особенности для женщин (смерть во время беременности, родов или в послеродовый период). Все указанные факторы способствовали сосуществованию коллективных и одиночных погребений в древнеземледельческих обществах.

Изучение погребальных обрядов позволяет также дать оценку некоторым факторам, способствовавшим процессу классовобразования в обществах с экономикой производящего типа.

Начиная с периода архаической экономики производящего типа погребения, обнаруженные при раскопках больших поселений типа Чатал-Хёюк, богаче погребений, найденных на небольших поселениях (Ганш-Даре, Али-Кош). Эта тенденция характерна для всех последующих периодов, причем богатые погребения с изделиями из металла, печатями, оружием, символами власти, вещами культового характера концентрируются только на крупных поселениях или на поселениях протогородского и городского типа (Геоксюр, Кара-Депе, Телль-эс-Севван, Гавра — период развитой экономики производящего типа; Алтын-Депе, Улуг-Депе, Тюренг-тепе, Гисар, Гавра, Кархемиш — период ремесел; Гавра, Ур, Киш — эпоха раннеклассовых обществ).

В период ремесел погребения раннегородских центров (Алтын-Депе, Гисар, Тюренг-тепе, Гавра, Кархемиш) дают от 6 до 9 типов инвентаря, тогда как для погребений небольших поселений сельского типа характерны 2—3 типа (Джамшеди, Геой-тепе, Алишар, Кушура, Телуль-эт-Талатат), в отдельных случаях до 5 (Гиан, Шах-тепе) типов инвентаря.

Еще рельефнее эта тенденция проступает в эпоху раннеклассовых обществ. В погребениях городских центров

этого периода обнаружено 7—8 типов инвентаря (Ур, Киш, Кюль-тепе), в сельских поселениях — 3—5 типов (Джем-дет-Наср, Эль-Убейд).

Для III раннединастического периода 100 могил «воинского» кладбища в Уре распределяются следующим образом: безинвентарные — 5; с сосудами — 4; с украшениями — 36; с оружием — 23; с печатями — 13; с печатями и оружием — 18; с орудиями труда — 1.

90 погребений поселения сельского типа этого же времени в Эль-Убейде распределяются так: без инвентаря — 6; с сосудами — 59; с украшениями — 16; с оружием — 4; с орудиями труда — 5. Могилы с оружием и печатями; печатями не представлены. Очень мало здесь и погребений с оружием. Материалы могильника в Эль-Убейде наглядно свидетельствуют, что военно-бюрократическая верхушка шумерийского общества была сосредоточена только в городских центрах.

Приведенные данные показывают, что раннегородские и городские центры, будучи сосредоточием ремесла и торговли, оказались мощными стимуляторами процессов социального и имущественного расслоения населения, тогда как в сельских поселениях аналогичные процессы протекали значительно медленнее. Это еще раз подтверждает точку зрения тех исследователей, которые считают, что процесс классообразования в древнеземледельческих обществах проходил под огромным воздействием «городской революции», постепенно приведшей к формированию экономических и культурных основ древних цивилизаций [52; 53, с. 119—131; 89, с. 193—227]. Классическим примером формирования раннеклассового общества в результате бурного роста городов является цивилизация древнейшего Шумера на юге Двуречья.

Упадок раннегородских центров в конце III—начале II тысячелетия до н. э. (Средняя Азия, Иран) затормозил, как показывают материалы погребений, социальное расслоение населения, что отрицательно сказалось на процессе классообразования. Кризис протогородских центров Средней Азии и Ирана (Алтын-Депе, Улуг-Депе, Намазга-Депе, Гисар, Тюренг-тепе, Шахри-Сохте) задержал на несколько столетий становление раннеклассовых обществ в этих регионах.

Предпосылкой формирования раннегородских центров явилось прежде всего интенсивное развитие земледелия как формы хозяйства, которая способствовала прочной

оседлости населения и концентрации его в ряде поселений, занимавших выгодное географическое положение. Возможность получения регулярного прибавочного продукта довольно быстро вызвала появление в формирующихся протогородских центрах значительных групп населения, не занятых непосредственно в сфере сельскохозяйственного производства (общинная знать, ремесленники, торговцы), что явилось переломным моментом в процессе классообразования.

Именно таким путем развитие высокопродуктивного ирригационного земледелия на юге Двуречья привело в конечном счете к появлению раннеклассового общества, с развитой, как об этом свидетельствуют данные письменных источников, социальной структурой [25, с. 50—95, 117—163; 78, с. 47—90, 136—157]. Археологические данные не противоречат этому и позволяют говорить по меньшей мере о пяти социальных слоях общества раннединастического Шумера: 1) цари, 2) знать (жрецы, военачальники), 3) чиновничество (могилы с оружием и печатями; печатями), 4) воины (могилы с оружием), 5) рядовые горожане, включая, видимо, купцов, торговцев, ремесленников (могилы с сосудами, украшениями, орудиями труда). Рабы находились вне этой социальной структуры [79, с. 16]. Не исключено, что их хоронили отдельно от свободных на специальных кладбищах. Развитая социальная структура зафиксирована также для других раннеклассовых обществ. Так, в древнем Китае чжоусского времени известно четыре социальных слоя [33, с. 192—247].

Для раннеклассовых обществ характерна жесткая иерархия социальных рангов, так как результатом процесса классообразования нередко являлась «бытовая кастовость, которая если и не приводит к оформлению четко выраженных и полностью замкнутых каст, то во всяком случае содействует выделению из общей массы населения привилегированных масс и слоев» [79, с. 4]. Возникновение в результате разложения первобытного строя обществ с сословно-кастовыми системами сейчас подтверждается этнографическими и историческими источниками [18, с. 151—154; 23, с. 52—65; 79, с. 4—17].

Не все исследователи согласны с тем, что процесс классообразования в южной Месопотамии проходил в условиях преобладания земледелия как формы хозяйства. По мнению акад. Б. Б. Пиотровского, большую роль

в хозяйстве додинастического Шумера играло скотоводство, в значительной степени подготовившее социальное расслоение общества на юге Двуречья [61, с. 6—7]. Для подтверждения своей точки зрения Пиотровский обращается к анализу искусства (печати, изображения на стенах храмов) и мифологии древнего Шумера, т. е. к идеологическим сферам деятельности общества. Между тем материальная культура древнейших обитателей юга Месопотамии говорит о доминирующей роли земледелия в их хозяйстве на протяжении всего додинастического периода [48, с. 3—14]. Сохранившиеся документы царских и храмовых хозяйств Шумера тоже свидетельствуют о преобладании земледелия [61, с. 7], поскольку природные условия юга Месопотамии способствовали прогрессу именно этой формы хозяйства. Следовательно, в течение всего процесса становления цивилизации шумеров на юге Двуречья господствовало интенсивно развивающееся ирригационное земледелие.

Скотоводство как форма хозяйства способствовало процессу классового образования [61], но только там, где имелись оптимальные условия для его развития. Таким районом для Передней Азии был горный массив Загроса, где яйлажное скотоводство возникло, видимо, в IV тысячелетии до н. э. [91, с. 238—239; 218, с. 33].

Существует точка зрения, что во второй половине III тысячелетия до н. э. в центральной Анатолии также обитали скотоводческие племена [61, с. 3]. Ее могло бы подтвердить отсутствие в эту эпоху в центральной Анатолии присущих земледельцам коллективных погребений и наличие в ряде случаев парных захоронений, характерных для скотоводческого населения (Кушура, Аладжа-Хёюк, Алишар, Ахлатлибель). Парные погребения конца III тысячелетия до н. э. обнаружены также на юге Малой Азии (Тилмен-Хёюк, Тиль Барсиб, Кархемиш). Такая гипотеза опровергается существованием многочисленных многослойных поселений центральной Анатолии рассматриваемого времени, свидетельствующих о прочной оседлости населения, которая могла быть следствием преимущественно земледельческой формы хозяйства. Все поселения, за исключением Бейчесултана, не превышают 1—2 га [53, с. 125] и не являются протогородскими центрами.

Причины, которые задержали процесс формирования раннегородских центров в Анатолии, еще не ясны. Но независимо от того, связаны ли они со специфическими

условиями развития земледелия при ограниченных водных ресурсах или с вторжением хеттских скотоводческих племен, эти причины замедлили процессы имущественной и социальной дифференциации населения, что подтверждается материалами захоронений.

Погребения центральной Анатолии периода ремесел выглядят более бедными по сравнению с захоронениями Ирана и Средней Азии. В Анатолии самыми богатыми являются могилы, где обнаружено 7 видов вещей. В Средней Азии встречаются погребения, содержащие от 8 до 10 видов вещей, а в Иране — захоронения, содержащие от 8 до 15 видов вещей. Разница в степени богатства инвентаря различных могил в Анатолии не столь велика, как в погребениях раннегородских центров Месопотамии (Гавра), Ирана (Гисар), Средней Азии (Алтын-Дене).

Однако несмотря на то что во второй половине III тысячелетия до н. э. в центральной Анатолии почти нет крупных раннегородских центров, в начале II тысячелетия до н. э. здесь складывается раннеклассовое общество. Стимулятором процесса классового образования в данном случае, очевидно, послужила торговля.

Насыщенность центральной Анатолии полезными ископаемыми обусловила весьма раннее развитие здесь торговли. Еще в VII тысячелетии до н. э. Малая Азия снабжала другие страны Ближнего Востока обсидианом — сырьем для изготовления орудий труда, поскольку его источники находились только в Анатолии — Каппадокия и район близ озера Ван с прилегающей частью Армении [240, с. 38—39, 48]. Халафское поселение Тильки-тепе у озера Ван [172, с. 38] было торговым пунктом и центром обработки добываемого сырья [42, с. 238; 240, с. 48, 52].

В эпоху бронзы на первый план выступает торговля металлом. Поэтому в III—II тысячелетия до н. э. торговая экспансия сопредельных стран, прежде всего Двуречья, где отсутствовали важные сырьевые источники, направлена в сторону Анатолии с ее месторождениями меди и серебра. О богатстве Анатолии металлами говорит также большая по сравнению с Месопотамией или Средней Азией насыщенность погребений этого региона медными изделиями.

Торговые связи Анатолии с сопредельными странами в течение почти всего III тысячелетия до н. э. характеризуются, видимо, многоступенчатым обменом. Не обошлось

и без военных походов правителей южного Двуречья, отголоском которых является легенда о походе Саргона Аккадского в Малую Азию [97, с. 18]. Регулярная торговля металлом приводила к обогащению контролировавшей ее общинной знати, о чем свидетельствуют богатые гробницы вождей-жрецов Аладжи-Хёюка и Хороз-тепе. В значительно меньшей степени влияние этой торговли сказалось на процессе социального расслоения основной массы населения центральной Анатолии. В погребениях либо нет инвентаря либо он представлен 2—3 видами: сосуды, украшения, каменные изделия. По сравнению со Средней Азией и Ираном в погребениях Анатолии гораздо реже встречаются женские статуэтки, печати, символы власти.

В конце III тысячелетия до н. э. в центральной Анатолии появляются укрепленные поселения, постепенно превращающиеся в крупные торговые фактории (Алишар, Кюль-тепе). Торговля с Месопотамией приобретает все больший размах. Не исключено, что именно в это время в Анатолию начинают проникать первые купцы из Месопотамии. Появление крупных торговых центров вследствие расширения масштабов торговли с Месопотамией в свою очередь ускорило имущественное и социальное расслоение анатолийского населения. Этот фактор явился решающим в процессе формирования цивилизации древней Анатолии. В начале II тысячелетия до н. э. здесь складывается первое государственное образование с центром в городе Канише (Кюль-тепе). Клинописные документы, найденные при раскопках Каниша, указывают на развитую социальную структуру анатолийского общества начала II тысячелетия до н. э. [97, с. 14—91]. Материалы погребений позволяют говорить по меньшей мере о четырех социальных группах населения: 1) знать (включая правителя города); 2) чиновничество (могилы с печатями и оружием); 3) воины (могилы с оружием); 4) рядовые горожане, в том числе купцы, торговцы и ремесленники (могилы с сосудами, украшениями, оружием и гириями, гириями и чашечками весов). При раскопках погребений Кюль-тепе зафиксировано 8 видов инвентаря, т. е. много больше, чем в предшествующий период.

Центром Каниша была цитадель, в которой кроме резиденции правителя, видимо, находилась главная контора торговой организации города. Торговое объединение Каниша, в котором преобладало богатое малоазийское купечество, контролировало всю торговлю с Месопотамией

и находилось под контролем местных властей [97, с. 14—24].

Тексты Каниша упоминают название области Тамниш, расположенной к северу от Кюль-тепе, сообщая, что там был свой правитель [97, с. 32—33]. Поселение Аладжа-Хёюк расположено именно в этом регионе. Очевидно, к началу II тысячелетия до н. э. потомки аладжинских вождей становятся полновластными правителями этой страны.

Прекращение деятельности торгового объединения в Канише совпадает по времени с образованием хеттской державы при Анитте Кушшарском. Анализ социального строя древнехеттского общества не входит в задачу нашей работы. Отметим только, что царская власть в древнехеттской империи первоначально носила ограниченный характер. Как показывают работы хеттологов, первыми хеттскими царями были избираемые народным собранием верховные военачальники, действия которых контролировались этим собранием и аристократическим советом [24, с. 154—157].

В IV—III тысячелетиях до н. э. на Древнем Востоке процветала торговля лазуритом, который шел на изготовление разнообразных украшений и поделок. Торговый путь, связывавший район добычи лазурита (горный Бадахшан) с древнейшими государствами Передней Азии — Шумером и Эламом, проходил через территорию Ирана.

Одним из поставщиков лазурита в Месопотамию был Гисар, где обнаружены мастерские по его обработке, каждую из которых, вероятно, обслуживали несколько ремесленников [260]. Исследование Г. Герман показало, что кроме Гисара (слой IB) вдоль торгового пути, по которому лазурит из Бадахшана попадал в Месопотамию, были расположены также поселения Сиалк (слой III₄₋₅) и Гиан (слой Vc). В период Джемдет-Наср эламитяне захватывают Сиалк и основывают там свою торговую факторию (поселение слоя IV), которая стала контролировать торговлю лазуритом. После захвата эламитянами Сиалка лазурит стал попадать в Месопотамию через Гисар, Сиалк, Сузы, минуя Гиан, вследствие чего жизнь на нем прекратилась и возобновилась лишь в раннединастическом периоде. Торговля лазуритом замирает в начале раннединастического периода и приобретает большой размах с конца раннединастического периода [89, с. 295; 168, с. 36—37, 53—54], что привело к обогащению общинной

верхушки, которая ее контролировала. Богатые могилы Гисара III, видимо, являются следствием этого оживления торговли лазуритом.

Данные о развитии торговли на юге Туркмении весьма отрывочны. Торговые контакты древнеземледельческих общин этого региона с харапской цивилизацией и с районом Бадахшана, где добывали лазурит, отмечены только для эпохи бронзы [45; 69, с. 8; 53, с. 110].

Однако торговля сырьем для изготовления предметов роскоши не смогла предотвратить упадка раннегородских центров ни в Иране, ни тем более в Средней Азии. В результате кризиса протогородских центров процессы классовобразования в упомянутых районах были приостановлены. Таким образом, только торговля стратегическим сырьем (металлы), из которого изготавливались различные орудия труда и прежде всего оружие, способствовала становлению раннегородских центров (центральная Анатолия), что стимулировало процесс классовобразования, логическим завершением которого явилось раннеклассовое общество.

Вопрос о степени влияния военного фактора на процесс классовобразования до сих пор не решен однозначно. Одни исследователи считают, что войны имеют вторичное значение для классовобразования, другие утверждают, что война — главный фактор, ведущий к образованию государств [2; 17, с. 191; 59, с. 197; 137; 185, с. 45].

Нетрудно заметить, что все концепции, как ограничивающие первостепенное значение военного фактора, так и выдвигающие его на первый план, имеют один недостаток — претензию на универсальность. Тезис об универсальности войн в эпоху разложения первобытнообщинного строя подразумевает, что войны, яркую характеристику которых дал Ф. Энгельс,⁴ являются неотъемлемой частью процесса классовобразования в обществах с различными системами производящего хозяйства. Но если война становится неотъемлемой чертой эпохи разложения первобытнообщинного строя, то следствием этого должно было бы явиться поголовное вооружение всех свободных мужчин или формирование прослойки профессиональных воинов. Этот процесс не мог бы не отразиться в погребальных обрядах, которые быстро реагируют на изменения в социальной структуре древних обществ, фиксируя все важнейшие тенденции их развития. Следовательно, в период

классообразования можно ожидать появления захоронений с оружием как массового (каждый мужчина — воин) или как широко распространенного явления (выделение слоя профессиональных воинов). Обратимся к анализу погребений.

В период архаической экономики производящего типа находки оружия в могилах взрослых очень редки. В 5 мужских могилах Али-Юша (Иран) найдены глиняные и каменные шарики, которые, вероятно, служили ядрами пращи [171, с. 244—255]. В захоронениях мужчин Чатал-Хёюка (Турция) обнаружены кремневые наконечники копий и стрел [202, с. 204—209]. Количество могил с оружием в Чатал-Хёюке не установлено, так как каталог погребений не опубликован. Судя по предварительным сообщениям, количество захоронений с оружием невелико, так как подавляющее число могил вообще не содержало инвентаря.

В период развитой экономики производящего типа оружие в могилах взрослых не представлено, за исключением ядра пращи в одном из погребений Самарры в северной Месопотамии [170, с. 1—4]. Этому не противоречат находки каменных топоров в могилах Сиалка I [158, с. 10—11] и Хакалана [119] в Иране и Ярым-тепе [55, с. 452—453] в Месопотамии, поскольку нельзя доказать их использования в качестве боевого оружия.

В период ремесел в Средней Азии шесть погребений с боевым оружием найдены на поселениях Алтын-Депе,⁵ Улуг-Депе,⁶ Сапалли-тепе [8, с. 59—60; 9, с. 42, 72]. В Иране бронзовые топоры, кинжалы и копья обнаружены в погребениях Гисара I и III [246, с. 440; 247, с. 62—87, 232—261], Гиана III—IV [139, с. 31—37], Джемшеди [139, с. 108—111], Хураба [254, с. 119—122] и Дайти [259]. Одно погребение с оружием известно в Геой-тепе [133, с. 123]. Всего в Иране на 283 погребения взрослых приходится 29 могил с оружием. В это число не включены погребения с оружием, открытые в Тюрнг-тепе [270, с. 7—12], поскольку они остались не опубликованными. В горных районах Луристана Л. ван-ден Берге раскопал ряд могильников, многие из которых датируются III тысячелетием до н. э. Хотя детальная публикация луристанских погребальных комплексов отсутствует, уже сейчас можно сказать, что они изобилуют боевым оружием [114, с. 54—55; 115, с. 15; 116, с. 23—35; 117, с. 26—34; 118, с. 25—38]. В Малой Азии (исключая районы западной Анатолии)

погребения с оружием зафиксированы в центральной Анатолии: Машат [225, с. 19], Ахлатлибель [121, с. 42], Косумбели [209, с. 148], Бююк-Гюллекек [182, с. 50, табл. IV], Коручу-тепе [195, с. 360—361], и южной Турции: Гедикли [106, с. 47—51], Кархемиш [265, с. 89—91; 269, с. 218—222]. Всего в Малой Азии на 135 погребений взрослых приходится 12 могил с оружием. В Месопотамии погребения с оружием (ядра пращи, топоры, копья) обнаружены в Арпачии [199, с. 38—42] и Уре [268, с. 21, 87—89]. Всего в Месопотамии на 117 погребений взрослых приходится 3 могилы с оружием.

Из 771 захоронения взрослых периода ремесел оружие имеется в 50 могилах. Если из этого числа исключить погребения, в которых кроме оружия найдены символы власти, женские статуэтки, вещи культового характера (захоронения общинной знати), то количество воинских погребений сокращается до 44, что составляет менее 6 % всех могил. Погребения западной Анатолии и Луристана не учтены, поскольку отсутствуют подробные публикации раскопанных там могильников.

В погребениях Месопотамии позднеурукского и джемдетнарсского периодов (первый этап раннеклассовой формации) оружия нет. Только в одной могиле (Ур, период Джемдет-Наср) обнаружены глиняные шарики, которые можно считать ядрами пращи [268, с. 124]. Боевое оружие в нескольких случаях встречено в могилах взрослых I—II раннединастических периодов: Чагир-Базар [197, с. 58—59; 198, с. 126—127], Фара [167, с. 17—20]. На 103 могилы I—II раннединастических периодов приходится 10 захоронений с оружием, причем в двух случаях в погребениях кроме оружия имелись печати. Количество погребений с оружием резко возрастает в III раннединастический период. Достаточно сравнить данные по погребениям I—II раннединастических периодов с «воинским» могильником Ура, относящимся к III раннединастическому периоду, чтобы увидеть насколько возросло число могил с оружием. На 100 могил «воинского» кладбища приходится 41 погребение с оружием, причем в 18 случаях в погребениях кроме оружия отмечены печати. В целом же из 947 погребений взрослых южной Месопотамии III раннединастического периода боевое оружие (кинжалы, топоры, копья) зафиксировано в 262 могилах (182 могилы с оружием, 80 могил с оружием и печатями), что составляет 28 % всех раскопанных могил. Могилы с оружием

концентрируются в крупных городских центрах. Так, в Уре [267, с. 412—480] и Кише [215, с. 89—126] из 816 могил этого времени 249 погребений содержали оружие, что составляет 30,5 % всех раскопанных могил. Для небольших городов количество могил с оружием значительно меньше. В Хафадже [143, с. 114—133] из 41 погребения оружие имеется только в девяти случаях, что составляет 22 % всех раскопанных могил. Еще более показательны эти цифры для небольшого сельского поселения Эль-Убейд [266, с. 142—154, 172—203], где из 90 погребений оружие представлено только в четырех могилах, что составляет 4 % всех захоронений.

Могилы Кюль-тепе (центральная Анатолия) почти не опубликованы, что не дает возможности установить увеличение количества могил с оружием при переходе от доклассового общества к раннеклассовому. Из 33 погребений взрослых оружие найдено только в пяти случаях [226, с. 161—163; 227, с. 150; 228, с. 73, 77].

Приведенные данные показывают, что могилы с боевым оружием появляются в раннеземледельческих обществах сравнительно поздно (период ремесел). Находки кремневых стрел и копий, ядер пращи в могилах Али-Коша и Чатал-Хёюка (период архаической экономики производящего типа) говорят о сохранении в погребальных обрядах первых земледельцев древних традиций тех времен, когда охота была одним из основных источников питания и каждый мужчина имел набор соответствующего вооружения. По мере развития земледельческого хозяйства старые традиции в погребальных обрядах полностью отмирают. Захоронения с охотничьим оружием исчезают в период развитой экономики производящего типа.

В период ремесел повсеместно появляются захоронения с боевым оружием (бронзовые топоры, кинжалы, копья). Но их количество настолько незначительно, что говорить о сложении прослойки профессиональных воинов не приходится. Ситуация не меняется и в последующие периоды (поздний Урук, Джемдет-Наср). Погребальные комплексы периода ремесел, в основном совпадающего с эпохой классовообразования и первых фаз развития раннеклассового общества, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что в недрах общества еще отсутствуют предпосылки для формирования воинской прослойки. Очевидно, война не являлась неотъемлемой частью процесса классовообразования в древнеземледельческих обществах.

Количество погребений с оружием увеличивается в последующие фазы развития раннеклассового общества (раннединастический период Месопотамии). На заключительной стадии этого периода (РД III) почти каждое третье захоронение содержит боевое оружие. Очевидно, здесь можно говорить о наличии группы профессиональных воинов. Появление военных дружин определялось в первую очередь антагонистическими противоречиями раннеклассового общества. Господствующий класс нуждался в воинских отрядах для удержания власти в своих руках, для эксплуатации соплеменников. Одновременно начинаются захватнические войны между городами-государствами древнейшего Шумера. Наконец, потребность в воинских силах вызывалась необходимостью отражать набеги воинственных горных племен, которые, как известно из письменных источников, неоднократно завоевывали Месопотамию [58, с. 157, 376—378].

Нельзя конечно утверждать, что земледельцы совсем не знали войн в догосударственный период. Миграции земледельческих племен не могли обходиться без локальных войн. Воинственные горцы, очевидно, нападали на земледельческие оазисы и в догосударственный период. Именно в связи с этими обстоятельствами возникают и развиваются оружейное ремесло и древнейшая фортификация протогородских центров Ближнего Востока и Средней Азии. Однако эти локальные войны были лишь кратковременными эпизодами в жизни древних земледельцев.

Два момента могли препятствовать возникновению войн у древних земледельцев Передней Азии в догосударственный период и на самых первых этапах существования раннеклассового общества (периоды поздний Урук—Джемдет-Наср в Месопотамии). Во-первых, захват основного средства производства — земли был сопряжен с большими трудностями и требовал для удержания ее значительных воинских контингентов, которых общество еще не имело. Во-вторых, как показывает анализ погребений, сильная социальная стратифицированность древнеземледельческих обществ существовала уже в период ремесел, способствуя значительной эксплуатации общинников знатью, что давало последней возможность получать значительный прибавочный продукт, не прибегая к грабительским войнам. Аналогичные ситуации известны по этнографическим данным [58а, с. 126]. Когда возможности извлечения прибавочного продукта подобным обра-

зом перестали удовлетворять верхушку общества, начались захватнические войны, характерные для эпохи раннеклассовых обществ (раннединастический период в Месопотамии).

Большое количество находок оружия в могильниках Луристана периода ремесел требует соответствующего объяснения. В Луристане, расположенном в горах Загроса, основа хозяйства была иной, чем в других районах Передней Азии. Видимо, с середины или конца IV тысячелетия до н. э. здесь возникает являющее скотоводство [91, с. 238—239; 218, с. 33]. В III тысячелетии до н. э. хозяйство луристанских племен было скотоводческо-земледельческим [42, с. 227—229]. В обществах скотоводческого типа грабительские войны фиксируются с глубокой древности. Достаточно вспомнить неоднократные набеги скотоводческих племен Загроса на земледельческие оазисы Месопотамии второй половины III тысячелетия до н. э. Этим набегам безусловно предшествовали столкновения племен за скот и пастбища в самом Луристане. Аналогичная ситуация достаточно хорошо известна по материалам степных культур Евразии раннего железного века. Непрерывные военные столкновения приводили к почти поголовному вооружению мужского населения, что и нашло отражение в погребальных комплексах луристанских могильников.

Два обстоятельства способствовали развитию войн в обществах скотоводческого типа. Во-первых, грабительские войны стимулировались легкостью захвата скота как военной добычи. Во-вторых, в скотоводческих обществах довольно рано выделилась аристократическая верхушка, в то время как основная масса общинников почти не была затронута процессом социального и имущественного расслоения и сохраняла все свои права [61, с. 2—3]. Вследствие этого единственным источником получения дополнительного прибавочного продукта для родовой знати становились грабительские войны против соседей [58а, с. 127—128].

В свою очередь эти войны содействовали процессу социального и имущественного расслоения рядовых общинников в скотоводческих обществах, являясь важным фактором классовобразования.

Количественные данные по погребениям с оружием центральной Анатолии противоречат предположению о том, что в III тысячелетии до н. э. здесь обитало скотоводческое

население. Количество могил с оружием в центральной Анатолии такое же, как и в других земледельческих регионах Ближнего Востока, что скорее свидетельствует о земледельческом характере хозяйства центральноанатолийского населения. Впрочем, степень изученности этого региона пока еще недостаточна для окончательных выводов. Проблема может быть решена только после полной публикации всего накопленного турецкими археологами материала из центральной Анатолии.

Гораздо больше оружия найдено в захоронениях западной Анатолии [122, с. 1—20; 124, с. 114, фиг. 1—7, с. 117, фиг. 8—10; 206, с. 271—277; 208, с. 243—250; 210, с. 253—256; 211, с. 253—259; 212, с. 321—327], но каталоги этих погребений не опубликованы. Западная часть Малой Азии в культурно-географическом отношении тяготеет к культурам бронзового века Киклад и Элады, где уже в III тысячелетии до н. э. находки боевого оружия в могилах составляют массовое явление [15]. Процесс классообразования в этих регионах имел свою специфику и рассмотрение ее выходит за рамки настоящей работы.

Анализ захоронений древних земледельцев Ближнего Востока и Средней Азии не подтверждает тезиса об универсальности войн в эпоху разложения первобытнообщинного строя. Война как фактор классообразования играла важную роль в древневосточных обществах со скотоводческой экономикой, в то время как для оседлых земледельцев Передней Азии этот фактор практически не имел значения.

При раскопках могильников периода ремесел выявлена целая серия погребений, в которых найдены каменные или металлические предметы с зооморфными или геометрическими изображениями, позволяющие делать оттиски на пластических материалах. Согласно широко распространенной точке зрения, эти предметы являются печатами, которые свидетельствуют о становлении института собственности в древнеземледельческих обществах [45, с. 185].

Возможность использования рассматриваемых предметов в качестве печатей оспаривает И. Н. Хлопин, указывая на отсутствие вещей со следами их оттисков и на факты находок этих предметов в женских могилах, поскольку, по его мнению, помещение знаков собственности в погребения женщин противоречит принципам патриархата. Хлопин считает эти предметы штампами

или трафаретами для нанесения на различные изделия бытового характера орнаментальных узоров. Поскольку все виды производства домашней утвари находились в руках женщин, их хоронили с орудиями своего труда. Погребения женщин, по мнению Хлопина, следует рассматривать как захоронения женщин-мастериц [88].

Как ни заманчива гипотеза Хлопина, против нее можно выдвинуть ряд возражений. Во-первых, как об этом пишет сам Хлопин, оттиски бронзовых печатей на кусках глины обнаружены в Шахри-Сохте [88, с. 36]. Во-вторых, признаки печатей орудиями ремесленного производства означает, что в погребальных обрядах древних земледельцев отражается профессиональная ориентация умерших. Данные сравнительной археологии показывают, что когда погребальный обряд какой-либо археологической культуры фиксирует профессиональную ориентацию умерших, мы имеем для этой культуры погребения мастеров различных сфер производства [16, с. 52—53]. Погребальные обряды древнеземледельческих культур периода ремесел, происхождение которых следует связывать с районами Ближнего Востока и юга Средней Азии, не обнаруживают такой закономерности. Следовательно, они не фиксируют профессиональной ориентации умерших. Единственным исключением из этого правила является погребальный обряд культуры Сапалли на юге Узбекистана [9, с. 139], истоки которой, однако, уводят нас в более северные районы Средней Азии [5]. Таким образом, печати нельзя считать орудиями ремесленного производства.

В-третьих, печати имеются не только в женских, но и в мужских погребениях. Распределение печатей в могилах мужчин и женщин периода ремесел (Гисар) обнаруживает любопытную закономерность. В слое Гисар I они встречены преимущественно в женских могилах, в слое Гисар II большая часть печатей находилась уже в могилах мужчин, в слое Гисар III только одна печать была в погребении девушки. Понять эту закономерность можно, только предположив, что печати являются символами собственности. В таком случае установленная тенденция распределения печатей в могилах мужчин и женщин свидетельствует о становлении института собственности в древнеземледельческих обществах в условиях развития патриархальных отношений, господство которых знаменует дискриминацию женщин в области социальных и имущественных прав. Впрочем, ни одна группа свободного

населения, несмотря на всевозможные ограничения, не может быть полностью лишена права владения собственностью. Об этом говорят находки печатей в могилах женщин не только в период ремесел, но и в эпоху раннеклассовых обществ (могильник «А» Киша).

В погребениях периодов архаической и развитой экономики производящего типа печати встречаются крайне редко (Чатал-Хёюк, Хаджи-Фируз, Гавра). Широкое распространение они получают только в период ремесел, когда усиливается имущественное расслоение населения. Погребения с печатями, как правило, обнаружены при раскопках поселений городского типа. Это обстоятельство еще раз указывает на особую роль раннегородских центров в процессе имущественной дифференциации древнеземледельческого населения.

Погребения с печатями являются, как правило, богатыми и принадлежат состоятельным людям. Для периода ремесел учтено 28 богатых могил с печатями, 6 стандартных и только 2 бедные. Для первых этапов раннеклассовой формации учтено 114 богатых могил с печатями, 42 стандартные и 46 бедных. Кроме того, печати обнаружены в богатых погребениях общинной знати наряду с символами власти, вещами культового характера, сосудами, украшениями и т. д. Находки печатей с именами владельцев зафиксированы также в богатых гробницах Ура.

Совокупность всех приведенных фактов подтверждает традиционную точку зрения, согласно которой печати являются символами собственности и указывают на зарождение и становление в недрах первобытнообщинного строя института собственности, дальнейшее развитие которого обусловило появление раннеклассовых обществ.

Примечания к главе V

¹ Период архаической экономики производящего типа: Иран (погребение в Ганш-Даре, две могилы в Али-Коше), Малая Азия (захоронения Чатал-Хёюка). Период развитой экономики производящего типа: Иран (два погребения в Хаджи-Фирузе, захоронения в Хакалане), Месопотамия (Телль-эс-Севван, Гавра, Матарра, Хассуна). На каждом памятнике обнаружено по одному захоронению. Средняя Азия (24 погребения в Геоксюр, три погребения на Алтын-Депе, погребение на Кара-Депе). Период ремесел: Иран (могила в Гисаре, восемь могил в Гею-тепе, три могилы в Джамшеди, три могилы в Сиялке, две могилы в Шах-тепе, луристанские могильники), Малая Азия (могила в Кархемише, могила в Тиль Барсобе, захоронения в Караташе), Месопотамия

(три погребения в Арпахии, шесть погребений в Уре, захоронения в Эреду), Средняя Азия (20 могил на Алтын-Депе, три захоронения на Улуг-Депе, два погребения на Хапуз-Депе).

² Период архаической экономики производящего типа: Малая Азия (захоронения Чатал-Хёюка). Период развитой экономики производящего типа: Иран (три погребения в Хаджи-Фирузе), Месопотамия (одно погребение в Гавре), Средняя Азия (два погребения в Геоксюр, одно на Кара-Депе). Период ремесел: Иран (две могилы в Гисаре, луристанские могильники), Средняя Азия (девять погребений на Алтын-Депе, погребение на Хапуз-Депе).

³ Геоксюр: в толосе Б похоронены мужчина, шесть женщин, один скелет не имеет антропологических определений; в толосе Д похоронены мужчина, две женщины и ребенок; в толосе К похоронены мужчина, женщина и ребенок; в толосе Л похоронены шестеро мужчин, ребенок, два костяка не имеют антропологических определений; в толосе О похоронены двое мужчин, две женщины и ребенок; в толосе Ц похоронены пятеро мужчин, четыре женщины и один скелет не имеет антропологических определений; в толосе Ш похоронены двое мужчин, две женщины и ребенок; в толосе Ф-I похоронены мужчина и женщина; в толосе Ы похоронены мужчина, три женщины и двое детей.

Алтын-Депе: гробница раскопа 9, помещение 11: похоронены двое мужчин, семь женщин, трое детей, два скелета не имеют антропологических определений; гробница раскопа 9, помещение 124: похоронены двое мужчин, пять женщин и четверо детей; гробница раскопа 9, помещение 125: похоронены мужчина, четыре женщины, ребенок, один скелет не имеет антропологических определений; гробница раскопа 10, помещение 17: похоронены трое мужчин, четыре женщины и ребенок; гробница раскопа 5 (костяки № 590—597): похоронены пятеро мужчин, четыре женщины и двое детей.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 164.

⁵ Могилы № 4, 82. Погребения не опубликованы.

⁶ Богатая коллективная гробница с моделью копья и печатями. Погребение не опубликовано.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ погребальных обрядов позволил реконструировать социальную структуру древнеземледельческих обществ Ближнего Востока и Средней Азии, которая характеризуется следующими основными чертами: 1) развитой социальной стратификацией еще в догосударственный период; 2) жесткой иерархической системой половозрастных классов населения; 3) большесемейной общиной при сохранении известной хозяйственной автономии малых семей, ее составляющих; 4) постепенным развитием патриархальных отношений, что приводит к господству мужчин в экономической и социальной организации общества и способствует утрате женщинами равного с мужчинами социального престижа; 5) зарождением и становлением в недрах первобытнообщинного строя института собственности, дальнейшее развитие которого обусловило появление раннеклассовых обществ; 6) дифференциацией мужского и женского труда.

Анализ погребений позволил также дать оценку факторам, способствующим процессу классового образования в обществах с экономикой производящего типа. Основную роль в процессе классового образования сыграл бурный рост городов, постепенно приведший к формированию экономических и культурных основ древних цивилизаций Месопотамии. Предпосылкой формирования раннегородских центров явилось прежде всего интенсивное развитие земледелия как формы хозяйства, которая способствовала прочной оседлости населения и концентрации его в определенных пунктах. Упадок раннегородских центров тормозил социальное и имущественное расслоение населения, что отрицательно сказывалось на процессе классового образования. Кризис протогородских центров Средней Азии и Ирана

задержал на несколько столетий становление раннеклассовых обществ в этих регионах.

Иногда стимулятором процесса классового образования выступала торговля стратегическим сырьем (металлы), которая содействовала постепенному росту раннегородских центров в регионах, богатых рудами (центральная Анатолия). Торговля сырьем для изготовления предметов роскоши (лазурит), напротив, не смогла предотвратить упадка раннегородских центров (Иран).

Война как фактор классового образования играла важную роль в древневосточных обществах со скотоводческой экономикой, в то время как для оседлых земледельцев Передней Азии этот фактор практически не имел значения.

Таким образом, массовый материал могильников является надежным источником, позволяющим корректировать выводы археологов о социальной структуре древних обществ, полученные при раскопках поселений, находках кладов и анализе сохранившихся письменных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев Б. Н.* Культура древнеземледельческих племен эпохи поздней бронзы северной Бактрии (по материалам могильника Джаркутан): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1980. 22 с.
2. *Аверкиева Ю. П.* О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — СЭ, 1970, № 5, с. 33—45.
3. *Алёшкин В. А.* Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении. — СА, 1976, № 2, с. 5—14.
4. *Алёшкин В. А.* Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 20 с.
5. *Алёшкин В. А.* К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы. — КСИА, 1980, вып. 161, с. 24—31.
6. *Алёшкин В. А.* Традиции и инновации в погребальных обрядах: (Эпоха первобытнообщинного строя). — В кн.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981, с. 18—22.
7. *Артамонов М. И.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками. — ПИДО, 1934, № 7—8, с. 108—125.
8. *Аскаров А. А.* Сапаллитена. Ташкент: ФАН, 1973. 172 с.
9. *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана. Ташкент: ФАН, 1977. 232 с.
10. *Бердыев О. К.* Чагыллы-Депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, с. 3—28.
11. *Бердыев О. К.* Песседжик-Депе — центр неолитического оазиса. — АО, 1969 (1970), с. 414—415.
12. *Бердыев О. К.* Чопан-Депе — памятник джейтунской неолитической культуры. — В кн.: Материальная культура Туркменистана. Ашхабад: Ёлым; 1971, вып. 1, с. 60—86.
13. *Бердыев О. К.* Монджуклы-Депе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южной Туркмении. — КД, 1972, вып. 4, с. 11—34.
14. *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врубелевецкая на Днестре. М., 1953. 460 с. (МИА; № 38).
15. *Блавагская Т. В.* Черты военной демократии в обществах Элады (III—II тысячелетия до н. э.). — В кн.: Конф. «Возникновение раннеклассового общества»: Тез. докл. М., 1973, с. 12—21.
16. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы: (методологический пересмотр). — В кн.: Проблемы археологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, вып. 2, с. 48—53.
17. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: (Очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 390 с.
18. *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968, кн. 1, с. 89—115.
19. *Вулли Л.* Ур халдеев. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 256 с.
20. *Ганялин А. Ф.* Погребения эпохи бронзы у селения Янги-кала. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. 7, с. 374—384.
21. *Ганялин А. Ф.* Раскопки 1959—1961 гг. на Алтын-Депе. — СА, 1967, № 4, с. 207—219.
22. *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.: Наука, 1972. 280 с.
23. *Данилова Л. В.* Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968, кн. 1, с. 27—66.
24. *Довгяло Г. И.* К истории возникновения государства. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1968. 160 с.
25. *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй древнего Двуречья, Шумер. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 301 с.
26. *Зеленин Д. К.* Очерки русской мифологии. Пг., 1916, вып. 1. 312 с.
27. *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. — Тр. ИААЭ, М.; Л., 1937, т. 15, вып. 2, Этногр. сер., № 5, с. 3—79.
28. *Иессен А. А.* К хронологии больших кубанских курганов. — СА, 1950, № 12, с. 157—200.
29. *Итина М. А.* Могильник бронзового века Кокча 3. — МХЭ, 1961, вып. 5. 96 с.
30. *Итина М. А.* История степных племен южного Приуралья. М.: Наука, 1977. 240 с.
31. *Кабо В. Р.* Становление классового общества у народов Океании. — НАА, 1966, № 2, с. 57—68.
32. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.; Л.: Изд-во соц.-экон. лит., 1935. 176 с.
33. *Крюков М. В.* Социальная дифференциация в древнем Китае. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968, с. 190—249.
34. *Курочкин Г. Н.* Богатство усопших. — ПТ, 1970, № 1, с. 18—20.
35. *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1956, т. 7, с. 260—290.
36. *Кушнарёва К. Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений южного Кавказа. — КСИА, 1973, вып. 134, с. 11—19.
37. *Литвинский Б. А.* Намазга-Депе по данным раскопок 1949—1950 гг. — СЭ, 1952, № 4, с. 30—52.
38. *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. М., 1968. 184 с. (МИА; № 145).
39. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959. 216 с. (МИА; № 73).
40. *Массон В. М.* Кара-Депе у Артыка. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1960, т. 10, с. 319—463.
41. *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита юго-запада Туркмении. М.; Л.: Наука, 1962. 30 с. (САИ; вып. БЗ-8).
42. *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 467 с.

43. *Массон В. М.* Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. — КСИА, 1964, вып. 101, с. 3—8.
44. *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества: (Этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка). — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и протоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР. М.: Наука, 1966, с. 150—166.
45. *Массон В. М.* Протогородская цивилизация юга Средней Азии. — СА, 1967, № 3, с. 165—190.
46. *Массон В. М.* Становление раннеклассового общества на древнем Востоке. — ВИ, 1967, № 5, с. 82—94.
47. *Массон В. М.* Поселение Джейтун. М., 1971. 208 с. (МИА; № 180).
48. *Массон В. М.* Первые земледельцы Месопотамии. — ВДИ, 1971, № 3, с. 3—15.
49. *Массон В. М.* Обмен и торговля в первобытную эпоху. — ВИ, 1973, № 1, с. 78—91.
50. *Массон В. М.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-Депе. — СА, 1974, № 4, с. 3—22.
51. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 192 с.
52. *Массон В. М.* Типология древних городов и исторический процесс. — В кн.: Древние города: Матер. к Всесоюз. конф. «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья» (Пенджикент, октябрь, 1977 г.). Л.: Наука, 1977, с. 5—7.
53. *Массон В. М.* Алтын-Депе. — Тр. ЮТАКЭ, Л.: Наука, 1981, т. 18. 176 с.
54. *Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М.* Раннеземледельческие племена северной Месопотамии. — СА, 1971, № 3, с. 141—169.
55. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Большаков О. Г., Бадер Н. О., Башилов В. А., Гуляев В. И.* Исследования раннеземледельческих памятников в Северной Месопотамии. — АО, 1970 (1971), с. 450—454.
56. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Большаков О. Г., Бадер Н. О., Башилов В. А., Гуляев В. И.* Раскопки раннеземледельческих памятников на севере Ирака. — АО, 1971 (1972), с. 557—560.
57. *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Бадер Н. О., Башилов В. А., Большаков О. Г., Гуляев В. И., Куза А. В., Нариманов И. Г.* Исследования Иракской экспедиции. — АО, 1973 (1974), с. 539—544.
58. *Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1980. 407 с.
- 58а. Первобытное общество: (основные проблемы развития). М.: Наука, 1975. 286 с.
59. *Перици А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* История первобытного общества. М.: Высш. шк., 1974. 223 с.
60. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. 133 с.
61. *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства. — В кн.: Конф. «Возникновение раннеклассового общества»: Тез. докл. М., 1973, с. 1—7.
62. *Равдоникас В. И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья. — ИГАИМК, 1932, т. 12, вып. 1—8, с. 5—106.
63. *Равдоникас В. И.* История первобытного общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1947, т. 2. 392 с.
64. *Сарианиди В. И.* Энеолитическое поселение Геоксюр. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1960, т. 10, с. 225—318.
65. *Сарианиди В. И.* К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау. — СА, 1960, № 3, с. 141—152.
66. *Сарианиди В. И.* Халуз-Депе как памятник эпохи бронзы. — КСИА, 1964, вып. 98, с. 60—65.
67. *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. М.: Наука, 1965. 55 с. (САИ; вып. Б3-8).
68. *Сарианиди В. И.* Геоксюрский некрополь. — МИА, 1965, № 130, с. 102—105.
69. *Сарианиди В. И.* О великом лазуритовом пути на древнем Востоке. — КСИА, 1968, вып. 114, с. 3—9.
70. *Сарианиди В. И.* Новые раскопки на Халуз-Депе. — КСИА, 1969, вып. 115, с. 116—123.
71. *Сарианиди В. И.* Погребения Гисар III: Новые материалы и наблюдения. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М.: Наука, 1971, с. 170—179.
72. *Сарианиди В. И.* Коллективные захоронения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. — УСА, 1972, вып. 1, с. 22—26.
73. *Сарианиди В. И.* Древности низовий Мургаба. — АО, 1972 (1973), с. 483—484.
74. *Смирнов А. П.* Происхождение рабовладения. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.: Наука, 1970, с. 113—132.
75. Сопоставление по вопросу общественных отношений по данным погребений и могильников. — УСА, 1972, вып. 2, с. 48.
76. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты Бутак I в Западном Казахстане. М., 1962. 208 с. (МИА; № 120).
77. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М.: Соцгиз, 1939. 567 с.
78. *Тюменев А. И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М.: Л.: Наука, 1956. 519 с.
79. *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратификация древнего общества. М., 1970. 20 с.
80. *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1978, с. 26—42.
81. *Хлобыстина М. Д.* Могильник Черемушный лог и эпоха раннего металла на Среднем Енисее. — СА, 1971, № 4, с. 23—35.
82. *Хлобыстина М. Д.* Палеосоциологические проблемы южносибирского энеолита. — СА, 1972, № 2, с. 32—40.
83. *Хлобыстина М. Д.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири. — СА, 1973, № 1, с. 24—38.
84. *Хлобыстина М. Д.* Некоторые особенности андроновской культуры минусинских степей. — СА, 1973, № 4, с. 50—62.
85. *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита южной Туркмении. М.; Л.: Наука, 1963. 29 с. (САИ; вып. Б3-8).
86. *Хлопин И. Н.* Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л.: Наука, 1964. 172 с.
87. *Хлопин И. Н.* Теменос на Кара-Депе. — СА, 1971, № 3, с. 221—228.
88. *Хлопин И. Н.* О так называемых печатях: (Индикатор собственности или штамп). — В кн.: Проблемы археологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, вып. 2, с. 33—38.
89. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 383 с.
90. *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров. — Тр. ИЭ (нов. сер.), 1959, т. 51, с. 114—156.

91. Шнирельман В. Л. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980. 333 с.
92. Щегенко А. Я. Раскопки поселения эпохи бронзы Тойчинак-Депе. — КД, 1968, вып. 2, с. 18—24.
93. Щегенко А. Я. Раскопки «вышки» Намазга-Депе. — УСА, 1972, вып. 1, с. 52—53.
94. Щегенко А. Я. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы. — КД, 1970, вып. 3, с. 33—50.
95. Щегенко А. Я. Раскопки Теккем-Депе и Намазга-Депе. — АО, 1971 (1972), с. 529—530.
96. Щегенко А. Я. Раскопки Теккем-Депе. — АО, 1972 (1973), с. 485.
97. Янковская Н. Б. Клинописные тексты из Кюль-тепе. М.: Наука, 1968. 307 с.
98. Abu al-Soof B., Shah es Siwwani B. A. More soundings at tell Qalinj Agha (Erbil). — Sumer, 1967, v. 23, p. 69—75.
99. Abu al-Soof B. Tell-es-Sawwan: Excavations on the fourth season. — Sumer, 1968, v. 24, p. 3—16.
100. Abu al-Soof B. Excavations at tell Qalinj Agha (Erbil). — Sumer, 1969, v. 25, p. 3—42.
101. Al-Addami K. A. Excavations at tell-es-Sawwan (second season). — Sumer, 1968, v. 24, p. 57—94.
102. Akurgal E. Yortankultur — Siedlung in Ovabayindir bei Balkesir. — Anatolia, 1958, v. 3, S. 156—164.
103. Alkim H. Explorations in Turkey, 1967 and 1968. — Anatolica, 1969/1970, v. 3, p. 1—92.
104. Alkim U. B. Archäologischer Bericht aus Anatolien. — Orientalia, 1963, v. 32, f. 1, S. 70—81.
105. Alkim U. B. Archaeological activities in Turkey, 1962. — Orientalia, 1964, v. 33, f. 4, p. 500—512.
106. Alkim U. B., Alkim H. Excavations at Gedikli. — Bell., 1966, v. 30, № 117, p. 27—57.
107. An. St., 1966, v. 16, p. 29—31.
108. Angel J. L. Human remains of Karatas. — AJA, v. 72, № 3, 1968, p. 260—263.
109. AA, 1935, Bd 50, S. 300—305.
110. AfO, 1963, Bd 20, S. 238.
111. Arik R. O. Les fouilles d'Alaca Höyük. Ankara, 1937. 119 p.
112. Arne T. G. Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm, 1945. 367 p.
113. Bendann J. E. Death customs. London, 1930. 304 p.
114. Berghe L. van den. La necropole de Bani Surmah. — Archeologia, 1968, N 24, p. 52—63.
115. Berghe L. van den. Prospections archeologiques dans la region de Bard. — Archeologia, 1970, N 36, p. 10—21.
116. Berghe L. van den. Recherches archeologiques dans la Luristan. — IA, 1972, v. 9, p. 1—48.
117. Berghe L. van den. Le Luristan a l'Age du Bronze. — Archeologia, 1973, N 63, p. 25—36.
118. Berghe L. van den. Excavations in Luristan, Kaley Nisar. — Bull. of the Asia Inst. of Pahlavi Univ., Shiraz, 1973, N 3, p. 25—56.
119. Berghe L. van den. La necropole de Hakalan. — Archeologia, 1973, N 57, p. 49—58.
120. Binford L. R. Mortuary practices: Their study and their potential. — MSA, 1971, v. 25, p. 6—28.
121. Bittel K. Beiträge zur Kleinasiatischen Archäologie. — AfO, 1936, Bd 11, Hf. 1/2, S. 38—56.
122. Bittel K. Ein Gräberfeld der Yortankultur bei Babaköy. — AfO, 1939, Bd 13, Hf. 1/2, S. 1—31.
123. Bittel K. Zur Chronologie der Anatolischen Frühkulturen. — In: Reinecke Festschrift. Mainz, 1950, S. 13—25.
124. Bittel K. Einige Kleinfunde aus Mysien und aus Kilikien. — Ist. Mit., 1955, Hf. 6, S. 113—121.
125. Bittel K. Anatolische Metallgefäße des dritten Jahrtausends. — JDAI, 1959, Bd 74, S. 1—34.
126. Blegen C. W. Excavations at Troy. — AJA, 1935, v. 39, N 1, p. 6—34.
127. Blegen C. W. Troy. Princeton, 1950, v. 1, pt 1. 396 p.
128. Bognar-Kutzian J. The copper Age Cemetery at Tiszapolgár-Basatanya. Budapest, 1963. 597 p.
129. Braidwood R., Braidwood L. Excavations in the plain of Antioch. — OIP, 1960, v. 61. 601 p.
130. Brunn W. A. von. Frühe soziale Schichtungen im nordischen Kreis und bei den Germanen. — In: Festschrift des Römisch-germanischen Zentralmuseum in Mainz. Mainz, 1953, Bd 3, S. 13—28.
131. Buchwaldek M., Koutsky D. Interpretation des schnurkeramischen Gräberfeld von Vikletice. — PA, 1972, Roč. 63, N 1, s. 142—179.
132. Burney C. The excavations at Yanik-tepe, Azerbaijan, 1962: Third preliminary report. — Iraq, 1964, v. 26, p. 54—61.
133. Burton-Brown T. Excavations in Azarbaijan, 1948. London, 1951. 271 p.
134. Caldwell J. R. (ed.). Investigations at Tal-i-Iblis. — Illinois state Museum preliminary reports. Illinois, 1967, N 9. 408 p.
135. Cambel H. Archäologischer Bericht aus Anatolien. — Orientalia, 1951, v. 20, f. 2, S. 235—251.
136. Campbell Thompson R., Hamilton R. W. The British Museum excavations on the temple of Istar at Nineveh, 1930—1931. — AAA, 1932, v. 19, № 3—4, p. 72—95.
137. Carneiro R. L. A theory of the origin of the state. — Science, 1970, v. 169, p. 733—738.
138. Childe V. G. Directional changes in funerary practices during 50 000 years. — Man, 1945, v. 45, N 4, p. 13—19.
139. Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du tepe Giyan. Paris, 1935. 144 p.
140. Cuyler Young T. Taking the history of the Hasanlu area back another five thousand years. — ILN, November 3, 1962, v. 241, N 6431, p. 707—709.
141. Cuyler Young T., Levine L. D. Excavations of the Godin Project: Second progress report. — Roy. Ontario Museum Art and Archaeology, 1974, Occasional paper 26. 167 p.
142. Delaporte L. Grabung am Hashüyük, 1931. — AA, 1932, Bd 47, Hf. 1/2, S. 230—233.
143. Delougaz P., Hill H. D., Lloyd S. Private houses and graves in the Diyala Region. — OIP, 1967, v. 88. 361 p.
144. Die armenische Expedition Belck-Lehmann ZfE, 1899, Jg. 31, S. 579—586.
145. Dyson R. H. A note on Queen Shub-ad's onagers. — Iraq, 1960, v. 22, p. 102—104.
146. Dyson R., Muscarella O., Voigt M. Hasanlu project, 1968. — Iran, 1969, v. 7, p. 179—181.
147. Egami N. The preliminary report of the excavations at Telul eth Thala-that. — Sumer, 1957, v. 13, p. 5—28.
148. Egami N., Sono T. The excavations at Tall-i-Gap, 1959. — Tokyo, 1962. 112 p.

149. *El-Wailly F., Abu ab-Sooif B.* The excavations at tell-es-Sawwan: First preliminary report (1964). — *Sumer*, 1965, v. 21, p. 17—32.
150. *Esin U.* Tepecik excavations, 1970. — In: *Keban Project 1970 Activities*. Ankara, 1972, v. 3. 183 p.
151. *Field H.* Human remains from Jemdet Nasr, Mesopotamia. — *JRAS*, 1932, pt 4, p. 967—970.
152. *Fischer U.* Die Gräber der Steinzeit im Saalegebiet. Berlin, 1956. 327 p.
153. *French D. H.* Excavations at Can Hasan. — *An. St.*, 1968, v. 18, p. 45—53.
154. *Fukai S., Horiuchi K., Matsutani T.* Tetul eth Thalathat: The excavations of tell II. — The Tokyo University Iraq—Iran Archaeological Expedition, Report N 11. Tokyo, 1970. 134 p.
155. *Gallay G.* Beigaben der frühbronzezeit Süddeutschlands in ihrer Verteilung auf Männer- und Frauengräber. — *Homo*, 1972, Bd 23, Hf. 1—2, S. 50—73.
156. *Garstang J.* Prehistoric Mersin. Oxford, 1953. 271 p.
157. *Genouillac H. de.* Fouilles de Telloh. Paris, 1934, v. 1. 106 p.
158. *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk. Paris, 1938, v. 1. 152 p.
159. *Goff C.* Excavations at Tall-i-Mokhodi. — *Iran*, 1963, v. 1, p. 43—70.
160. *Goff C.* Excavations at Tall-i-Mokhodi. — *Iran*, 1964, v. 2, p. 41—52.
161. *Goldman H.* Excavations at Gözlü-Kule, Tarsus. Princenton, 1956. v. 2. 373 p.
162. *Greenwell C.* Notes on a collection of bronze weapons: Implements and vessels found at Khinámán to the west of Kerman in south-east Persia. — *JRAI*, 1907, v. 37, p. 196—200.
163. *Hančar F.* Alaca Höyük: Ein hervorragenden kupferzeitlicher Siedlungs- und Bestattungsplatz unfern von Bogazköy. — *WBKKA*, 1938, Bd 12, S. 1—36.
164. *Häusler A.* Zum Verhältnis von Männer, Frauen und Kinder im Gräber der Steinzeit. — *AFSB*, 1966, Bd 14/15, S. 25—73.
165. *Häusler A.* Kritische Bemerkungen zum Versuch soziologische Deutung ur- und frühgeschichtlicher Gräberfelder. — *EAZ*, 1968, Jg. 9, Hf. 1, S. 1—30.
166. *Häusler A.* Zur Problematik der Gräbersozioologie. — In: *Moderne Probleme der Archäologie*. Berlin, 1976, S. 83—102.
167. *Heinrich E.* Fara: Ergebnisse der Ausgrabungen der Deutschen Orientgesellschaft in Fara und Abu Hatab 1902/03/Hrsg. von W. Andrae. Berlin, 1931. 153 S.
168. *Herrmann G.* Lapis lazuli: The early phases of its trade. — *Iraq*, 1968, v. 30, p. 21—57.
169. *Herrmann J.* Archäologische Kulturen und sozialökonomische Gebiete. — *EAZ*, 1965, Jg. 6, Hf. 2, S. 97—128.
170. *Herzfeld E.* Die vorgeschichtlichen Töpfereien von Samarra. — In: *Die Ausgrabungen von Samarra*. Berlin, 1930, Bd 5. 111 S.
171. *Hole F., Flannery K. V., Neely J. A.* Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. — *Memoirs of the Museum of Anthropology University of Michigan*, 1969, N 1, Ann Arbor. 438 p.
172. *Hrouda B.* Vorderasien I. München, 1971. 338 S.
173. *Jenny W. A.* Schamiramalti. — *PZ*, 1928, Bd 19, Hf. 3/4, S. 280—304.
174. *Jordan J.* Dritter Vorläufiger Bericht über die von der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft in Uruk unternommenen Ausgrabungen. — *APAW*, Jg. 1932, Phil.-Hist. klasse, N 2, S. 1—37.
175. *Kansy S. A.* Etude anthropologique de quelques squelettes d'Alaca Höyük. — *Bell.*, 1937, v. 1, N 1, p. 192—209.
176. *Kirkbridge D.* Umm Dabaghiyah 1971: A preliminary report. — *Iraq*, 1972, v. 34, p. 3—15.
177. *Kirkbridge D.* Umm Dabaghiyah 1972: A second preliminary report. — *Iraq*, 1973, v. 35, p. 1—7.
178. *Klein L. S.* Reiche Katakombengräber. — *EAZ*, 1968, Jg. 9, Hf. 3, S. 210—234.
179. *Koşay H. Z.* Ausgrabungen von Alaca Höyük. Ankara, 1944. 189 S.
180. *Koşay H. Z.* Les fouilles d'Alaca Höyük. Ankara, 1951. 203 p.
181. *Koşay H., Akok M.* Amasya Mahmatlar köyü definesi. — *Bell.*, 1950, v. 14, N 55, p. 481—486.
182. *Koşay H., Akok M.* Ausgrabungen von Büyük-Güllücek. Ankara, 1957. 51 S.
183. *Koşay H. Z., Akok M.* Ausgrabungen von Alaca Höyük. Ankara, 1966. 230 S.
184. *Koşay H. Z., Vary H.* Ausgrabungen von Güzelova. Ankara, 1967. 72 S.
185. *Krader L.* Formation of the state. Englewood Cliffs, 1968. 118 p.
186. *Kroeber A.* Disposal of the dead. — *Am. An.*, 1927, v. 29, N 3, p. 308—315.
187. *Kroemer K.* Gedanken über den sozialen Aufbau der Bevölkerung auf dem Salzburg bei Hallstatt, Oberösterreich. — *Ar. Aus.*, 1958, Hf. 24, S. 39—58.
188. *Krusche R.* Die Institution des «bevorzugten» Kindes. — *JMVL*, 1964, Bd 20, S. 319—355.
189. *Lamb W.* Excavations at Kusura near Afyon Karahisar. — *Archaeologia*, 1937, v. 86, p. 1—64.
190. *Lamb W.* Excavations at Kusura near Afyon Karahisar. — *Archaeologia*, 1938, v. 87, p. 217—273.
191. *Lamberg-Karlowsky C. C.* The Yahya project. — *Iran*, 1971, v. 9, p. 182.
192. *Lloyd S., Sajaf F.* Eridu. — *Sumer*, 1948, v. 4, p. 115—127.
193. *Lloyd S., Sajaf F.* Tell Hassuna. — *JNES*, 1948, v. 4, N 4, p. 255—289.
194. *Lloyd S., Gökçe N.* Excavations at Polatli. — *An. St.*, 1951, v. 1, p. 21—75.
195. *Loon M. van.* The excavations at Korucutepe, Turkey, 1968—1970: Preliminary Report. — *JNES*, 1973, v. 32, N 4, p. 357—423.
196. *Mallowan M. E.* The prehistoric sondage of Nineveh. — *AAA*, 1933, v. 20, p. 71—186.
197. *Mallowan M. E.* The excavations at tall Chagar Bazar and an archaeological survey of the Habur region, 1934—1935. — *Iraq*, 1936, v. 3, p. 1—86.
198. *Mallowan M. E.* The excavations at Tall Chagar Bazar. — *Iraq*, 1937, v. 4, p. 91—177.
199. *Mallowan M. E., Rose J. C.* Prehistoric Assyria: The excavations at tall Arpachiyah. London, 1935. 178 p.
200. *Mellaart J.* The royal treasure of Dorak. *ILN*, November 28, 1959, p. 754.
201. *Mellaart J.* The chalcolithic and early bronze age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966. 212 p.
202. *Mellaart J.* Çatal Hüyük: A neolithic town in Anatolia. London, 1967. 232 p.
203. *Mellaart J.* Excavations at Hacilar. Ankara, 1970, v. 1. 249 p.
204. *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor. — *AJA*, 1958, v. 62, N 1, p. 91—104.

205. *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor. — AJA, 1963, v. 67, N 2, p. 173—190.
206. *Mellink M.* Excavations at Karataş-Semayük. — AJA, 1964, v. 68, N 3, p. 269—278.
207. *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor. — AJA, 1965, v. 69, N 2, p. 133—149.
208. *Mellink M.* Excavations at Karataş-Semayük. — AJA, 1965, v. 69, N 3, p. 241—251.
209. *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor. — AJA, 1966, v. 70, N 2, p. 139—159.
210. *Mellink M.* Excavations at Karataş-Semayük. — AJA, 1967, v. 71, N 3, p. 251—267.
211. *Mellink M.* Excavations at Karataş-Semayük. — AJA, 1968, v. 72, N 3, p. 243—259.
212. *Mellink M.* Excavations at Karataş-Semayük. — AJA, 1969, v. 73, N 3, p. 319—334.
213. *Mellink M.* Archaeology in Asia Minor. — AJA, 1971, v. 75, N 2, p. 161—181.
214. *Moorey P. R. S.* Re-consideration of excavations on tell Ingharra (East Kish), 1923—1933. — Iraq, 1966, v. 28, p. 28—51.
215. *Moorey P. R. S.* Cemetery «A» at Kish: Grave groups and chronology. — Iraq, 1970, v. 32, p. 86—128.
216. *Mortensen P.* Excavations at tepe Guran, Luristan. — Ac. Arch., 1963, v. 34, p. 97—133.
217. *Mortensen P.* Tell Shimshara: The Hassuna period. København, 1970. 148 p.
218. *Mortensen P. A.* Survey of prehistoric settlements in Northern Luristan. — Ac. Arch., 1973, v. 45, p. 1—47.
219. *Nissen H. J.* Zur Datierung des Königsfriedhofes von Ur. Bonn, 1966. 208 S.
220. *Orthmann W.* Kültepe. — AfO, 1966, Bd 21, S. 170—171.
221. *Orthmann W.* Zu den «Standarten» aus Alaca Hüyük. — Ist. Mit., 1967, Bd 17, S. 34—54.
222. *Osten H. von der.* The Alishar Hüyük. — OIP, 1937, v. 28, 283 p.
223. *Otto K. H.* Bemerkungen zur Gesellschaftlichen Bedeutung der frühbronzezeitlichen «Fürstengräber» in Mittelddeutschland. — VIDV, 1954, Bd 5, S. 107—117.
224. *Otto K.* Die sozialökonomischen Verhältnisse bei der Stämmen der Leubinger Kultur in Mittelddeutschland. — EAF, 1955, Bd 3, t. 1, S. 1—124.
225. *Ozgüç T.* Die Bestattungsbräuche im vorgeschichtlichen Anatolien. Ankara, 1948. 162 S.
226. *Ozgüç T.* Ausgrabungen in Kültepe, 1948. Ankara, 1950. 221 S.
227. *Ozgüç T.* Ausgrabungen in Kültepe, 1949. Ankara, 1953. 243 p.
228. *Ozgüç T.* Kültepe-Kaniç. Ankara, 1959. 114 p.
229. *Ozgüç T., Akok M.* Horoztepe. Ankara, 1958. 63 p.
230. *Parrot A.* Les fouilles de Mari. — Syria, 1937, v. 18, p. 54—84.
231. *Parrot A.* Les fouilles de Mari. — Syria, 1938, v. 19, p. 1—29.
232. *Pavuk J.* Neolithischer Gräberfeld im Nitra. — SA, 1972, Bd 20, č. 1, S. 5—105.
233. *Parkins A. L.* The comparative archaeology of early Mesopotamia. Chicago, 1959. 201 p.
234. *Ploß H.* Das Kind in Brauche und Sitte der Völker. Leipzig, 1911, Bd 1. 608 S.
235. *Porada E.* The relative chronology of Mesopotamia. Pt. 1. — In: Chronologies in old world Archaeology / Ed. by R. W. Ehrich. Chicago, 1965, p. 133—200.
236. *Preuß J.* Die Baalberger Gruppe im Mittelddeutschland. Berlin, 1966. 253 S.
237. *Randsborg K.* Social stratification in early bronze age Denmark. — PZ, 1974, Bd 49, Hf. 1, p. 38—61.
238. *Reilly E. B.* Test excavations at Tilkitepe, 1937. — TTAED, 1940, v. 4, p. 156—165.
239. *Renfrew C.* The emergence of civilisation. London, 1972. 595 p.
240. *Renfrew C., Dixon J. E., Cann J. R.* Obsidian and early cultural contact in the Near East. — PPS, 1966, v. 32, p. 30—72.
241. *Ruckdeschel W.* Geschlechtsdifferenzierte Bestattungssitten in frühbronzezeitlichen Gräbern Südbayerns. — BV, 1968, Bd 33, S. 18—44.
242. *Schachermeyer F.* — AfO, 1959/60, Bd 19, S. 229—232.
243. *Schippmann K.* Forschungs- und Ausgrabungsergebnisse in Iran seit 1965. — MDOG, 1972, v. 104, S. 45—80.
244. *Schliemann H.* Ilios. Leipzig, 1881. 880 S.
245. *Schmidt E.* Excavations at Fara 1931. — MJ, 1931, v. 22, N 3—4, p. 193—246.
246. *Schmidt E.* Tepe Hissar: Excavations, 1931. — MJ, 1933, v. 23, N 4, p. 323—483.
247. *Schmidt E.* Excavations at tepe Hissar. Philadelphia, 1937. 478 p.
248. *Schwidetzky J.* Sonderbestattungen und ihre paläodemographische Bedeutung. — Homo, 1965, Bd 21, Hf. 4, S. 230—247.
249. *Sheennan S.* The social organization at Branč. — Antiquity, 1974, v. 49, N 196, p. 279—288.
250. *Smith J. G.* The Matarrah Assemblage. — JNES, 1952, v. 11, N 1, p. 5—57.
251. *Smith P. E. L.* Gani Dareh tepe. — Iran, 1972, v. 10, p. 165—168.
252. *Speiser E.* Tell Billa. — BASOR, 1931, N 42, p. 12—13.
253. *Starr R.* Nuzi Report on the excavations at Jordan tepe near Kirkuk, Iraq, 1927—1931. — Cambridge, Mass., 1937, v. 1. 615 p.
254. *Stein A.* Archaeological Reconnaissances in north-western India and south-eastern Iran. London, 1937. 267 p.
255. *Temizer H.* Kayapinar hüyükü bulentulari. — Bell., 1954, v. 18, N 74, p. 317—330.
256. *Thureau-Dangin F., Dunand M.* Til-Barsib. Paris, 1936. 166 p.
257. *Thurnwald R.* Die menschliche Gesellschaft. Berlin, 1932, Bd 2. 360 S.
258. *Tobler A.* Excavations at tepe Gawra. Philadelphia, 1950, v. 2. 260 p.
259. *Tosi M.* A tomb from Damir and the problem of the Bampur sequence in the third Millenium B. C. — East and West, 1970, v. 20, p. 9—50.
260. *Tosi M., Piperno M.* Lithic technology behind the ancient lapis lazuli trade. — Expedition, 1973, v. 16, N 1, p. 15—23.
261. *Ucko P. J.* Ethnography and archaeological interpretation of funerary remains. — WA, 1969, v. 1, N 2, p. 262—280.
262. *Warner L.* Stone implements and skeletons excavated in Anau. — In: Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, 1908, v. 2, p. 477—494.
263. *Watelin L., Langdon S.* Excavations at Kish. Paris, 1934, v. 4. 72 p.
264. *Wiesner J.* Grab und Jenseits. Berlin, 1938. 259 S.
265. *Woolley L.* Hittite burial customs. — AAA, 1914, v. 6, N 3, p. 87—98.

266. Woolley L. Ur excavations, v. 1: Al-Ubaid. Oxford, 1927. 244 p.
 267. Woolley L. Ur excavations, v. 2: The royal cemetery. London, 1934. 604 p.
 268. Woolley L. Ur excavations, v. 4: The early period. Philadelphia, 1955. 225 p.
 269. Woolley L. Carchemish. London, 1952, pt 3, p. 157—285.
 270. Wulsin F. W. Excavations at Tureng tepe near Asterabad. — Suppl. Bull. Amer. Inst. for Persian Art and Archaeology, 1932, v. 2, N 1—3, March, p. 1—12.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ИААЭ	— Институт антропологии, археологии и этнографии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры, Ленинград.
ИЭ	— Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая
КД	— Каракумские древности, Ашхабад.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции, Москва.
НАА	— Народы Азии и Африки, Москва.
НИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ, М.; Л.
ПТ	— Памятники Туркменистана, Ашхабад.
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии, Ленинград.
ЮТАКЭ	— Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
АА	— Archäologischer Anzeiger, Berlin.
ААА	— Annals of Archaeology and Anthropology, Liverpool.
Ac. Arch.	— Acta Archaeologica, København.
АЮ	— Archiv für Orientforschung, Berlin.
АФСБ	— Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, Berlin.
АJA	— American Journal of Archaeology, Princeton.
Am. An.	— American Anthropologist, Menasha, Wisc.
An. St.	— Anatolian Studies, London.
АРАW	— Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaft, Berlin.
Ar. Aus.	— Archaeologia Austriaca, Wien.
BASOR	— Bulletin of the American School of Oriental Research, South Hadley; New Haven.
BV	— Bayerische Vorgeschichtsblätter, München.
EAF	— Ethnographisch-archäologische Forschungen, Berlin.
EAZ	— Ethnographisch-archäologische Zeitschrift, Berlin.
IA	— Iranica Antiqua, Leiden.
ILN	— The Illustrated London News

- Ist. Mit. — Istanbuler Mitteilungen. Istanbul; Tübingen.
 JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts, Berlin.
 JMVL — Jahrbuch des Museum für Völkerkunde zu Leipzig
 JNES — Journal of the Near Eastern Studies, Chicago.
 JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, London.
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London.
 MJ — Museum Journal, Philadelphia.
 MSAA — Memoirs of the Society for American Archaeology, Salt Lake City, Utah.
 MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orientgesellschaft, Berlin.
 OIP — Oriental Institute Publications, Chicago.
 PA — Památky archeologicke, Praha.
 PPS — Proceedings of the Prehistoric Society, Cambridge.
 PZ — Prähistorische Zeitschrift, Berlin.
 SA — Slovenská archeologia, Nitra.
 TTAED — Türk Tarih Arkeologya ve Ethnografya Dergisi, Istanbul.
 VIDV — Veröffentlichungen des Instituts für Deutsche Volkskunde, Berlin.
 WA — World Archaeology, London.
 WBKKA — Wiener Beiträge zur Kunst und Kulturgeschichte Asiens, Wien.
 ZfE — Zeitschrift für Ethnologie, Berlin.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Погребальный обряд как археологический источник	6
Глава II. Половозрастные группы в раннеземледельческих обществах по данным погребальных обрядов	17
Глава III. Социальная дифференциация раннеземледельческих обществ по данным погребальных обрядов	52
Глава IV. Могилы знати	137
Глава V. Некоторые закономерности и региональные особенности общественного развития древнеземледельческих племен по данным погребальных обрядов	151
Заключение	176
Список литературы	178
Список сокращений	189

Вадим Андреевич Алёшкин

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ**

(по археологическим материалам Средней Азии
и Ближнего Востока)

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. И. Строева

Художник И. П. Кремлёв

Технический редактор Н. А. Кругликова

Корректоры Т. А. Бравая и Н. П. Кизим

ИБ № 21426

Сдано в набор 11.01.86. Подписано к печати 29.05.86. М-22688. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура обыкновенная. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10.08. Усл. кр.-отт. 10.29. Уч.-изд. л. 11.24. Тираж 1700. Тип. зак. № 39. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.